

Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӘТУ

ХАБАРШЫСЫ ИЗВЕСТИЯ

КазУМОиМЯ имени Абылай хана

ISSN 2411-8745

«ФИЛОЛОГИЯ ҒЫЛЫМДАРЫ»

сериясы

4 (39) 2015

серия

«ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

© *Научный журнал «Хабаршысы-Известия» КазУМОиМЯ имени Абылай хана* серия «Филологические науки» Акционерного общества «Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана» зарегистрирован в Комитете связи, информатизации и информации Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан. Регистрационное свидетельство № 15194-Ж от 10.04.2015 г..

Главный редактор

Кунанбаева С.С.,

доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент НАН РК, Алматы, Казахстан

Ответственный редактор

Баяндина С.Ж.,

доктор филологических наук, профессор
КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

Члены редакционной коллегии

Акишина Т.,

профессор, Университет Южной Калифорнии,
Лос-Анджелес, США

Рысалды К.Т.,

доктор филологических наук, профессор
КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

Бердичевский А.Л.,

доктор педаг. наук, Институт международных
экономических связей Айзенштадта,
Айзенштадт, Австрия

Солдатенкова Т.,

профессор, Лёвенский католический университет,
Лёвен, Бельгия

Исабеков С.И.,

доктор филологических наук, профессор
КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

Красных В.В.,

д.ф.н., профессор МГУ им. М.В.Ломоносова,
Москва, Россия

Карасик В.И.,

доктор филологических наук, профессор Волгоградского
государственного технического университета, Россия
Асанова Г.С.,

PhD, КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан

Рецензенты

Кульгильдинова Т.А.,

доктор педагогических наук, профессор
КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

050022, г. Алматы,

ул. Муратбаева, 200

+7 (727) 292 03 84 (вн. 3326)

e-mail: tlik@ablaikhan.kze-mail:

Редакционная коллегия

Отв. за выпуск

начальник «ИПЦ»

Есенгалиева Б.А.

Компьютерная верстка

Кынырбеков Б.С.

Подписано в печать 25.12.2015 г.

Формат 60x84 1/8

Объем 19 п.л. Заказ № 34.

Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «ИПЦ»
КазУМОиМЯ имени Абылай хана

М А З М Ұ Н Ы

1 – Бөлім.

ЛИНГВИСТИКАЛЫҚ ЗЕРТЕУЛЕРДІҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Бейсембаев А.Р., Бахралинова Ә.Ж. Когнитивтік лингвистика шеңберіндегі тұжырымдама құрылымы	5
Герфанова Э.Ф., Астафьева Ю.В. АҚШ Президенті Барак обаманың саяси дискурсында интермәтінділік элементтерінің қызыметі	14
Жұмабаева Д.А. Солтүстік Америка үндістердің әдебиетіндегі қостілдік көрінісі	26
Салыбекова Ф.М., Калдыбекқызы М., Избасарова Г. Әлем бейнесіндегі түр-түс ерекшеліктері	38
Қарбозова Г.К., Құдайбергенова М.Р., Салыбекова Ф.М. Ағылшын және қазақ тілдеріндегі аффикстер	48
Жамалбеков Л. Бақ тіліндегі грамматикалық құралдарының байланысы	59
Қасенбаева М.А. Дискурс талдау және прецедентті феномендер	65

2 – Бөлім.

АУДАРМАНЫҢ ҚАҒИДА МЕН ТӘЖІРИБЕДЕГІ ЗЕРТТЕУЛЕР

Альмухаметов А.Р., Шаяхметов О.М. Араб тілі Каир академиясының «Үлкен сөздік» материалындағы құран мен хадис дәйек сөздері	81
---	----

3 – Бөлім.

ӘДЕБИЕТТАНУ: ДӘСТҮР МЕН ЖАҒАШЫЛДЫҚ

Ақыш Н. Қазақромандарындағы Елбасы бейнесі	97
Алтмышбаева Д.А. Ақын поэзиясын герменевтикалық тәсілдер арқылы түсіндіру	110
Лазариди М.И. Көне грек мифологиясындағы тағдыр трагедиясы: Антигона	126
Людина О.Е. Тарих желісі – әдебиет белесі	134

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Раздел 1.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Бейсембаев А.Р., Бахралинова А.Ж. Структура концепта в рамках когнитивной лингвистики	5
Герфанова Э.Ф., Астафьева Ю.В. Функционирование интертекстуальных элементов в политическом дискурсе Президента США Барака Обамы	14
Жумабаева Д.А. Проявление билингвизма в литературе индейцев Северной Америки	26
Салыбекова Ф.М., Калдыбекқызы М., Избасарова Г. Особенности цвета в картине мира	38
Карбозова Г.К., Кудайбергенова М.Р., Салыбекова Ф.М. Аффиксы в английском и казахском языках	48
Жамалбеков Л. Связь грамматических средств в языке СМИ ...	59
Касенбаева М.А. Дискурс анализ и прецедентные феномены ...	65

Раздел 2.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

Альмухаметов А.Р., Шаяхметов О.М. Цитаты из корана и хадисов на материале «Большого словаря» Каирской академии арабского языка	81
---	----

Раздел 3.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Акыш Н. Образ Президента в казахских романах	97
Алтмышбаева Д.А. Интерпретация как герменевтический приемакынской поэзии	110
Лазариди М.И. Трагедия рока в древнегреческой мифологии: Антигона	126
Люденина О.Е. Рубеж в истории – рубеж в литературе	134

CONTENTS

Section 1.

CURRENT ISSUES OF LINGUISTIC RESEARCH

Beisembayev A.R., Bakhralinova A.Zh. Structure of the concept in terms of cognitive linguistics	5
Gerfanova E.F., Astafyeva Yu.V. Intertextual elements functioning in u.s. president Barack Obama's political discourse	14
Zhumabayeva D.A. Evidence of bilingualism in north american indian literature	26
Salibekova F.M., Kaldibekkyzy M., Izbasarova G. Cultural features of colour in the world pictur	38
Karbozova G.K., Kudaibergenova M.R., Salybekova F.M. Affixation in english and kazakh languages	48
Zhamalbekov L. Grammatical means of cohesion in discourse of hot and cool media	59
Kassenbayeva M.A. Discourse of analysis and precedent phenomenas	65

Section 2.

RESEARCHES IN THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

Almukhametov A.R., Shayahmetov O.M. Guotations from the koran and the hadith as a benchmark in intelligent normative academic dictionary modern arabic on the basis of «Big dictionary» of Cairo academy of arabic language	81
--	----

Section 3.

LITERARY STUDIES: TRADITION AND MODERNITY

Akysh N. The image of the President in kazakh novels	97
Altmyshbayeva Dzh. A. Interpretation as the hermeneutical method in the akyns poetry	110
Lazaridi M.I. Tragedy of fate in actient greec mythology: Antigona	126
Lyoudinina O.Y. Milestone in the history – milestone in the literature	134

**1 – Бөлім.
ЛИНГВИСТИКАЛЫҚ ЗЕРТЕУЛЕРДІҢ
ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ**

**Раздел 1.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

**STRUCTURE OF THE CONCEPT IN TERMS OF
COGNITIVE LINGUISTICS**

Beisembayev A.R.,

Professor, Doctor of Philological Sciences, Marketing and Students Enrolment Prorector
Innovative Eurasian University, Pavlodar, Kazakhstan
referent@ineu.edu.kz

Bakhralinova A.Zh.,

Candidate of Philological Sciences, Senior Teacher,
Chair of pre-school and primary education,
State Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan
87013271319@mail.ru

Keywords: concept, structure, nucleus, periphery, field structure, structural components, cognitive features.

Abstract. This article is dedicated to structural organization and typology of concept in cognitive linguistics. It analyzes different theories of the organization of the concept as the stratified formation. During the research the particular attention was paid to semantic content of the concept in cognitive linguistics.

УДК 81'1

СТРУКТУРА КОНЦЕПТА В РАМКАХ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Бейсембаев А.Р.,

профессор, д.филол.н., проректор по маркетингу и набору
Инновационного Евразийского университета, Павлодар, Казахстан
referent@ineu.edu.kz

Бахралинова А.Ж.,

к.филол.н., ст. преп.кафедры дошкольного и начального образования
Павлодарского государственного педагогического института, Павлодар, Казахстан
87013271319@mail.ru

Ключевые слова: концепт, структура, ядро, периферия, полевая структура, структурные компоненты, когнитивные признаки.

Аннотация. Данная статья посвящена структурной организации и типологии концепта в когнитивной лингвистике. Проанализированы различные теории организации концепта как слоистого образования. При исследовании уделялось внимание смысловому содержанию концепта в когнитивной лингвистике.

При изучении концепта встает вопрос об определении структуры и типологии концептов. Вопрос о структуре концепта продолжает оставаться открытым в когнитивной лингвистике. Концепт располагает определенной структурой, что связано с его активной ролью в процессе мышления. Он актуализируется в разных своих аспектах и взаимодействует с другими концептами. В лингвокогнитивных исследованиях структура концепта получает полевое описание. Когнитивное поле имеет ядерно-периферийную организацию и незамкнутую структуру, совокупность эксплицитно и имплицитно выраженных компонентов когнитивных структур.

Согласно теории Ю.С. Степанова, к структуре относится все, что принадлежит к строению понятия, и все, что концепт делает фактом культуры, т.е. его этимология – исходная форма, сжатая до основных признаков содержания, история, современные ассоциации, оценки. Концепт обладает двумя специфическими признаками: 1) определенным уровнем субъективности и 2) многоярусной организацией. Концепты не только мыслятся, но и «переживаются». Они отражают человеческие эмоции, симпатии и антипатии, а иногда и столкновения. Разрабатывая теорию многоярусной организации концепта, исследователь выделяет три основных слоя:

1) «активный» (актуальный) слой концепта – «верхушка айсберга», основной, очевидный для всех ныне живущих людей признак концепта, который позволяет апеллировать к нему и оперировать им

даже на уровне обыденного сознания;

2) «пассивный» (исторический, фоновый) слой концепта, который включает дополнительные признаки;

3) внутренняя форма, или этимологический признак концепта, т.е. его смысловое первоначало, запечатленное во внешней словесной форме [1, с. 141].

По мнению Ю.С. Степанова, самым значимым является этимологический признак, т.к. в нем содержится изначальный смысл и на нем строятся остальные признаки: «исторический корень, не находясь в светлой зоне обыденного языкового сознания, существует как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значений». Основной актуальный признак известен каждому носителю культуры и значим для него, а дополнительные признаки являются неактуальными, историческими [2, с. 75, 102].

Представление о «слоистом» строении концепта поддерживается многими современными исследователями. Одним из них является В.И. Карасик, который рассматривал слои концепта как отдельные концепты различного объема, а не как компоненты единого концепта. В многокомпонентную структуру входят следующие компоненты:

- 1) образно-перцептивный компонент;
- 2) понятийный (информационно-фактуальный) компонент;
- 3) ценностный компонент.

К образно-перцептивному компоненту относятся: зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые образы, т.е. воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отраженные в нашей памяти.

В понятийном компоненте содержатся языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существуют изолированно.

Ценностная сторона концепта, по мнению ученого, является определяющей, поскольку в ней содержится оценка и поведенческие нормы индивидуума, что представляет важность этого психического образования как для индивида, так и для коллектива [3, с. 8].

По мнению Р.И. Павилениса, чтобы усвоить некоторый смысл, т.е. концепт, необходимо построить некоторую структуру. В связи с этим он выделяет и анализаторы концепта, которые выступают в качестве наблюдателя, находящегося вне системы [4, с. 102].

Согласно взглядам Н.Н. Болдырева, структура концепта представлена в виде «снежного кома», центром которого является ядро, а «обволакивающими слоями» являются конкретные и абстрактные признаки в концепте как единице знания. Ядро концепта составляют конкретно-образные характеристики, которые являются результатом чувственного восприятия мира, его обыденного познания. Конкретные признаки отражают в сознании объективные и субъективные характеристики предметов и явлений и различаются по степени абстрактности. Абстрактными являются производные по отношению к тем, которые отличаются большей конкретностью и отражают специальные знания об объектах, полученные в результате теоретического, научного познания. Взаиморасположение этих признаков носит индивидуальный характер, т.к. зависит от условий формирования концепта у каждого отдельного человека. То есть структура концепта подобна снежному кому: «объем концепта увеличивается за счет новых концептуальных характеристик и обволакивается новыми слоями» [5, с. 29-30].

Г.Г. Слышкин в структуре концепта вычленяет две основные зоны: основную и дополнительную:

- 1) основная зона:
 - интразона;
 - экстразона;
- 2) дополнительная:
 - квазизона;
 - квазиэкстразона.

В основную зону входят две составляющие, к которым относятся интразона и экстразона. Под интразоной подразумеваются признаки концепта, отражающие собственные признаки денотата, а в экстразону входят признаки концепта, извлекаемые из паремий и переносных значений.

Дополнительную зону составляют квазизона и квазиэкстразона, которые связаны с формальными ассоциациями, возникающими в результате созвучия имени концепта с другим словом, использованием эфемизмов [6, с. 17-18].

С.Г. Воркачев выделяет в концепте три составляющие: понятийную, образную, значимостную. К понятийной составляющей относятся признаковая и дефиниционная структура. Образную составляющую представляют когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в сознании. К значимостной составляющей относятся этимологические

и ассоциативные характеристики концепта, которые определяют его место в лексико-грамматической системе языка [7, с. 7].

Структурные характеристики концепта, сформулированные разными исследователями, позволяют сделать следующие выводы: 1) концепты имеют многоярусную, слоистую структуру; 2) в структуре концепта выделяются постоянные и видоизменяющиеся компоненты. Постоянными компонентами концепта являются: внутренняя форма (Ю.С. Степанов), ценностная сторона (В.И. Карасик), конкретные признаки (Н.Н. Болдырев), основная зона (Г.Г. Слышкин), значимостная составляющая (С.Г. Воркачев). К видоизменяющимся компонентам концепта относятся все остальные, ранее выделенные. Постоянные признаки обеспечивают концепту стабильность, за счет видоизменяющихся признаков происходит изменение смысла концепта, что позволяет говорить об «открытой» структуре концепта.

Одной из наиболее разработанных моделей концепта является его полевая структура [8, с. 12]. Рассмотрим основные составляющие полевой модели.

Полевая структура концепта с трехуровневым строением:

- 1) чувственный образ:
 - перцептивные признаки: зрительные, тактильные, вкусовые, звуковые, обонятельные образы;
 - когнитивные (метафорические);
- 2) информационное содержание;
- 3) интерпретационное поле: оценочная, энциклопедическая, утилитарная, регулятивная, социально-культурная, паремиологическая зоны.

Первый уровень структуры концепта – чувственный образ, который определяется нейролингвистическим характером универсального предметного кода, то есть с помощью чувственного образа происходит кодирование концепта, формируется единица универсального предметного кода.

В чувственном образе представлены 1) перцептивные признаки и 2) метафорические (когнитивные). Перцептивные признаки формируются при помощи органов чувств, к которым относятся зрительные, тактильные, вкусовые, звуковые и обонятельные образы. Они отображаются в сознании носителя языка как отражение им окружающей действительности.

Когнитивный образ организуется с помощью признаков, которые формируются метафорическим осмыслением предмета или явления.

Он формулируется труднее по сравнению с перцептивными, но является наиболее значимым и многочисленным в структуре концепта.

Вторым компонентом в полевой структуре является информационное содержание, в котором содержатся когнитивные признаки, с помощью которых определяются основные и важные отличительные черты концептуализируемого предмета или явления.

Интерпретационное поле выступает в качестве третьего составляющего структуры концепта, включающего когнитивные признаки. Они интерпретируют основное информационное содержание концепта, вытекают из него и представляют собой выводное знание или оценивают его. В интерпретационном поле выделяются следующие зоны: оценочная, энциклопедическая, утилитарная, регулятивная, социально-культурная и паремиологическая. Охарактеризуем данные зоны.

В оценочной зоне объединены когнитивные признаки, выражающие общую оценку, а также эстетическую, эмоциональную, интеллектуальную и нравственную. Энциклопедическая зона представляет когнитивные признаки, которые характеризуют признаки концепта и требуют знакомства с ними на базе опыта, т.е. обучения, взаимодействия. Также отражаются признаки в утилитарной зоне, выражающие утилитарное, прагматическое отношение людей к денотату концепта, знания, связанные с возможностью и особенностями его использования для каких-либо практических целей.

Необычной зоной является регулятивная, поскольку объединяет когнитивные признаки концепта, предписывающие, что необходимо, а что не следует выполнять в сфере, покрываемой концептом.

В социально-культурной зоне находятся признаки, которые отражают связь концепта с бытом и культурой народа. То есть это традиции, обычаи, конкретные деятели литературы и искусства, определенные художественными произведениями.

Особым фрагментом социально-культурной зоны является паремиологическая часть, поскольку она отражает не современные, а исторические представления об отношении народа к концепту и понимании народом различных сторон этого концепта. В нее входит совокупность когнитивных признаков концепта, которые объективируются с помощью пословиц, поговорок и афоризмов, что является утверждением и представлением о явлении, отражаемом концептом, в национальных паремиях. Составляющими данной зоны выступают паремии, упорядоченные по принципу поля с учетом

частотности выражения того или иного смысла в паремиологическом фонде языка [9, с. 113].

Как отмечают исследователи, интерпретационное поле, как «воздух, пронизывает концепт, наполняет его, заполняет «место» между его структурными компонентами» [9, с. 114].

Таким образом, полевою структуру концептаобразуют три составляющие: чувственный образ, информационный и интерпретационный слои. В своей совокупности они представляют концепт в сознании носителя языка.

Для объяснения распределения ассоциативных реакций информантов по разным полевым участкам есть необходимость привлечения внимания к содержанию концепта, т.е. ядерной и периферийной зонам.

После вычленения всех когнитивных признаков структурные компоненты концепта распределяются по разным полевым участкам, к которым относятся ядерная зона и периферия (ближняя, дальняя, крайняя). Следует отметить, что определенной закреплённости в структурных компонентах концепта за определенными полевыми зонами не наблюдается. То есть в ядерную зону могут входить как образный, так и информационный компонент, это зависит от содержания концепта.

Как отмечает И.А. Стернин, полевая структура не является жесткой, поскольку любой концепт все время функционирует, актуализируется в разных своих составных частях и аспектах, соединяется с другими концептами и отталкивается от них [10, с. 58-65].

В простых концептах базовый слой может исчерпывать содержание концепта в двух случаях, если он отражает конкретные чувственные ощущения и представления, либо он представлен в сознании очень примитивно. В более сложных концептах дополнительные когнитивные признаки, т.е. концептуальные слои, накладываются на базовый образ и образуют «мякоть плода». Концепт может состоять из многих признаков, образующих концептуальные (когнитивные) слои, и «наслаиваться» как слои в облаке от более конкретного слоя к более абстрактному» [10, с. 61]. При этом когнитивные признаки и слои подразделяются на равноправные по степени абстракции сегменты.

В исследованиях З.Д. Поповой и И.А. Стернина утверждается, что когнитивный концепт формируется в сознании человека с помощью:

1) непосредственного чувственного опыта индивида, т.е. восприятия окружающего мира с помощью органов чувств;

- 2) предметной деятельности;
- 3) мыслительных операций;
- 4) языкового общения, поскольку концепт может быть сообщен, разъяснен человеку в языковой форме;
- 5) сознательного познания языковых единиц [10, с. 40].

Н.Ф. Алефиренко объясняет многослойный характер смыслового содержания концепта двумя факторами. Во-первых, поэтапной, слойно-ярусной обработкой информации и триединством ее категоризации в когнитивную систему, эмотивно-оценочную и языковую. Во-вторых, многослойная структура концепта формируется в результате взаимодействия разных креативных источников – эмпирического (предметно-чувственный опыт), мотивационного, рефлексивного и интерпретационного. В результате на основе иерархически организованной информации формируется знание индивида, положенное в основу концепта [2, с. 80].

Таким образом, полевая структурная модель концепта, предложенная З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, является содержательной и многоаспектной, поскольку позволяет проанализировать интерпретацию концепта в сознании билингвальной личности с помощью чувственных ощущений и представлений, информационное содержание позволяет увидеть основные характеристики изучаемого концепта, а в интерпретационном компоненте прослеживаются исторические представления об отношении народа к концепту. Содержание концепта, представленное ядерной и периферийной зонами, позволяет увидеть значимость и частотность ассоциативных реакций информантов, распределяющихся в ближнюю, дальнюю и крайнюю периферии.

Разные типы концептов отличаются по структуре, однако большинство исследователей сходятся во мнении о том, что концепт представляет собой неоднородное образование, «имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [11, с. 10]. Поэтому исследователи говорят о сложной многокомпонентной и многослойной структуре концепта, позволяющей увидеть картины мира разных народов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
- [2] Алефиренко Н. Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии:

монография. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.

[3] Карасик В. И., Слышкин, Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 76.

[4] Павиленис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с. – С. 12.

[5] Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. 3–е. изд. – Тамбов: ТГУ, 2002. – С. 18.

[6] Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. – Волгоград: Перемена, 2004. – С. 17–18.

[7] Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 236 с.

[8] Попова З. Д. и др. Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – 220 с.

[9] Попова З. Д. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с.

[10] Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / И. А. Стернин. – Воронеж, 2001. – С. 58–65.

[11] Пименова М. В. Концептуализация и объективация истины и правды // Язык. История. Культура: К 50–летию Кемеровского государственного университета и 25–летнему юбилею кафедры исторического языкознания и славянских языков КемГУ. – Кемерово: Графика, 2003. – С. 10.

REFERENCES

[1] Stepanov Yu. S. Konstanty. Slovar russkoy kultury. Opyt issledovaniya. M.: Shkola «Yaziki russkoy kultury», 1997, 824 s. [in Russ.].

[2] Alefirenko N. F. «Zhivoe» slovo: Problemy funktsionalnoy leksikologii: monografiya. M.: Flinta: Nauka, 2009, 344 s. [in Russ.].

[3] Karasik V. I., Slyshkin G. G. Lingvokulturnyy kontsept kak edinitsa issledovaniya // Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki. Voronezh: VGU, 2001, S. 76 [in Russ.].

[4] Pavilenis R. I. Problema smysla: sovremennyy logiko–filosofskiy analiz yazika. M.: Mysl, 1983, 286 s. S. 12 [in Russ.].

[5] Boldyrev N. N. Kognitivnaya semantika: Kurs lektsiy po angliyskoy filologii. 3–e. izd. Tambov: TGU, 2002, S. 18 [in Russ.].

[6] Slyshkin G. G. Lingvokulturnye kontsepty i metakontsepty: monografiya. Volgograd: Peremena, 2004, S. 17–18 [in Russ.].

[7] Vorkachev S. G. Schast’ e kak lingvokulturnyy kontsept. M.: ITDGC «Gnozis», 2004. 236 s. [in Russ.].

[8] Popova Z. D. i dr. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2005, 220 s. [in Russ.].

[9] Popova Z. D. Kognitivnaya lingvistika. M.: AST: Vostok–Zapad, 2010, 314 s. [in Russ.].

[10] Sternin I. A. Metodika issledovaniya struktury kontsepta // Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki / I. A. Sternin. Voronezh, 2001. S. 58–65 [in Russ.].

[11] Pimenova M. V. Kontseptualizatsiya i ob’ektivatsiya istiny I pravdy // Yazyk. Istoriya. Kultura: K 50–letiyu Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta i 25–letnemu

yubileyu kafedry istoricheskogo yazikoznaniya i slavyanskih yazykov KemGU. Kemerovo: Grafika, 2003. S. 10 [in Russ.].

КОГНИТИВТІК ЛИНГВИСТИКА ШЕҢБЕРІНДЕГІ ТҰЖЫРЫМДАМА ҚҰРЫЛЫМЫ

Бейсембаев А.Р.,

Инновациялық Еуразия университетінің профессоры, филол.ғ.д., маркетинг және қабылдау жұмысы бойынша проректор Павлодар, Қазақстан

Бахралинова Ә.Ж.,

Павлодар Мемлекеттік Педагогикалық Институтының мектепке дейінгі және бастауыш білім беру кафедрасының аға оқытушысы, филол.ғ.к., Павлодар, Қазақстан

Тірек сөздер: тұжырым, құрылым, өзек, шеткі аймақ, құрылым шеңберінде, құраушы компоненттер, когнитивті белгілер.

Аннотация. Бұл мақала когнитивті лингвистика саласындағы құрылымдық ұйымдарға және тұжырымдама типологиясына арналған. Қабатты білім ретінде ұйым тұжырымдамасының әртүрлі теориялары талқыланды. Зерттеу барысында когнитивті лингвистика саласындағы тұжырымның мағыналық құрылымына көңіл бөлінді.

УДК 372.83

FUNCTIONING OF INTERTEXTUAL ELEMENTS IN U.S. PRESIDENT BARACK OBAMA'S POLITICAL DISCOURSE

Gerfanova E.F.,

Master, Senior teacher, Chair of the English Language and Teaching Methodology, Sh.Ualikhano Kokshetau State University, Kokshetau, Kazakhstan

Astafyeva Yu.V.,

Master, Senior teacher, Chair of the English Language and Teaching Methodology, Sh.Ualikhano Kokshetau State University, Kokshetau, Kazakhstan
usel2004@mail.ru, yulia.astafyeva@mail.ru

Keywords: intertextuality, intertextual elements, political discourse, allusion, direct and indirect quotations.

Abstract. The article deals with functioning of intertextual elements in modern political discourse of the USA, namely in political speeches of U.S. President Barack Obama. The authors study specific characteristics of American presidential discourse and bring a number of examples of allusions, citations, quotations, etc. While delivering a public speech, a political orator can make use of different intertextual elements which help achieve certain goals. Particular topicality of political discourse research is justified by the fact that it plays a huge role in modern society, allows to reach the aims in political, world

through manipulation of people's consciousness, Citations which belong to well-known political and social activists, quotations and excerpts from the Bible, allusions are widely used in political speeches of Barack Obama.

The phenomenon of intertextuality has been thoroughly studied in recent decades but it still holds a major role in the study of language and communication. The word "intertextuality" originated from Latin "intertexto" meaning "to mingle while weaving". As for the term "intertextuality", it was first introduced by Julia Kristeva, a French-Bulgarian semiotician, novelist and literary critic, in 1967. The scientist first used the term in her essay titled "*Bakhtin: Word, Dialogue, and Novel*" where she doubted traditional notions of the text sources and the author's influence on the text. She stated that a literary text is not simply a product of a single author, i.e. authors do not create their texts themselves, they compile them on the basis of pre-existent texts which they have once read. As Julia Kristeva says: "any text is constructed as a mosaic of quotations; any text is the absorption and transformation of another" [1, p. 66]. The scientist elaborated the idea that texts do not just utilize earlier texts or other forms of art, they rather transform them, and that is the reason why these sources are so difficult to identify. Thus, texts that refer to other texts are called intertexts. It is believed that all texts are interconnected. Every text consists of quotations and therefore after accepting and transporting information from another text it presents this information in a new perspective.

Norman Fairclough states "Intertextuality is basically the property texts have of being full of snatches of other texts [...] which the text may assimilate, contradict, ironically echo and so forth" [2, p. 84]. According to this statement intertextuality is used for different purposes. Thus, when delivering a speech a political orator can widely resort to all types of intertextual elements for some reasons, choosing those ones among them which best serve the occasion.

Following this, Charles Bazerman claims: "Intertextuality is not just a matter of other texts you refer to, but how you use them, what you use them for, and ultimately how you position yourself as a writer to them to make your own statement. People can develop adeptly complex and subtly skilled ways of building on the words of others. Such complex intertextual performances are so familiar we hardly notice them" [3, p. 94]. These words restate the idea that intertextuality can be used deliberately for serving particular purposes.

The province of intertextuality is not restricted to literature only, intertextual ties can be traced practically in all the spheres of human creative

work – literature, music, theatre, fine art, architecture, cinematography, actually it permeates all media. It has penetrated as well in the sphere of political discourse: political leaders, people engaged in politics, make use of a great number of intertextual elements in their speeches following one important aim – to exert influence on their audience. Thus, intertextuality turns into a powerful means of control and manipulation.

Intertextuality is considered to be one of the main characteristics of political discourse, along with informativity, ambiguity, authoritarianism and others. The main types of intertextuality in political discourse are allusions, quotations, metaphors. These means make political speeches more powerful, expressive and memorable, these means help an orator to be better listened to and better understood.

There are several reasons why political speakers can make use of intertextuality when delivering their speeches before the audience:

To attract attention of the audience. Even if a speech may seem monotonous and lacking expressiveness, a quotation familiar to the audience and used in the right place, may revive the interest of the audience.

To gain confidence of the audience. When using citations of well-known people, making reference to historical, cultural, political, religious, etc. events, a speaker demonstrates deep understanding of the problem. Thus, a speech sounds more well-grounded and persuasive.

To make a speech expressive and lively. Referring to different intertextual elements makes a speech sound more expressive, more versatile and more colourful.

One of the main goals in political communication is to persuade the audience and make it agree with the speaker's ideas. Persuasion is achieved by means of using various language means at all language levels. These means can be traced at phonetic, lexical, grammatical and textual levels. The ability of speakers to persuade the audience, sound confident and defend their views play a very significant role in political communication. The use of intertextual elements, such as quotations, allusions, proverbs and others, is considered to be one of the most effective means of persuasion. Using them, the speaker may rely on credibility of their source (in this case, on the author of the citation which has been used in speech) or on truth which requires no proof (for example, the use of proverbs, phrases from the Bible, etc.). To have a better result of persuasion the utterance must be well-known and familiar to the audience. In case it is not familiar, it is advisable that the speaker should make a direct reference to its source.

The aim of the present paper is to consider intertextual elements

functioning in Barack Obama's political speeches and determine the most frequently used among them. To our minds, the frequency of using a certain type of intertextual elements predetermines its effectiveness, i.e. its ability to influence the mind of the audience.

The research carried out in this paper is based on the analysis of a number of Obama's speeches, which are as follows:

- Democratic National Convention Keynote Address delivered in Boston on the 27th July, 2004 [4];
- First Presidential Inaugural Address delivered in Washington D.C. on the 20th of January, 2009 [5];
- Address at Iftar Dinner: Religions Tolerance in America delivered in Washington, D.C. on the 13th of August 2010 [6];
- Concluding Democratic Presidential Debates delivered on the 21st of February 2008 [7];
- Interfaith Prayer Vigil Address at Newtown High School delivered in Newtown on the 16th of December 2012 [8];
- Address on the 50th Anniversary of the Selma, Alabama March delivered 7 March 2015, Edmund Pettus Bridge, Selma, Alabama [9].

We have come across different intertextual elements and broke them down for further analysis into the following categories: quotations from the Bible, quotations from outstanding historical figures; quotations from official documents, songs, allusions.

The most frequently used elements are quotations which fall into three categories: in his speeches Obama makes use of the words belonging to outstanding historical figures, refers to the phrases taken from the Bible and also refers to words from well-known songs, poems and plays. It should be mentioned here that the advantage of quotations lies in the fact that they are mainly easily recognizable, popular and accepted. Quotation is a very effective way to realize intertextuality, it helps to achieve set goals in a concise and appealing way. There are two types of quotations: direct and indirect. A direct quotation reproduces the exact words of an author which are not shortened. This type of quotation can consist of one and more sentences and is considered to be full and complete. Owing to the use of direct quotations the speech becomes persuasive, verified, reliable. An indirect quotation is the form of reported speech; when authors refer to indirect quotes they usually start with the introduction of a source followed by an utterance. This utterance is put in other words and as a matter of fact reflects a speaker's understanding and interpretation of an original idea.

The following examples demonstrate the use of both indirect and direct quotations by Barack Obama.

“Our Party has chosen a man to lead us who embodies the best this country has to offer. And that man is John Carry. ... His values and his record affirm what is best in us. John Carry believes in an America where hard work is rewarded... John carry believes in an America where all Americans can afford the same health coverage our politicians in Washington have for themselves. John Carry believes in energy independence, so we aren't held hostage to the profits of oil companies... John Carry believes in the constitutional freedoms that have made our country the envy of the world, and he will never sacrifice our basic liberties, nor use faith as a wedge to divide us. And John Carry believes that in a dangerous world war must be options sometimes, but it should never be the first option”.

In this excerpt it is clearly seen that Obama refers to the source of utterances, namely, mentioning the name of Carry. By using indirect citations U.S. President makes the audience believe that John Carry is the best and the only candidate for the position of the State Secretary.

“The reason that this is important, again, is that Senator Clinton, I think, fairly, has claimed that she's got the experience on day one. And part of the argument that I'm making in this campaign is that, it is important to be right on day one”.

At the Concluding Democratic Presidential Debates 2008 with Hillary Clinton in this line Obama refers to a phrase that Clinton has used, claiming that she has got the experience on day one. Having said so, Clinton is most likely to have reached a lot of voters, and it is therefore important that Obama brushes aside this phrase by creating a new, saying: “...it is important to be right on day one”.

“Let me just pick up on a couple of things that Senator Clinton said, though, because during the course of the last few days, you know, she's said I'm elitist, out of touch, condescending”.

Later, in the fourth debate of the Concluding Democratic Presidential Debates 2008, Obama picks up on what Clinton has said about him in the last few days before the debate, making an effort to defend himself later in the speech.

Obama refers to the brother of the late president John F. Kennedy, Ted Kennedy, repeating his words: *“...that he is confident that we will get universal health care with me as president, and he's been working on it longer than I think about than anybody.”*

Obama uses intertextuality in order to emphasize that he is supported

by important politicians. Using phrases such as ‘he is confident’ and ‘we will get...with me as president’, enables him to put himself in the best light. Furthermore, mentioning how long Ted Kennedy has been working on this makes him a trustworthy person. This is important as Obama was compared to J.F. Kennedy.

“I recall what John F. Kennedy once said, that we should never negotiate out of fear, but we should never fear to negotiate”.

In the second debate, Obama strengthens this comparison by using a phrase used by John F. Kennedy.

“Barbara Jordan is somebody who was an inspiration to me and so many people throughout the country. And she said that what the American people want is very simple: They want an America that is as good as its promise”.

Here Obama mentions the name of Barbara Jordan who was the first black woman from the South to be elected to Congress and quotes her. The most important thing about Jordan to him seems to be an argument for him saying that he wants the same as Jordan; “an America which is as good as its promise”, and that he is right in speaking directly to the American people using words that matter.

“And that is also an argument that we have to have with John McCain because he has said that he is willing to have these troops over there for 100 years.”

Here Obama indirectly quotes the candidate from The Republican Party in order to emphasize the genuine differences between their policies and plans on Iraq war, as Obama claims during his campaign “I will end this war”.

“Government of the people, by the people and for the people has not perished from this Earth”.

This Obama’s intertextual reference came when he paid tribute to the millions of American voters. This was a near-direct quotation of the most famous line from Abraham Lincoln’s epochal Gettysburg Address, where he expressed the resolve “that government of the people, by the people, for the people, shall not perish from the earth”. Once again, however, the original source was Theodore Parker, who in an 1858 sermon – read and noted by Lincoln – defined democracy as “direct self-government, over all the people, for all the people, by all the people”.

“The road ahead will be long. Our climb will be steep. We may not get there in one year or even in one term. But, America, I have never been more hopeful than I am tonight that we will get there. I promise you, we as a people will get there”.

Here Obama was echoing the final words of “I’ve been to the Mountain top”, the speech that Martin Luther King gave in Memphis on 3 April 1968, the day before he was assassinated. Then King declared: “I just want to do God’s will. And He’s allowed me to go up to the mountain. And I’ve looked over. And I’ve seen the promised land. I may not get there with you. But I want you to know tonight, that we, as a people, will get to the promised land.” Whereas King’s “we” here referred to African–Americans, however, Obama is more inclusive “we” was addressed to *all* Americans, regardless of their origin or the colour of their skin.

For in the end, we remain “one nation, under God, indivisible.” And we can only achieve “liberty and justice for all” if we live by that one rule at the heart of every great religion, including Islam — that we do unto others as we would have them do unto us.

The words quoted are taken from the U.S. Pledge of Allegiance. The pledge was written by a socialist Baptist minister named Francis Bellamy in 1892 following the aim to raise the feeling of patriotism which were who feelings at an all–time low in his compatriots. Over the years the words underwent a number of changes. The original phrase is as follows: “I pledge allegiance, to my Flag and the Republic for which it stands, one nation indivisible, with liberty and justice for all.” In 1942 it had the following form: “I pledge allegiance, to the flag, of the United States of America, and to the Republic for which it stands, one Nation indivisible, with liberty and justice for all.” The latest version is ““I pledge allegiance, to the flag, of the United States of America, and to the Republic, for which it stands, one nation, under God, indivisible, with liberty and justice for all.”

In the following example Obama quotes the words of George Washington calling him “the father of our nation”: *At a moment when the outcome of our revolution was most in doubt, the father of our nation ordered these words be read to the people: “Let it be told to the future world...that in the depth of winter, when nothing but hope and virtue could survive...that the city and the country, alarmed at one common danger, came forth to meet [it]”.*

Through these words the President makes his people believe in the bright future, he underlines the necessity for the nation to get united, as in unity there is a tremendous power.

U.S. President in his speeches often refers to the Bible, makes use of events described there and phrases mentioned in it. The Bible has a strong influence on the minds of people, it is trustworthy and has a guiding light for many of them. Thus, it becomes a powerful instrument when its texts are used in public speeches. Below there are examples of quotations from the

Bible with their interpretation.

In his inauguration speech President Obama quoted the Bible in the following way. *We remain a young nation, but in the words of Scripture, the time has come to “set aside childish things.”*

The words in quotation marks belong to Paul the Apostle “When I was a child, I spoke as a child, I understood as a child, I thought as a child; but when I became a man, I put away childish things.

“To all the families, first responders, to the community of Newtown, clergy, guests — Scripture tells us: “...do not lose heart.

Though outwardly we are wasting away...inwardly we are being renewed day by day. Do not lose heart. For light and momentary troubles are achieving for us an eternal glory that far outweighs them all, so we fix our eyes not on what is seen, but on what is unseen, since what is seen is temporary, but what is unseen is eternal.

For we know that if the earthly tent we live in is destroyed, we have a building from God, an eternal house in heaven not built by human hands.”

The words are taken from one of the two letters of the New Testament. Obama utters these in a mournful hour for America to comfort and unite people in the time of sadness and sorrow. Later on, in the same speech, the following quotation from the Bible of Matthew can be found: *“Let the little children come to me,” Jesus said, “and do not hinder them — for to such belongs the kingdom of heaven.”*

In the next utterance Obama makes use of one more phrase from the Scripture: *When it feels the road is too hard, when the torch we’ve been passed feels too heavy, we will remember these early travelers, and draw strength from their example, and hold firmly the words of the prophet Isaiah: “Those who hope in the Lord will renew their strength. They will soar on wings like eagles. They will run and not grow weary. They will walk and not be faint.”* Here the speaker gives a direct quotation of one of the Biblical prophets, Isaiah.

Sometimes Obama makes reference to official documents which predetermine the values and principles of American policy. Thus, in the following example the President refers to U.S. Declaration of Independence. *Our pride is based on a very simple premise, summed up in a declaration made over two hundred years ago: We hold these truths to be self-evident, that all men are created equal, that they are endowed by their Creator with certain inalienable rights, that among these are Life, Liberty and the pursuit of Happiness.*

The quotation “All men are created equal” has been called an immortal

declaration, and that is perhaps a single phrase of the American Revolutionary Period which has been of the greatest importance. Thomas Jefferson first used the phrase in the U.S. Declaration of Independence, which he penned in 1776 during the beginning of the American Revolution. It was thereafter quoted and incorporated into speeches by a wide array of substantial figures in American political and social life in the United States. The final form of the phrase was stylized by Benjamin Franklin

In the Address on the 50th Anniversary of the Selma, Alabama March, Barack Obama quotes the lyrics from a hymn entitled “God Will Take Care of You” with lyrics by *Civilla D. Martin* and music by W. Stillman Martin. It is the third entry in the 1906 hymnal “Songs of Redemption and Praise compiled by John A. Davis and John Ralston Clements”

“The air was thick with doubt, anticipation and fear. And they comforted themselves with the final verse of the final hymn they sung:

*No matter what may be the test, God will take care of you;
lean, weary one, upon His breast, God will take care of you”.*

In his Democratic National Convention Keynote Address Obama refers to the Latin phrase:

E pluribus unum: “*Out of many, one.*” is a phrase on the Seal of the United States, it was adopted by an Act of Congress in 1782. *E Pluribus Unum* was considered a *de facto* motto of the United States until 1956 when the United States Congress passed an act, adopting “In God we trust” as the official motto. The traditionally understood meaning of the phrase was that out of many states (or colonies) emerges a single nation. However, in recent years its meaning has come to suggest that out of many peoples, races, religions, languages, and ancestries has emerged a single people and nation—illustrating the concept of the melting pot.

Thus, quotation is a very powerful means when it is used in the right place and at the right moment. The primary reason to quote material in speech is that it reinforces speakers’ ideas, and to support their arguments. A reasonable argument makes well supported claims about a topic. Quotations can show the audience that the claim has some basis in a source.

Allusion is also one of the intertextual elements frequently used in Obama’s speeches. It should be noted here that allusion is a brief and indirect reference to a person, place, thing or idea of historical, cultural, literary or political significance. It does not describe in detail the person or thing to which it refers. It is just a passing comment and the writer expects the reader to possess enough knowledge to spot the allusion and grasp its importance in a text.

They claim that our insistence on something larger, something firmer, and more honest in our public life is just a Trojan Horse for higher taxes and the abandonment of traditional values. The example of allusion here is a Trojan Horse. The Trojan Horse is a tale from the Trojan War about the subterfuge that the Greeks used to enter the city of Troy and win the war. After a fruitless 10-year siege, the Greeks constructed a huge wooden horse, and hid a select force of men inside. The Greeks pretended to sail away, and the Trojans pulled the horse into their city as a victory trophy. That night the Greek force crept out of the horse and opened the gates for the rest of the

Greek army, which had sailed back under cover of night. The Greeks entered and destroyed the city of Troy, decisively ending the war. Nowadays a “Trojan Horse” has come to mean any trick that causes a target to invite a foe into a securely protected bastion or place.

In the following example reference is made to the biblical personage, Abraham, whom God tested by telling him to sacrifice his son as a burnt offering on one of the mountains. Abraham was righteous in his faith, but in the speech the President underlines that the American people do not intend to make a senseless sacrifice *Let it be said by our children’s children that when we were tested we refused to let this journey end, that we did not turn back nor did we falter; and with eyes fixed on the horizon and God’s grace upon us, we carried forth that great gift of freedom and delivered it safely to future generations.* Abraham was righteous in his faith, but in the speech the President underlines that the American people do not intend to make a senseless sacrifice, they would better go further without hesitation.

And it is that promise that, 45 years ago today, brought Americans from every corner of this land to stand together on a Mall in Washington, before Lincoln’s Memorial, and hear a young preacher from Georgia speak of his Dream. But what the people heard instead — people of every creed and color, from every walk of life — is that, in America, our destiny is inextricably linked, that together our dreams can be one. “We cannot walk alone,” the preacher cried. “And as we walk, we must make the pledge that we shall always march ahead. We cannot turn back.” In this excerpt by a young preacher from Georgia Martin Luther King is meant, who was an American activist, humanitarian, and leader in the African-American Civil Rights Movement. Moreover, this allusion is carried on by the direct quotation of King’s words. Thus, the utterance becomes excessively trustworthy and authoritative.

Summing everything up, the following conclusions should be made:

In modern political discourse politicians make use of different linguistic

means to reach political goals, among which the most primary one is to persuade, and following it, through persuasion, to exert a certain amount of influence on the audience, to control and manipulate it. These means have become of great interest for linguists due to the fact that the use of such by politicians has increased greatly. Political leaders make use of various language means (phonetic, grammatical, lexical, textual) to make their speeches sound persuasive, emotional and powerful. Intertextuality can help achieve these effects, thus, it can be viewed as an instrument of influence and manipulation.

Intertextuality is coactualization of one text in another. Intertextuality of political discourse is manifested through quotes, allusions, idioms, proverbs. In case of an addressee's having enough background knowledge for recognizing and understanding intertextual elements, these will help create common cultural memory. Intertextuality adds power to political speeches, makes them sound persuasive and emotional.

Our analysis has shown that U. S. President Barack Obama makes use of a number of intertextual elements in his speech. Among them are: quotations from the Bible, quotations from outstanding political figures; quotations from official documents, songs; allusions. When using quotations, the political leader always refers to its source, he uses mainly evident intertextual elements, which, for sure, must be familiar to the audience. In such a way, it becomes possible to avoid communication failure and to exert more influence on the audience.

REFERENCES

- [1] Kristeva J. *Desire in Language: A Semiotic Approach to literature and Art*. NY: Columbia University Press, 1980, 305 p.
- [2] Fairclough, Norman. *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press, 1992, 272 p.
- [3] Charles Bazerman. *Intertextuality: How texts rely on other texts*. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 2004, P. 83–96.
- [4] Democratic National Convention Keynote Address delivered 27 July 2004, Boston. <http://www.americanrhetoric.com>
- [5] First Presidential Inaugural Address delivered 20 January 2009, Washington D.C. <http://www.americanrhetoric.com>
- [6] Address at Iftar Dinner: Religions Tolerance in America delivered 13 August 2010, Washington, D.C. <http://www.americanrhetoric.com>
- [7] Concluding Democratic Presidential Debates delivered 21 February 2008. <http://www.americanrhetoric.com>
- [8] Interfaith Prayer Vigil Address at Newtown High School delivered 16 December 2012, Newtown. <http://www.americanrhetoric.com>
- [9] Address on the 50th Anniversary of the Selma, Alabama March delivered 7 March 2015, Edmund Pettus Bridge, Selma, Alabama. <http://www.americanrhetoric.com>

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПРЕЗИДЕНТА США БАРАКА ОБАМЫ

Герфанова Э.Ф.,

магистр, старший преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания Кокшетауского государственного университета им. Ш.Уалиханова, Кокшетау, Казахстан

Астафьева Ю.В.,

магистр, старший преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания Кокшетауского государственного университета им. Ш.Уалиханова, Кокшетау, Казахстан

usel2004@mail.ru, yulia.astafyeva@mail.ru

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекстуальные элементы, политический дискурс, аллюзия, прямые и косвенные цитаты.

Аннотация. В статье рассматривается функционирование интертекстов в современном политическом дискурсе США. Авторы рассматривают характерные особенности политического дискурса президента США Барака Обамы и приводят примеры аллюзий, цитат и т.д. Особая актуальность исследования политического дискурса обуславливается тем, что он играет огромную роль в современном обществе, позволяет реализовать поставленные цели в политическом мире через манипулирование общественным сознанием. В политических выступлениях Обамы чаще всего встречаются цитаты, принадлежащие известным политическим и общественным деятелям, цитаты и выдержки из Библии, а также аллюзии.

АҚШ ПРЕЗИДЕНТІ БАРАК ОБАМАНЫҢ САЯСИ ДИСКУРСЫНДА ИНТЕРМӘТІНДІЛІК ЭЛЕМЕНТТЕРІНІҢ ҚЫЗЫМЕТІ

Герфанова Э.Ф.,

магистр, аға оқытушы, ағылшын тілі және оқу әдістемесі кафедрасы, Ш. Уәлиханов атындағы Көкшетау мемлекеттік университеті, Көкшетау, Қазақстан

Астафьева Ю.В.,

магистр, аға оқытушы, ағылшын тілі және оқу әдістемесі кафедрасы, Ш. Уәлиханов атындағы Көкшетау мемлекеттік университеті, Көкшетау, Қазақстан

usel2004@mail.ru, yulia.astafyeva@mail.ru

Тірек сөздер: интермәтінділік, интермәтінділік элементтері, саяси дискурс, аллюзия, тура және жанама дәйексөздер.

Аңдатпа. Аталған мақалада АҚШ-тағы қазіргі заманғы саяси дискурстегі интермәтіндердің қызметі қарастырылады. Мақала авторлары АҚШ президенті Барак Обаманың саяси дискурсында өзіндік ерекшеліктерін қарастырып, аллюзия, дәйексөздер, т.б. мысалдарын келтіреді. Саяси дискурстардың зерттелуінің ерекше өзектілігі оның қазіргі қоғамда аса үлкен рөлге ие болып, саяси әлемде қоғамдық санаға ықпал жасау арқылы қойылған мақсаттарды жүзеге асыра алатындығында жатыр. Обаманың саяси сөз сөйлеулерінде көбіне танымал саяси және қоғамдық тұлғалардың сөздері, Тауратта кездесетін дәйексөздер мен үзінділер, сонымен қатар аллюзиялар кездеседі.

EVIDENCE OF BILINGUALISM IN NORTH AMERICAN INDIAN LITERATURE

Zhumabayeva D.A.,

Master's degree student, Sh.Ualikhanov State University, Kokshetau, Kazakhstan
dinara.zhumabayeva@mail.ru

Keywords: bilingualism, language, linguistic worldview, American Indian culture, ethnography.

Abstract. The article is devoted to the questions of literary bilingualism in American Indian culture. The concept of bilingualism is analyzed in this article. In the frame of this problem we classify bilinguals and consider questions of cultural and linguistic worldviews correlations.

УДК 81'1

ПРОЯВЛЕНИЕ БИЛИНГВИЗМА В ЛИТЕРАТУРЕ ИНДЕЙЦЕВ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Жумабаева Д.А.,

Магистрант Кокшетауского государственного университета
имени Ш.Уалиханова, Кокшетау, Казахстан
dinara.zhumabayeva@mail.ru

Ключевые слова: билингвизм, язык, языковая картина мира, индейская культура, этнографизм.

Аннотация. Статья посвящена вопросу художественного билингвизма в творчестве индейцев Северной Америки. Анализируется понятие “билингвизм”, дается классификация билингвов, рассматриваются вопросы соотношения реальной, культурной и языковой картин мира.

Во все времена истории народы контактировали друг с другом, взаимообогащались и развивались. Великий Абай в далеком 19 веке видел в билингвизме будущее казахского народа, и его мечта осуществилась. В свободном владении могучего русского языка великому Абаю открылись шедевры русской и зарубежной литературы, и позднее его переводы открыли всему казахскому народу героев Пушкина и Гете. На сегодняшний день в Казахстане уделяется очень большое внимание изучению языков народов, населяющих эту страну. Здесь казахский язык является государственным, а русский язык – язык межнационального общения.

В своём Послании к народу в 2009 году «Новый Казахстан в новом мире» Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев отметил, что в целях обеспечения конкурентоспособности страны и

ее граждан предложена поэтапная реализация культурного проекта «Триединство языков», согласно которому необходимо развитие трех языков: казахского, как государственного языка; русского, как языка межнационального общения и английского, как языка успешной интеграции в глобальную экономику» [1]. Говоря о двуязычии и полиязычии, нельзя не упомянуть о тенденции повсеместности английского языка. В настоящее время в республике широкое развитие приобретает английский язык. Английский же закрепил за собой статус языка глобального общения, так по сравнению с прошлым веком очевидно, что активное использование английского языка возросло и более того в некоторых странах остро возникает проблема о полной англоизации остальных языков мира. В Казахстане уже утвердилось двуязычие казахского и русского языков, но в силу многих мер и реализации государственных программ возможно вскоре английский также будет свободно использоваться в казахстанском языковом пространстве. Идея билингвизма или полиязычия особо актуальна для нашей страны, так как Казахстан является многонациональной уникальной страной, где бок о бок проживают представители более 100 разных этносов.

Под билингвизмом обычно понимается свободное владение двумя языками одновременно. Однако существует множество трактовок определения билингвизма у разных авторов. Американский лингвист Weinreich.U пишет: “The practise of alternately using two languages will be called bilingualism, and the person involved, bilingual.” «Практику попеременного пользования двумя языками мы будем называть двуязычием, а лиц, ее осуществляющих, двуязычными» [2]. Сходное определение дает В.Ю. Розенцвейг: «Под двуязычием обычно понимается владение двумя языками и регулярное переключение с одного на другой в зависимости от ситуации общения» [2]. С позиций психолингвистики, билингвизм – это способность употреблять для общения две языковые системы [3].

Все представленные выше определения разных школ и направлений сходятся в главном: билингвизм (двуязычие) – это свободное владение двумя языками одновременно. Однако ни в одном из этих определений не указывается степень владения языками: просто подразумевается, что практика пользования языками по очереди уже предполагает самую возможность их использования для коммуникации. На наш взгляд при изучении феномена билингвизма следует учитывать уровень владения вторым языком, так как понятие “билингвизм” весьма неоднозначно.

Е.М. Верещагин выделяет три уровня билингвизма: рецептивный (понимание речевых произведений, принадлежащих вторичной языковой системе), репродуктивный (умение воспроизводить прочитанное и услышанное) и продуктивный (умение не только понимать и воспроизводить, но и «строить цельные осмысленные высказывания» [4]. Таким образом, билингвизм – это «психический механизм..., позволяющий воспроизводить и порождать речевые произведения, последовательно принадлежащие двум языковым системам», а «лингвистические типы билингвизма ... соответствуют определенным типам «аккультурации», при этом «полной аккультурации соответствует координативный билингвизм..., обеспечивающий производство правильной речи, последовательно относящейся к двум языковым системам» [4]. Но кроме координативного билингвизма (одинаковое владение двумя непересекающимися языковыми системами), выделяется также смешанный тип, когда второй язык усваивается при уже сформировавшейся системе родного (первого) языка. В связи с этим отметим мысль Л.В. Щербы о том, что при смешанном двуязычии обретаемый язык всегда претерпевает влияние первого языка, и поэтому необходима неусыпная борьба с родным языком, только тогда можно надеяться осознать все своеобразие изучаемого языка [5]. Говоря о таком типе двуязычия, Л.В. Щерба уточняет, что билингвы знают не два языка, а только один, но он имеет два способа выражения [5]. Есть и более категоричное мнение: «Не существует человека, который, хорошо зная свой родной язык, был бы способен овладеть другим» [2]. Для решения этой дилеммы необходимо выяснить, что мы понимаем под определением «язык» и какую связь имеет «язык» с реальным миром?

Понятию «язык» дано множество определений, так как язык может рассматриваться с позиций самых разных наук. Классический вариант определения «язык» можно считать определение В.И. Даля: «Язык – совокупность всех слов народа и верное их сочетание, для передачи мыслей своих» [6]. Ж. Марузо в словаре лингвистических терминов пишет: «Язык – всякая система знаков, пригодная для того, чтобы служить средством общения между индивидами» [7]. Взаимоотношение языка с реальным миром, безусловно, и в рассуждениях на данную тему нередко возникают следующие ассоциации: язык – это зеркало окружающего мира, он отражает действительность, создает свою картину мира, специфичную и уникальную для каждого языка и, соответственно народа, этнической группы, речевого коллектива, пользующихся

данным языком как средством общения. Сравнение языка с зеркалом символично, он действительно несет в себе роль «отражателя» всего происходящего в реальном мире. Каждое слово несет в себе предмет или образ реального мира. Однако посредником между этой связью *язык ↔ реальный мир* выступает человек. Человек, как существо обладающее сознанием и разумом помимо восприятия реального мира посредством органов чувств, пропускает свои ощущения сквозь призму своего сознания и мысли, и результатом своего восприятия он посредством языка делится с другими представителями своего социума. Другими словами, звеном, смыкающим «язык» и «реальную картину мира» выступает мыслительная деятельность человека.

Траектория пути от реального мира к понятию и далее к словесному выражению у разных народов отличается, что обусловлено различиями истории, географии, особенностями жизни этих народов и, соответственно, различиями развития их общественного сознания. Поскольку наше сознание предопределенно как коллективное (образом жизни, обычаями, традициями и т.п., т.е. всем тем, что определяется словом культура), так и индивидуальное (специфическим восприятием мира, свойственным данному конкретному индивидууму), то язык отражает мир не прямо, а через «два зигзага: от реального мира к мышлению и от мышления к языку» [8]. Например, при употреблении слова хлеб, казаху придет образ теплых лепешек, французу возможно образ багета, а некоторые представители наций предпочтут традиционному хлебу лаваш. К примеру, в истории казахской нации, хранится огромное количество пословиц о хлебе, запахе и тепле свежего хлеба. *Нан – береке бастауы. Нан көп болса, қарның тоқ болар. Нан – күш қуат көзі.. Нан – адам баласының басты байлығы.*

Таким образом, предмет «хлеб» это не только собирательный образ всем известного мучного изделия, это также чувства и ассоциации человека связанные с предметом. Метафора с зеркалом уже не так точна, как казалось вначале, потому что это «зеркало оказывается кривым: его перекося обусловлен культурой говорящего, его менталитетом, видением мира, или мировоззрением» [8]. Соотношение между реальным миром и языком в книге С.Г. Тер-Минасовой «Язык и межкультурная коммуникация» [8] представлено следующей схемой:

Рисунок 1 – Схема соотношения между реальным миром и языком

Окружающий человека мир представлен в трех формах:

1. Реальная картина мира.
2. Культурная (или понятийная) картина мира.
3. Языковая картина мира [8].

Реальная картина мира – объективная внечеловеческая данность, это мир, окружающий человека.

Культурная (или понятийная) картина мира – это отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание как коллективное, так и индивидуальное. Культурная картина мира специфична и различается у разных народов. Культурная и языковая картины мира взаимосвязаны и подвержены влиянию относительно друг друга впоследствии они восходят к реальной картине мира, а вернее просто к реальному миру, окружающему человека.

Путь от реальности к слову (через понятие) сложен, многопланов и зигзагообразен. Усваивая чужой, новый язык, человек одновременно усваивает чужой, новый мир. А насколько это реально – войти в этот новый язык, чтобы овладеть всем его богатством, т.е. не только понять, но и *прочувствовать* значение и смысл, нередко скрытый в тексте? Смысл, который открывается только человеку, с детства погруженному в культуру народа, хорошо знакомому с его историей, литературой, этнографией, фольклором и многим другим, вплоть до климатических условий и профессиональных особенностей...

В этом плане условно можно выделить два уровня овладения языком и его использования: *низший* (передача смысла информации), или схематический, и *высший* – создание и передача информации как объемного и цветного изображения; если развить аналогию, эти уровни соотносятся как чтение по слогам и свободное беглое чтение с пересказом и обсуждением прочитанного. Более того, даже совершенно правильный язык (большой словарный запас, безукоризненная грамматика) может быть *стерильным*, как дистиллированная вода, т.е. безвкусным, тогда как включение «неправильных» слов,

«неподходящих» выражений, сознательных ошибок (псевдоошибок, псевдооговорок) нередко делает язык литературного произведения, как и устной речи, более насыщенным по колориту, юмору и т.п., т.е. более *живым*. Последнее далеко не всегда доступно даже для носителей данного языка, не говоря уже о билингвах, для которых второй язык не является родным.

По-видимому, именно с этим положением перекликается мысль Хайдеггера: «... так ли мы в языке, что касается его существа, понимаем его как язык и, вслушиваясь собственно в него, воспринимаем его» [8]. В связи с этим интересна точка зрения М.П. Алексеева [9], который в свое время обращался к проблеме многоязычия в литературном процессе. «Когда два языка вступают в контакт... в одном индивиде, то это означает, что в контакт и в конфликт приходят два видения мира... Переход от одного языка к другому может вызвать в мышлении глубокие потрясения» [10]. Для коллективистических культур характерна дифференциация эмоциональных категорий, богатство языковых средств для выражения эмоций. Можно сказать, что «язык ведет к ядру духовно-культурной экзистенции народа» [11], но, проникновение в это ядро требует определенных жертв. По мнению С. Бочнера [11], в результате межкультурных контактов формируются четыре индивидуальных типа билингвов:

- 1) «перебежчик» (отказ от собственной культуры ради чужой);
- 2) «шовинист» (противоположный вариант);
- 3) «маргинал» (колебание между двумя культурами);
- 4) «посредник» (синтезирует две культуры, являясь их связующим звеном).

Билингвизм живет и развивается за счет взаимопроникновения культур и языков в процессе длительного и непосредственного контакта. Известный афоризм психолога Б.Г. Ананьева: «Личность – это продукт культуры» приобретает особый смысл, когда речь идет о билингве. Можно ли его считать продуктом двух культур или культурный контакт в данном случае приводит лишь к освоению личностью иной культуры, во время которого происходит взаимопроникновение и смещение культур. А билингв становится личностью «между двух культур»? В данном вопросе мы разделяем сомнения В.А. Власова по поводу этой мысли. «Личность билингва, рассматриваемая только в таком контексте, является как будто «застывшей» константой, в то же время процесс ее формирования носит непрерывный, динамичный, характер, и, значит, личность постоянно подвергается различным влияниям, в

частности, воздействию со стороны новой, иноязычной культуры» [12]. В случае принятия подобной точки зрения необходимо вести речь о формировании билингвистической (полилингвистической) личности, не находящейся статично «на рубеже двух культур» (трех или более – это уже не так важно), но активно усваивающей плоды, конгломерат культур внутри себя – культуру мира, культуру толерантности, культуру личности как открытой системы для всего нового, иного

С позиции науки лингвистики изучение билингвизма началось еще с далекого начала 20 века. Учеными того времени ставились многочисленные эксперименты, и результаты этих экспериментов не всегда были на стороне билингвизма.

Так, после ряда экспериментов и наблюдений одним из первых (в 1915 г.) мнение о вреде раннего билингвизма высказал представитель школы ассоциативной психологии И. Эйнштейн. Упрощенно его позицию можно резюмировать следующим образом. Мышление – это ассоциации между понятиями и словами. Если одному и тому же понятию в одном языке соответствует слово А, а в другом языке – слово В, то установившаяся ассоциация «слово – понятие» АС мешает установиться другой ассоциации - ВС. Когда же все-таки образуются две ассоциации АВ и АС (т. е. смысл С в двух разных языках представлен разными словами), то они конфликтуют друг с другом. Тем не менее, труды преимущественно американских и российских лингвистов середины и конца 20 века перевернули взгляд на билингвизм в положительное русло. Ведь размышления И.Эйнштейна соответствовали представлениям о билингвизме его эпохи, и они весьма примитивны в силу немасштабности билингвизма того времени. Более того усилиями лингвистов представляется актуальным изучение и анализ явлений литературно-художественного билингвизма, что позволит решить важные лингвистические, литературоведческие и культурологические проблемы человека в современном социуме.

Литературно-художественный билингвизм является особым видом билингвизма, который представлен творческой деятельностью двуязычного писателя. Это явление характерно индивидуальному творчеству многих мастеров литературы. Писатели-билингвы внесли большой вклад в развитие мировой литературы, приблизив к читателю другие культуры и сделав их понятными. Одним из примеров такого историко-культурного синтеза является индейская литература США. Билингвизм проявляется как психологические, лингвистические, мифологические образы, модели и концепции

своего языка в художественной речи. Так, индейские литераторы Sanders.T и Peak.W описывали художественные особенности индейской литературы следующим образом: «Новый писатель, выходец из среды коренных американцев, живет на родине своих традиций, но вынужден пользоваться чужим языком, и пользоваться искусно, ибо иначе послание его автоматически отвергается, каким бы красноречивым оно ни было. Обвинение скрывается за самым невинным изложением, ибо предмет его вытекает именно из наследия писателя, а само это наследие обвиняет. Наследие же делает его восприимчивым к тем аспектам художественного языка, к которым европеец невосприимчив» [13].

Если связать фактор двуязычия и процесс возникновения таких двуязычных литератур, то можно выделить тот факт, что при контакте нескольких культур происходит стимуляция развития героического эпоса, современного взаимообогащения культур, уничтожение искусственных барьеров, а также проявление новых качеств у эпических жанров наших дней, а также у романов. В том случае, когда описываются принципиально важные вехи исторического и мифологического прошлого: мифы о первотворении, легенды о переселении народов, родственная связь людей, явления мира естественной природы, животные и т.д., то можно определить сходства рассматриваемых двуязычных литератур и культур. Однако есть и различия, которые проявляются в этой литературной модели. Так, в романе индейских писателей США прослеживается протест против капиталистического образа жизни, в нем также нередко возникает «потерянный герой», которые балансирует на грани общинного уклада и капиталистического индивидуализма. Племенная принадлежность, географический регион и культурный уклад не влияют на устойчивые признаки художественной манеры современного индейского писателя США.

В связи с чем, может возникнуть довольно сложная проблема «этнического» критерия при оценке художественного творчества: является ли индеец автором или нет, верно ли отражены принципы, интерпретируются ли реалии народной культуры. В этом случае, в качестве критерия подлинности может выступать только само художественное произведение, т.к. проявляющиеся в нем объективные закономерности невозможно скрыть от читателя, либо же искусственно создать.

Выделим конкретные черты художественной манеры индейских писателей, а также ряд особенностей прозы коренных американцев. Так, к внешним сюжетно-тематическим чертам литературы можно

отнести художественный синкретизм жанровых признаков, экологизм и этнографизм. Рассмотрим более подробно каждый из этих признаков.

Художественный синкретизм индейской литературы заключается в органическом продолжении традиций синкретизма искусства родового общества и сочетании обращений к зрительности и музыкальной звучности слов, а также привлечения собственных изобразительных средств. В художественном синкретизме происходит учет взаимопроникновения поэзии и прозы, приемов полифонии, которые идут от устной речи. С помощью синкретизма формируется произведение, которое характеризуется чертами жанровых признаков романа в различных модификациях, поэм, автобиографий, дидактических или философских повествований-притч, а также разнообразных фольклорных жанров (сказок, мифов, легенд). Подобные произведения обозначаются особым термином – «книга о культуре» (culturebook), т.к. в них создается повествование, которое должно вбирать в себя многовековой опыт развития народной культуры. В индейской литературе можно выделить следующие произведения, обладающие чертами художественного синкретизма – Navarre Scott Momaday «The way to rainy mountain» «The Names: A memoir», Leslie Silko «Storyteller» [14, 15].

Следующей чертой прозы коренных американцев является экологизм, который характеризуется такими традиционными представлениями о низменности и законами естественного мира, как регулярность ритмов, присутствие в нем исконных, древних связей между всеми элементами, которые напоминают об аналогичном изначальном родстве между собой всех людей; а человечества в целом — с природой. Индейским писателем определена позиция его отношения к естественному миру, а лишь затем к предметам, производным от окружающего мира. Он не изображает разрушительные черты природы и родовой общины, либо же описывает их с целью донести до читателя гуманистический урок.

Под этнографизмом понимается проблема философии истории, т.е. стремление воссоздать основы своей культуры, а также сформулировать тот вклад, который общечеловеческая культура вносит в нее. Этнографизм – это попытка дать концепцию «народной истории», взяв за основу то или иное племя, рассказать ее «изнутри» народных представлений. Примерами такого этнографизма являются следующие произведения: Н.Storm «The Song of Heyoehkah», Jamake Highwater «Апрао». В этих произведениях главным образом выступает мечта

о счастливом будущем народа, образ рассвета как символ народного возрождения, образы старейшин-наставников, которые воплощают в себе богатство прошлого опыта, образы детей как ростков будущего [14, 15].

Пожалуй, в качестве основополагающего мировоззренческого принципа следует назвать специфическую обусловленность пространственно-временных связей (неизменно важные «где» и «когда» любого повествования). Она опирается на мифологический принцип «всего во всем», придающий времени повествования мифологизм, а самому повествованию — необычную статику и одновременно скачкообразность как часть общей «циклической» концепции развития (например, на место античной и гегелевской «триады» развития приходит «тетрада», заключающая в себе идею замкнутого цикла). «Все, что случилось, случится вновь», — формулирует индейский писатель J.Highwater. Поскольку сущее в его закономерностях неизменно, человек также находит выражение в обобщенных мифологических категориях, порой в ущерб разработке конкретного человеческого характера. Мир и человек подаются часто в виде серии образно-философских равенств или притч, иносказаний, как в прозе писателей индейцев Северной Америки.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что билингвизм способствует достижению адекватной картины мира в сознании личности. Со всей справедливостью нужно отметить, что двуязычие, во-первых помогает общению, сотрудничеству, сближению и взаимопомощи в общественно-политической жизни; во-вторых, оно способствует распространению широкого культурного обмена между народами; в-третьих, оно может свести к минимуму языковые барьеры в общении людей разных национальностей, выступая в качестве средства, исключающего возможность взаимной изоляции народов; в-четвертых, способствует широкому распространению языка межнационального общения; в-пятых, способствует взаимному обогащению и взаимовлиянию, пополнению и расширению лексического запаса каждого из языков, участвующих в общем и едином процессе.

Рассмотрев особенности литературы коренных американцев, можно выделить, что эта литература характеризуется последовательным и активным переосмыслением народно-философской мысли в противовес системе «буржуазных ценностей», а также современным плюралистическим мышлением США. На основе развития этой

литературы можно говорить о том, что основы этнического сознания заложены на стадии племен и установления родового строя. В дальнейшем, изучив архаические, глубинные пласты этнического сознания, можно решить проблемы своеобразия молодой индейской литературы, а также найти общие для этой литературы идейно-культурные характеристики.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Государственная программа развития языков в Республике Казахстан на 2011-2020 годую – Астана, 2011.
- [2] Вайнрайх У. Языковые контакты. – Киев, 1979. – 22 с.
- [3] Залевская А.А., Медведева И.А. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия. – Тверь, 2002.
- [4] Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). – М., 1969. – 40 с
- [5] Щерба Л. В. Избранные труды по языкознанию и фонетике. Т. 1. – Л., 1958.
- [6] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1978–1980. – 1832 с.
- [7] Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. – М., 1960. – 436 с.
- [8] Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000.
- [9] Многоязычие и литературное творчество / Отв. ред. М.П. Алексеев. – Л., 1981.
- [10] Дадье Б. Люди между двумя языками // Иностранная литература. – 1968. – № 4.
- [11] Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. – М., 1999.
- [12] Власов В.А. Многоязычие как лингводидактический фактор методике обучения иностранному языку. - Пятигорск: ПГЛУ, 2003.
- [13] Literature of the American Indian. - New York, 1973. – P. 448.
- [14] Momaday N.Scott. House made of dawn // Characters in Twentieth-Century Literature, Book Two. – NY:Gale Research, 1995. - P. 93.
- [15] Storm H. Song of Heyoehkah. - San Francisco, 1980. – P. 176.

REFERENCES

- [1] Gosudarstvennaya programma razvitiya yazykov v Respublike Kazakhstan na 2011-2020 gody. Astana, 2011.
- [2] Weinreich W. Yazikovye kontakty. Kiev,1979, 22 s.
- [3] Zalevskaya A.A., Medvedeva I.A. Psiholingvisticheskie problemy uchebnogo dvuyazychiya. Tver', 2002 [in Russ.].
- [4] Vereschagin E.M. Psihologicheskaya i metodicheskaya harakteristika dvuyazychiya (bilingvizma). M., 1969, 40 s. [in Russ.].
- [5] Scherba L.V. Izbrannye trudy po yazikoznaniyu i fonetike. T. 1. L., 1958 [in Russ.].
- [6] Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazika. M., 1978-1980, 1832 s. [in Russ.].
- [7] Maruzo Zh. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M., 1960, 436 s. [in Russ.].
- [8] Ter-Minasova S.G. Yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsiya. M.: Slovo, 2000 [in Russ.].

- [9] Mnogoyazychie i literaturnoye tvorchestvo. Otv. red. M.P. Alekseev. L., 1981 [in Russ.].
- [10] Dad'ye B. Lyudi mezhdv dvumya yazikami. Inostrannaya literatura. 1968, № 4 [in Russ.].
- [11] Stefanenko T.G. Etnopsihologiya. M., 1999 [in Russ.].
- [12] Vlasov V.A. Mnogoyazichie kak lingvodidakticheskiy faktor v metodike obucheniya inostrannomu yaziku. Piatigorsk, 2003 [in Russ.].
- [13] Literature of the American Indian. New York, 1973, P. 448.
- [14] Momaday N. Scott House made of dawn. Characters in Twentieth-Century Literature, Book Two. NY:Gale Research, 1995, P. 93.
- [15] Storm H. Song of Heyoehkah. San Francisco, 1980, P. 176.

СОЛТҮСТІК АМЕРИКА ҮНДІСТЕРДІҢ ӘДЕБИЕТІНДЕГІ ҚОСТІЛДІК КӨРІНІСІ

Жұмабаева Д.А.,

Ш.Уәлиханов атындағы Көкшетау Мемлекеттік Университетінің
магистрантты, Көкшетау, Қазақстан

Тірек сөздер: қостілділік, тіл, әлемнің тілдік сурет, үнді мәдениет, этнографизм.

Андатпа. Бұл мақала Солтүстік Америка үндістердің әдебиетіндегі билингвизм өнеріне арналған. Онда «қостілділік» ұғымы, билингвизм жіктеу, мәдени және тілдік әлемнің нақты қарым–қатынастары қарастырылады.

УДК 81'366 16.21.47

CULTURAL FEATURES OF COLOUR IN THE WORLD PICTURE

Salibekova F.M., Kaldibekkyzy M., Izbasarova G.,

Senior teachers, teacher chair of English linguistics

M.Auezov SKSU, Shymkent, Kazakhstan

e-mail: sfm_82@mail.ru

Keywords: color, idiomatic expressions, translation, color perception, symbolism of color, different cultures, different emotions.

Abstract. This article is devoted to problems of investigation of the specifics of colour designation in English and Kazakh languages in cultural connotation aspect. The theory of the issue is presented by means of the reference to a wide range of scientific works on the given subject. There is the experimental data on the base of the article, which were received by the author by consideration of phraseological units in reference books and materials of English and Russian segments. The author tries to throw a light on the problem of functioning colour symbols in Kazakh culture through comparing it with other languages.

Colors may convey different messages to people of different cultures. Different cultures have different terms for colours. They play an important role in describing things, expressing words' meanings and strengthen languages' influence, and also quite rich in cultural associations. World wide colour naming and these differences in naming can be easily organized into the specific, coherent hierarchy, and that "there is a limited number of universal 'basic colour terms' which is used by different cultures. Moreover, this theory also included the evolutionary development of colour terms in all languages.

Colors are present everywhere in our world. By the use of our eyes we are able to distinguish a great range of colors. They play an important part in our life. Everywhere we look we see colors and very often we ask each-other "Which is your favorite color" etc... Colors do not only name physical objects; we give them a meaning and a certain connotation which is different in different cultures. The word is beautiful because it is colorful and that's why we say "a life full of colors". Being an important factor of man's life and activity the colour is a part of the world image in all the components. Mechanisms of forming colour perception are mainly common for the mankind, like many other psychophysiological effects of the color comparison of the material level, colour on the personal sense level always has unique meaning, forming during human's life and his activity colours have different meanings. Even in childhood a child due to his organs of the senses starts to appreciate color and other qualities of objects and denote

them with the help of the language, assimilating the ways of phenomena categorization, typical for the cultural picture of the world. The course of time personal stable systems of meaning begin to form usually function as verbal-sensitive association complexes.

Experiments focused on discovery of cultural differences in the man intellectual activity stated that the ways of categorization and classification of colour are culturally determined, at the same time linguists agreed that colour perception is a universal function. We should avoid the total opposition of cultural and universal features as the component of the world's image can be found in all the features. It's an integral part of the subject image content and is a part of the material. Every person can feel different emotions to one colour according to his personal denotation colour has its own meaning fixed in culture and the meaning is based on the material (for example red color increases pressure and pulse, a rush of blood, as according to M. Lusher, from the times of primitive man it symbolizes the danger of attack) most meaningful colours have their own verbal expressions. The language hasn't got a term for particular colour if this colour is out of importance for this culture are two the most effective ways of finding out the meaning of each colour. The first one is connected with the usage of linguistic methods. Here we can speak about comparative study of fiction literature and different literary and scientific sources about colour and the comparative analysis of phraseological units with colour naming component. The second one is holding of associative experiment with the representatives of each culture to Vasilevich A.P. "Associative field of a word is a real thing which is closely connected with historical and cultural tradition of this particular nation" [1]. An associative experiment the respondents' answers are standard, typical and reflect common cultural reality as the first method permits to find out all the meanings of the colour typical for this culture and to make up the structure of the semantic field of the colour. The second method allows to specify these meanings and the structure of the semantic field of the colour and to make final reconstruction associative experiment took place in 2004–2009 in Russia, Europe, the USA and some other countries with a help of the sources of the e-mail and different social networks. The test group was asked to name their verbal associations with the particular colours: red, blue and green exposed the results to the procedure of content-analysis and semantic grouping. According to the research several conclusions were made:

Blue and green colours were closely connected with the associations of the objects and phenomena of wild life and inanimate nature;

Red colour has many associations with emotions in all cultures. This can be explained by the fact that red colour is traditionally connected with the terms of love, passion, anger and so on is interesting to notice that the blue colour has got high percent of emotional associations in the English language. This can be explained by the fact that the semantic field of blue colour in English culture contains the terms of sadness and grief. So the semantics of blue colour in English culture is mainly negative.

There are many opinions about how and why colours communicate meaning; the most important ones are going to be discussed in the paragraphs below. The website “Colour Matters” explains that the source of these meanings can be quite clear, at least of those found in nature because it is commonly known that red is the colour of blazing fire and blood, blue the colour of cooling waters and the sky. Other meanings may be more complex and not universal. The existence of colours in nature is universal and timeless. For example, the fact that green is the colour of vegetation can be considered a universal and timeless association. However, colour may generate another level of meaning in the mind. This symbolism is based on cultural, as well as contemporary contexts. As such, it is not universal and may be unrelated to its natural associations. For example, green is associated with nature, growth, fruitfulness, freshness and ecology. On the other hand, green may also be the symbol of good luck, money and greed – and these have nothing to do with green plants or nature in general. As it is stated in the “Colour Matters” colours might have both positive and negative connotations and specific symbolism. For instance, although blue is the colour of the sky on a sunny day, it can be also the symbol of sadness or stability. Therefore, one colour might have even opposite meaning and quite different connotations across cultures. In spite of this, as the “Colour Matters” website describes, there are some logical sources for the range of complex and very often contradictory psychological (cultural) meanings of colours. These may arise from the following factors:

- 1) Cultural associations: traditions, geography, etc.
- 2) Political and historical associations: flag colour, royalty, etc.
- 3) Religious and mythical associations: colours related to spiritual or magical beliefs
- 4) Linguistic associations: colour terms differ across individual languages
- 5) Contemporary usage: current colour applications to objects, sports, trends, etc.

There is no arguing that colour symbolism can have a powerful effect

on human emotions. As regards the linguistic expression of colours, Plümacher writes: “The world is colored for human beings. Although we can distinguish millions of colors visually, only very few of them have special names”. Wyler, for example, claims that “the group of colour terms that freely generates figurative phrases and idioms is formed by five colour terms: ‘red’, ‘blue’, ‘green’ 23 and the two a-chromatic colour names ‘white and ‘black’ “. According to Eiseman, each colour has distinctive ideas and emotions attached to them [2]. The basic colours and the description of emotions evoked by various colours as presented by Smith is given below [3].

White is the colour that indicates purity, cleanliness, and neutrality. Smith claims that “it is commonly known that doctors work with white coats, brides traditionally wear white gowns, and a white picket fence surrounds a safe and happy home”. The white colour affects us physically by aiding mental clarity, by evoking purification of thoughts and actions. White is also associated with reverence, purity, simplicity, cleanliness, peace and innocence. In Western cultures this colour is associated with marriage, whereas in Eastern cultures – with death.

Black, according to Eiseman, gives an impression of weight and strength, it gives objects a sturdy, solid feel. He claims that “spatially, blackness implies vast emptiness and a more foreboding perception of infinity than blue skies depict because black is authoritative and powerful; black can evoke strong emotions, too much can be overwhelming. Black represents a lack of color, (...) emptiness”. This colour makes one feel inconspicuous and is in a way mysterious. It represents power, sexuality, sophistication, formality, elegance, wealth, mystery, depth and style. However, it also has negative associations, such as sadness, remorse, anger, fear, evil, anonymity, unhappiness. In western cultures this is the colour of mourning and death.

Red in every spoken language is the first colour repeated after “black” or “white”. According to Eiseman, red embodies excitement and passion, both positively and negatively, and is often nicknamed “the dynamo” because it has the greatest emotional impact [2]. One of the oldest associations for red is blood. Red is the colour that triggers the “fight or flight” intuition in animals because of association with blood. As Smith states “red is holds its place in culture as well, best shown in its prominence during Valentine’s Day, the holiday for lovers, and the flushed face of an angry or embarrassed man”. According to him, red colour increases enthusiasm, excitement, stimulates energy and can increase the blood pressure, heartbeat, and pulse rate. It also encourages action and confidence and provides a sense of protection from fears and anxiety. However, as well as other colours, red may have negative

connotations. Red also speaks of sin, shame, danger, aggression or immoral actions.

Blue, according to Smith, is “the overwhelming colour” [3]. The color of ocean and sky, blue is perceived as a constant in peoples’ lives. This colour calms and sedates, cools and aids intuition. It conveys peace, tranquility, harmony, trust and even confidence. However, it also has negative associations such as depression.

Green, as Smith states, “occupies more space in the spectrum visible to the human eye than most colors, and is second only to blue as a favorite color. Green is the pervasive color in the natural world, making it an ideal backdrop in interior design because we are so used to seeing it 24 everywhere”. The green colour is seen as tranquil and refreshing; it is considered to be the colour of peace and ecology. This colour soothes, relaxes mentally, as well as physically and it offers a sense of renewal, self-control, and harmony. However, green might have also negative emotions: envy, jealousy, inexperience, misfortune, etc.

In addition to the five basic colours, Smith provides a description of some others. Thus yellow, according to Smith, “shines with optimism, enlightenment, and happiness. Shades of golden yellow carry the promise of a positive future. Yellow will advance from surrounding colors and instill optimism and energy, as well as spark creative thoughts”. This colour stimulates mental processes and the nervous system, activates memory and encourages communication. On the other hand, this colour signals dishonesty, cowardice, betrayal, jealousy, deceit and illness.

As regards **pink**, Smith states that “brighter pinks are youthful, fun, and exciting, while vibrant pinks have the same high energy as red; they are sensual and passionate without being too aggressive”. Pink is the color of happiness and is sometimes seen as lighthearted. Bright pinks, like the red colour, stimulate energy and can increase the blood pressure, heartbeat, and pulse rate. They also encourage action and confidence. This colour might also (in some contexts) mean arrogance.

Gray, as described by Smith, “is the color of intellect, knowledge, and wisdom. It is perceived as long-lasting, classic, and often as sleek or refined. It is a color that is dignified, conservative, and carries authority”. Very often gray is considered a color of compromise, perhaps because it is between the extremes of black and white. Gray is a perfect neutral, which is why designers often use it as a background colour. However, some people perceive this specific colour as the symbol of old age, sadness and something boring.

With respect to the **brown colour**, Smith thinks that “brown means stability, reliability, and approachability. It is the color of the earth and is associated with all things that are natural or organic”. This colour supplies a feeling of wholesomeness; it stabilizes, provides a connection with the earth and finally gives a sense of orderliness. Ironically, brown is also associated with disgust. As the last point in this section, Ryan’s claim can be used to sum up the discussion of associations regarding the different colours as a reflection of cultural stereotypes.

According to Ryan, “it has been known for a long time that colours influence the way people feel and have a great impact even on emotions because people often associate colours with happy or sad events”. Light colours are known to help people feel more relaxed, whereas dark colours create “a more serious” atmosphere. Therefore, colour is an aspect of life from which people cannot escape, as such, it influences each person’s actions and emotions.

In Kazakh culture different codes for various colors are used. According to M. Auezov, for Kazakhs there are two primary colors: white and black. “Antithesis of white, black is its equal in terms of absolute colour. And now we shall begin by considering the role of the colour within the cultural context reflecting the national portrait of the world. The black colour in the language consciousness of Kazakh people has speech ambiguity, that is: Black colour reflects positive phenomenon in Kazakh culture.

And now we shall begin by considering the role of the colour within the cultural context reflecting national portrait of the world.

Black (“kara”) colour – colour of the earth, night, sometimes a grief. For Kazakh people black colour is perceived as power, force and fear of something. As well as for other distant and close cultures, black colour in Kazakh culture symbolizes the death and sadness. This colour always brings with it difficulties, a grief and the evil. For Kazakh culture the lexeme kara in the set–phrase “karaly kun” (black day) leads to the hell. Another connotative meaning of the set–phrase “Kara zhel” (black wind) denotes strong wind symbolizing physical strengthen, expresses danger as well. The main connotative meaning which is expressed by the word kara (black) covers also different meanings positive in the setphrase “Kara tastay” “Kara agashtay” they symbolize quality. As it concerns European culture “Black, as the colour of melancholy, pessimism, sorrow and misfortune, is applied in everyday language in such terms as black magi, black books, blackmail, black market, black mass and so on. The Romans distinguished unlucky days with a black stone and different disasters have stigmatized Mondays,

Fridays and Saturdays as ‘Black’” Examples:

қара қарғадай [әрттей] қаптады – a crowd of people

қара қасқа кедей – poor man

қарақатқақ – freeze up

қара қоңыз – дүниеқор, насық, greedy, hoggish

қара қорым [құрым] – well over, well above, much greater

қара қылды қақ жарған [тілген] – rightful, valid, fair-minded

қара нар – dromedary

қара ниет [нейіл] – man with dreadful intention

Black colour also can be a symbol of a Kazakh woman, her beauty and magical power: “Kazaktyn kara kozderinin sikyrly kushy Europa ayelderдинen кем емес” (The magic power of beauty of black eyes of the Kazakh woman isn’t worse than the European woman has). There are also phrase as kara shash (black hair), which also a symbol of the Kazakh woman and beauty. Nowadays a lot of Kazakh girls are named Karashash (Black haired) and Karakoz (Black eyed), fact of transformation of the phrases to personal names [4. For a long time among the Kazakh people seven primary colors were used as symbols: blue, dark blue, red, white, yellow, black and green. Blue and dark blue colors designate infinity and depth as represent an image of the sky and the sea. In turn, blue is a symbol of wisdom, intellect and belief, and dark blue – stability, justice and freedom. In political symbolic dark blue color connected with moral and religious aspects, because it symbolizes protection, silence and the peace.

White color (“ak”) is a purity, wisdom, hope and peace. As confirmation can serve the literature written by Kazakh authors, where sense of high human morals and beauty is connected with value of white color. “Ak kagazday taza korip zhuretin Akbilek endy kuye zhakkanday kagaz...” (Akbilek who was innocent and pure, now was slung mud). This fragment testifies that using white color *Ak kagazday (as white paper)*, the author more strongly wanted to show beauty of soul of the character, her innocence and purity. The same symbol of purity, innocence and virginity we can see in following example of white color “ak tos” (*white breast*): “Shanymen, ak tosine aram deneny oynaktatyp, ashylmagan kauynyn aram pyshakka zhargyzygany ma?” (Really, whether it means that her innocent body will be seized by the impious man). White color can also symbolize death in Kazakh culture [5]. Thus it is set sometimes at the start and sometimes at the finish of the daily round and of the manifested world, which endows it ideal and asymptotic properties. However, the finish of life – the instant of death – is also the moment in which we cross the bridge between the visible and the invisible

and is therefore another starting–point.” We can see it in clothes attributes on a funeral. Kazakh woman don’t put black kerchief on a head. White kerchief is a symbol of Black Death and men bind belt from white fabric. “In all symbolic thought, death precedes life and all birth is rebirth. For this reason white was originally the colour of mourning, as is still the case in the Far East and as was for long the practice in Europe, especially at the court of the Kings of France”. In ancient times when batyrdar (heroes) gathered for battle, they spoke: “Olsem kazam ak bolsym” (if I die, let my death be white (literally)) which means that death overtaken the person in battle, in fight is white (pure, heroic), as though blessed from height, innocent death, courageous, heroic withdrawal from life. Besides, Kazakhs wished happy journey, telling “*ak zhol bolsyn*” (let the journey to be pure) that symbolizes good luck, a good trip. Each ethnos has the features inherited only in itself and distinguishes it from other ethnic collectives. They can include various images, characters, stereotypes, material and spiritual values. All these values are reflections of cultural development of the people. Symbols can be transferred by many ways, in particular by means of language which people speak; they fix all phenomena and events in memory of ethnical lingua–cultural community. An analysis covers the problem of phraseologization of set–phrases with colour component and they are realized through the way of transformation mainly metaphorically. Metaphor, as it is known, arises on the base of real and imaginable similarity of indications or features of different objects and phenomena. Let us consider the examples of Kazakh culture, *kara bet* (*black face*) – a dishonest person; *kyzyl koz pale* (*red eyed misfortune*) – a harmful person. Thus colour–denotation plays an important role in metaphotization of the character of the person. Conclusion Each colour has a definite meaning. Very often a symbol as an image arises in words under the extra–linguistic factors, peculiarities of people’s disposition. Definite systemic relations characterize colour–symbols. As it concerns Kazakh culture symbolic meanings have mainly black, white, brown, red, yellow colours. For example:

Ағынан жарылды – *revelation*

ақ адал мал – *turn an honest dollar*

ақбата – *request, wish, performative*

ақ құйын – *orator, speaker, mouthpiece*

ақ сайтаны ұстады– *wax angry, get blood up, lose hair*

Blue – an equivalent to the word of the founder therefore this color means durability, victory, spirit height, superiority, arrogance. Blue is a name of the people, space, the infinite Universe in which stars, constellations, planets are

located, galaxies. Blue is Old Turkish features. In national ornaments, domes of minarets Turkic including Kazakh people blue color often meets that testifies that blue color has special symbolical value. Examples:

көк ала қойдай [торғайдай] қылды [етті, сойды, сабады] – beat up, thrash

көк ауыз [езу] – chatterer, turn the air blue

көк бөрі – strong man, knuckle dragger

көк бұрыл – grey-headed

Brown color – in the Kazakh life means steadiness, politeness. Such phrases as daily affairs, late fall, pleasant breeze pleasant the gentle song, pleasant voice with semy have brown color the following values: normal, identical, favorable, positive..... Pleasant sound from far away as the cradle of mother rocks to sleep the boundless steppe. Zere called to herself the grandson..... and.

I told: – Айналауын, коныр козу (досл. pretty mine, my lamb brown) – also I stroked on a back.

Yellow color is a sign of reason, content, restraint: expressions to the patient it will be rendered, hope springs eternal with the use of lexicon, designating yellow color, – on the one hand provide a consolation and hope, with other party they are connected with grief, melancholy and despondency: to give deep way to grief, to grieve besides in value of duration – to wait long; also in value wide, big, huge. Examples:

сары ауыз балапан – a) The innocent child ә) inexperienced.

сары (шұнақ) аяз – Terrible frost

сары (сар) дала (поэт.) – a) Valley, desert

сары езу – teenager.

сары жамбас болды – have a long illness, stay in bed.

сары жол (жолды) – non-starter, lame duck.

сары жілік – adult person, grown man

сары (сар) уайым – suffering, heartache, distress.

сары үрпек балапан – infant, baby

сары ізіне шөп салды – play ducks and drakes

Words–symbols bring us understanding of national peculiarities of every language. It enables us to draw a conclusion that colour–denotation is one of the main components of ethnic culture; main colours in Kazakh culture are black, white, and red, yellow, brown that coincides with cultures of other nations despite their areal and cultural distances.

REFERENCES

[1] Vasilevich A.P., Kuznessova S.N., Mishenko S.S. Colour and its name in Russian

language. M: CommitteeBook , 2005, p. 216.

[2] Eiseman L. Colour Blog. - Available : <http://eisemancolorblog.com> (Accessed 3 December 2015).

[3] Smith K. 2009. Sensational Colours. Available : <http://www.sensationalcolor.com/color-meaning-symbolism-andpsychology> (Accessed 3 December 2015).

[4] Zharkynbekova Sh. Associative Indication of Colour Denotation and Language Conciseness // Herald of Moscow University, Philology, 2003, Vol. 9, #1, P.109–116.

[5] Kaidarov A., Akhtamberdiyev Z. Omirbekov. Colours in the language picture. Almaty,1992, 160 p.

ӘЛЕМ БЕЙНЕСІНДЕГІ ТҮР-ТҮС ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Салыбекова Ф.М., аға оқытушы,
Калдыбекқызы М., аға оқытушы,
Избасарова Г., ағылшын тілі кафедрасының оқытушысы
М. Әуезов ат. ШМКУ, Шымкент, Қазақстан
e-mail:sfm_82@mail.ru

Тірек сөздер: түр-түс, идиомалық сөз тіркестері, тустердің таңбасы.

Андатпа. Бұл мақаладада ағылшын және қазақ тілдеріндегі түр-түс атаулары, олардың тілдегі көрінісі және әлемнің тілдік бейнесіндегі түр-түстің рөлі қарастырылған. Зерттеу жұмысының теориялық бөлімін қарастыру барысында аталмыш тақырыпқа қатысты әр түрлі ғылыми жұмыстар талдаудан өткізілді. Берілген мақаланың негізінде автордың анықтамалық әдебиеттер мен орыс және қытай тілдеріндегі материалдар сегментін зерттеу барысында алған экспериментальды мағлұматтары жатыр. Түсті таңбалар мәселесін шешу мақсатында автор таңбаларды қазақ мәдениетіндегі түсті таңбалармен салыстыру әдісін пайдаланған.

ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТА В КАРТИНЕ МИРА

Салыбекова Ф.М., старший преподаватель,
Калдыбекқызы М., старший преподаватель,
Избасарова Г., преподаватель кафедры английского языка
ШГКУ им. М. Ауезова, Шымкент, Казахстан
sfm_82@mail.ru

Ключевые слова: цвет, идиоматические выражения, цветовосприятие, символика цвета.

Аннотация. Статья посвящена проблемам исследования специфики цветообозначения в английском и казахском языках в аспекте культурной коннотации. Теория вопроса представлена посредством обращения к широкому кругу научных работ по данной тематике. В основе статьи лежат экспериментальные данные, полученные автором при рассмотрении фразеологических единиц в справочной литературе и материалах русского и китайского сегментов. Автор пытается пролить свет на проблему функционирующих цветных символов в казахской культуре посредством сравнения его с другими языками.

AFFIXATION IN ENGLISH AND KAZAKH LANGUAGES

Karbozova G.K., Candidate of Philological Sciences, associate professor,
Kudaibergenova M.R., Candidate of Pedagogical Sciences, senior teacher,
Salybekova F.M., Master of Art, senior teacher Chair of English linguistics
SKS. Pharm. Academy, M.AuezovSKSU, Shymkent, Kazakhstan
e-mail:sfm_82@mail.ru

Keywords: affixation, suffixation and prefixation, word-formation, classification, lexical meaning, parts of speech.

Abstract. The given paper is devoted to study of English and Kazakh affixes. The process of affixation consists in coining a new word by adding several affixes to some root morphemes. The role of the affix in this procedure is very important and, therefore, it is necessary to consider certain facts about the main types of affixation.

Affixation is generally defined as the formation of words by adding derivational affixes to different types of bases. Derived words formed by affixation may be the result of one or several applications of word-formation rule and thus the stems of words making up a word-cluster enter into derivational relations of different degrees. The zero degree of derivation is ascribed to simple words, i.e. words whose stem is homonymous with a word-form and often with a root-morpheme, e.g. *atom*, *haste*, *devote*, *anxious*, *horror*, etc. Derived words whose bases are built on simple stems and thus are formed by the application of one derivational affix are described as having the first degree of derivation, e.g. *atomic*, *hasty*, *devotion*, etc. Derived words formed by two consecutive stages of coining possess the second degree of derivation, etc., e.g. *atomical*, *hastily*, *devotional*, etc. Affixation is forming new words by adding affixes to different types of derivative bases. Types of derivational bases:

- bases that coincide with morphemes (morphological stamps) – dutiful
- bases that coincide with grammatical word-forms – unknown
- bases that coincide with word-groups – second-rateness

Derivative affixes are highly selective (the choice depends on etymological, phonological, semantic and structural properties of the base).

Classification of derivational affixes:

1. Functional classification:

- convertive (class-changing)
- non-convertive (class-maintaining)

2. Productivity and activity:

- productive – unproductive
- active – non-active
- high-frequency – low-frequency

3. Etymological: – native (–less; –full; –hood; –dom; –ship)

– borrowed (–able; –ism; –ise; demi–; semi–; dis–)

4. Distributional meaning:

– suffixes – are mostly convertive (–hood; –ship; –ish – non–convertive).

Are classified according to the part of speech that they form (noun–forming, adjective–forming, verb–forming, adverb–forming). And according to the derivative base with which they are used (denominal, deverbial, deadjectival).

– prefixes – are mostly borrowed, half converted. The same classification.

In conformity with the division of derivational affixes into suffixes and prefixes affixation is subdivided into suffixation and prefixation. Distinction is naturally made between prefixal and suffixal derivatives according to the last stage of derivation, which determines the nature of the ICs of the pattern that signals the relationship of the derived word with its motivating source unit, cf. unjust (un–+just), justify, (just++ –ify), arrangement (arrange + –ment), non–smoker (non– + smoker). Words like reappearance, unreasonable, denationalise, are often qualified as prefixal–suffixal derivatives. The reader should clearly realise that this qualification is relevant only in terms of the constituent morphemes such words are made up of, i.e. from the angle of morphemic analysis. From the point of view of derivational analysis such words are mostly either suffixal or prefixal derivatives, e.g. sub–atomic sub– + (atom + + –ic), unreasonable un– + (reason + –able), denationalise de– + + (national + –ize), discouragement (dis– + courage) + –ment.

Word formation in Kazakh language is investigated by scholars Kaliyev G., Bolganbayev A. Kazakh linguist Salkynbay A. stated that the widespread use of the Kazakh affixation and obviously in practice some new words become available. Vocabulary gets updated by foreign words, terms, even the nouns and this is natural phenomenon.

In Kazakh suffixes are elements which attached to a stem or root to form a new meaning or form. Most suffixes in Kazakh vary in word–formation. For instance: –лар, –лер, –дар, –дер, –тар, –тер.

E.g. қалалар– cities, қыздар – girls, институттар – institutions, төбелер–hills көлдер – Lakes, мектептер– schools.

These suffixes express plurality of nouns, but as you see, they are different. This happens because of phonetic system of the Kazakh language: Ал–ғыш, біл–гіш, айт–қыш, іш–кіш etc.

In this very example suffixes ғыш, гіш, қыз, кіш etc.

In this very example suffixes– ғыш, –гіш, –қыш, –кіш are one type of

adjective-forming suffix, but with different phonetic variants.

Suffixes in the Kazakh language are divided into two large groups according to their meanings and function: word-forming suffixes and word-changing suffixes:

a) We get new meanings new words with the help of word-forming suffixes, adding them to a stem or root. One simple word may become another.

E.g.: Бүркіт – бүркіт-ші

Бүркіт means eagle and бүркітші shows a person who keeps an eagle and hunts with that bird. So by adding – ші to the word бүркіт we get another word бүркітші. Though they are relative words they have two different lexical meanings they are different words.

Although some words change the meaning of a word, they do not change its position, what part of speech it belongs to.

E.g.: мал– мал– шы

The word мал is a noun and the word малшы is a noun too. These two words are lexically different but refer to the same grammatical category. Other examples are: қой– қойшы, кезек (an abstract noun) – кезекші (a person, concrete noun) адам (concrete noun) – адамгершілік (abstract noun) etc.

Some suffixes serve to change the grammatical category of words. For instance, the words шеге, тұз, аяқ are nouns. But: шеге –ле, тұз– да, аяқ – та become verbs with suffixes – ле, – да,– та etc. Vice versa, verbs become nouns by adding suffixes: біл– білім (knowledge), түс– түсім, ал– (take) алым (taxes), and so on. With the help of suffixes –ды,– лы,– ты we can form adjectives from nouns: мал– малды, тау– таулы, ағаш– ағашты, орман –орманды, etc.

Suffixes –лық, –дық, –лік help to form nouns from adjectives: жақсы– жақсылық, жаман– жамандық, әдемі – әдемілік.

b) Endings don't form a new meanings, they generally, indicate plurality and serve as linking elements in sentences.

E.g.: Оқушылар оқытушымен киноға барды.– Pupils with their teacher went to the cinema

We can see that the Kazakh language is full of endings. As for English, the grammatical relations are expressed by means of form words, that is helping words. The word оқушылар (pupils) is a plural form of оқушы (pupil). Let's compare sentences given in the example:

Оқушы – лар – pupil–s

Оқы - ту - шы -мен – with their teacher

Кино - за to the cinema

барды – went

We cannot say “Оқушы оқытушы кино барды”, because words are not related with each other and that’s why we can hardly understand the exact meaning of the sentence. It is common knowledge that the Kazakh language is famous for its case system as there are seven of them [1].

Compared languages English and Kazakh refer to various language systems and families. English is an inflectional language, from Germanic family, and Kazakh agglutinative, from Turkic family. Features of a grammatical system of the native language of pupils of national schools will be reflected at studying of national language of other grammatical system as the native language for them is a basis of thinking, and any concept for them, first of all, arises and is represented in an image of a grammatical system of the native language. This tells about the presence of divergences in the mentioned languages. However in these languages of different systems it is also possible to establish the moments of a generality.

The word technique consists of only one morpheme having two syllables. Even though the word has two syllables, it is a single morpheme because it cannot be broken down into smaller meaningful parts more example of morpheme:

cat cats cat+s catty cat+y

help helped help+ed unhelpful un+help+ful

bake bakery bak+ery baker bak+er

*dedicate dedication dedicat+ion rededicate re+dedicate
rededicationings re+dedicat+ion+ing+s*

Establish establishment establish+ment

The basic formation of words will help us recognize how the word remains the same but the addition changes the definition of the word. Let’s look at how the affixes work in both English and Kazakh.

work works working worked seem seems seeming seemed

live lives living lived

book books booking booked

Now, let’s look at 2 words in Kazakh productive affixes, бас – head and to grow (өн) 1. *Бас– басшы бастықтар баспа баспалдақ басшылық – noun forming suffixes*

2. *Басты бассыз– adjective forming suffixes*

3. *Баста бастат басқар verb forming suffixes*

Same construct, but different meaning because of the additions made to them. We will compare further English and Kazakh productive and non

productive affixes In English there are following productive prefixes:

a) un — a prefix German origin; it is combined with nominal and verbal bases. As compared with the Kazakh language the negative affixes are more widely used in English. With bases of adjectives, adverbs and participles un prefix attaches to the words formed with its help significance of denial; in Kazakh corresponds to denial not—:

unhappy – бақытсыз,
unnatural – шынайы емес,
unpleasant – жағымсыз, ұнамсыз.
unwell — денсаулығы жоқ,
unknown — атақсыз, әйгілі емес.
unlearned — білімсіз, қабілетсіз,

With verbal bases un prefix — attaches to a verb significance of the action opposite to what is expressed by a basis: *undo* — «to destroy made», *unbind* – «to untie».

undo – бұзу
unbind – ағыту; шешу

Unproductive prefixes:

in – and its phonetic options im–, il–, ir–which have resulted regressive assimilation with initial concordants of a root. Prefix “in” a Romance origin; meets, generally as a part of loan words; negative meaning gives:

incorrect – жаңылыс, қате, дұрыс емес
correct – дұрыс;
improbable – ақылға сыймайтын, нанғысыз, сенбейтін
probable – бәлкім; мүмкін; сияқты; ықтимал, ақиқатқа жуық; сенерлік; шынға ұқсас; шындыққа жататын
illegal – заңсыз
legal – заңды

en – prefix a Romance origin; in combination with bases of nouns and adjectives forms verbs:

enlarge – арттыру, үлкейту
enslave – билеп-төстеу; езу; езіп-жаниу; жаниу
enrich – байыту
enchain – бұғау салу
encircle – айнала қоршау; қоршап алу;

There were in English also some new prefixes. Among them it is necessary to call the prefix of re-expressing frequency of action, for example, to repeat, recover, rewrite, and joining both to primordial, and to the borrowed verbs and the prefix of dis-giving to verbs and nouns negative

value, for example, by disturb, dismiss, disarrange, disarm, discover, discovery, disguise, dislike. Among old productive suffixes especially important are – er, – ing, – ness.

During the new period a suffix – er began to be used and for formation of the nouns designating subjects (boiler, steamer, coaster – the coasting vessel, typewriter).

The suffix – ster is unproductive during the new English period; it gives to the few words formed with its help a scornful shade (the inkster–scribbler, the poetaster–bad poet, the rhymer, gangster).

The suffix – th was weak productive, and since the XVII century turned into a dead suffix.

The suffix – ing remains extremely productive (farming – occupation by agriculture, agriculture; stocking).

The suffix – ness formed a number of nouns during the new period and remains productive up to now (consciousness, happiness, tenderness).

Suffix–man gave many derivatives (coachman, fisherman, fireman, chairman, policeman).

The suffix – ship during the considered period gave a number of derivative nouns (authorship, championship, leadership).

Suffixes of adjectives

In system of adjectives the suffix – at had so wide circulation, as during the average period (handy, healthy).

The suffix – ful remains productive still (beautiful, delightful, grateful, hopeful)

New word–formation affixes

Suffixes of nouns

The suffix – ment mattered result of the made action (acknowledgement, management, employment).

During the new English period in system of an English word–formation there were some more new suffixes.

1. Suffix – al france. – aille (arrival, survival, denial).

2. Suffix – ity and its option – ty france. – te form nouns from bases of adjectives (beauty, liberty, English – frailty, poverty)

3. The suffix – age meets in many borrowed nouns (carriage, village, voyage, shortage, leakage).

Suffixes of adjectives

The suffix – able meets in the most common adjectives, as amiable borrowed, for example, capable, passable, probable, and numerous derivatives, for example, eatable, laughable, marketable, readable, teachable.

Characteristic features of Kazakh, such as vowel harmony, agglutination, and lack of grammatical gender, are universal within the Turkic family [2].

In Kazakh language non productive affixes, found only in Persian loan-words – *наз*

өнерназ, аспаз – бей/би беймаза, беймезгіл, бейтаныс, бейтарап, бейуақ, бейшара.

The distinctive characteristics of Kazakh in word formation is extensive agglutination.

Kazakh extensively use agglutination to form new word from nouns + verbal stems. The majority of derivative suffixes to the set of core vocabulary [3, p. 7].

We will consider further productive affixes in Kazakh language. From the point of view of the learner, the morphophonemic approach allows the student to see more linguistic patterns more clearly. From the point of view of the linguist and teacher, it groups together more information for a more orderly and systematic presentation of the language. Also, we have opted for the term “affix” to mean either suffix or infix.

It is recommended that the student become familiar with these affixes in both the canonical and assimilated forms. some and will likely be encountered in only the handful of example words cited below.

– лы: denominal adjectival affixes, лы/ды/ты лі/ді/ті, e.g. *атақты, пайдалы, тасты, далалы, никелді, отынды, гүлді, тасты, түсті, қызғылықты, игілікті, түпкілікті,*

– лық: denominal adjectival affixes, лық/дық/тық лік/дік/тік, e.g. *қададық, жылдық, қоғамдық, балалық кішілік, күзлік, жастық, көштік.*

– сыз: denominal adjectival affixes, сыз/сіз, e.g. *тамақсыз, киімсіз, пайдасыз, білімсіз,*

– қалақ: deverbal affix, қалақ/келек, ғалақ/гелек, e.g. *сасқалақ, тепкелек, жаңғалақ, күйгелек,*

– қы denominal adjectival affixes, қы/ғы, –кі/гі, e.g. *сытқы ‘outer’, жазғы ‘spring’, күзгі ‘autumnal’, ішкі ‘inner’,*

– қы deverbal adjectival affix, –қы/ғы, –кі/гі, e.g. *жинақы, күлдіргі, бұралқы,*

– шыл denominal adjectival affixes, шыл/шіл, e.g. *турашыл, ұйқышыл, көпшіл, күлкішіл, көкшіл ‘bluish’, ақшыл ‘whitish’,*

– шыл: deadjectival adjectival affixes, allomorphs шыл/шіл, e.g. *көкшіл ‘bluish’, ақшыл– whitish,*

– дай: denominal adjectival affixes, дай/тай, дей/тей, e.g. *таудай, үйдей, тастай, сүттей,*

- лас denominal adjectival affixes, лас/дас/тас, лес/дес/тес, e.g. пікірлес, қызметтес, аттас, істес, замандас, көңілдес,
- шаң: denominal adjectival affixes, шаң/шең, e.g. көйлекшең, ашушаң, кіршең,
- и denominal adjectival affixes (in persian loan-words only), e.g. әлеби ‘literary’, мәдени ‘cultural’, тарихи ‘historical’, әскери ‘military’,
- ы: denominal adjectival affixes, ы/i, e.g. толы, өлі,
- қой: denominal adjectival affixes, қой, e.g. кәсіпқой, сәнқой,
- қар: denominal ... affix, e.g. қырқар, заңғар,
- қор: denominal adjectival affixes, e.g. жемқор, жалақор, ызакор,
- дар –дар/тар (can be confused with plural affix), e.g. қарыздар ‘indebted’ < қарыз ‘debt, loan’; хабардар ‘informed’ < хабар ‘news’,
- дақ: de, дақ/дек, тақ/тек,
- қ: deverbial nominal/adjectival affix, –к/к, e.g. сынық, жабық, сирек, ісік, арық, түрік,
- ғыш: deverbial adjectival affix, –қыш/гыш, –кіш/гіш, e.g. сенгіш, танқыш, тоңғыш, тескіш, алдағыш, сүзгіш,
- ғыр: deverbial adjectival affix, –қыр/ғыр, –кір/гір, e.g. танқыр, білгір, алғыр, ұшқыр, өткір,
- қақ: deverbial adjectival affix, –қақ/кек, ғақ/гек, e.g. жабысқақ, тоңғақ, тырысқақ, еңкек, сергек,
- дағы: locative adjectival affix, –дағы/дегі,
- с: collective derivational verbal affix, e.g. ойнасу ‘to play together’, сөйлесу ‘to converse’,
- с; deverbial nominal affix, e.g. жарыс, керіс, жалғас,
- н; reflexive/intransitive derivational verbal affix, н/ін/ын,
- л: passive/intransitive derivational verbal affix, л/іл/ыл,
- ғыз: causative derivational verbal affix, –қыз/ғыз, –кіз/гіз,
- дыр: bcausative derivational verbal affix, –тыр/дыр, –тір/дір,
- т: causative derivational verbal affix, e.g. жүгірт–у < жүгір–у,
- ған: aorist verbal affix, қан/ған and –кен/ген,
- р: future verbal affix, –р/–ар/–ер,
- мас: negative future verbal affix, –мас/мес,
- мастан: negative adverbial affix, –мастан/местен, настан/нестен,
- май: negative adverbial affix, allomorphs –май/мей, най/ней,
- мсақ: deverbial nominal affix, (ы)мсақ/(і)мсек, e.g. жарамсақ, тілемсек, өлімсек,
- лт: қызғылт, сарғылт,
- тал denominal adjectival affix, e.g. ұғымтал, өсімтал,

- тым: қызғылтым, сарғылтым, ақшылтым, көкшілтім,
- тын: habitual verbal affix, –атын, йтын/етін, йтін, e.g. баратынмын, келетінсің, сөйлейтін,
- шы: agent verbal affix, allomorphs шы/ші, e.g. оқушы ‘student’ (i.e. one who studies as a profession < оқу ‘to read, study’),
- шы: баршы, келші,
- сайшы: барсайшы,
- ңқыра: allomorphs ңқыра/ңкіре, e.g. барыңқыра, келіңкіре,
- мақ: goal-oriented verbal affix, allomorphs –мақ, бақ, пақ/ мек, бек, пек, e.g. бармақның ‘i intend to go’, келмексін ‘you intend to come’, жазбақ ‘she intends to write’, күтнекпіз ‘we plan on waiting’, айывақсыздар ‘you plan (pl.) on saying’, мінбексің ‘you (sg.) intend to ride’,
- н verbal affix, allomorphs –н/ын/ін, e.g. оқуынсыз ‘you (pl.) read’, іздеппін ‘i search’, барыппын ‘i go’, келіпті ‘she comes’,
- и transitional participial affix, e.g. ойнау ‘to play, dance’ – ойнай,
- a transitional participial affix, –a/e, e.g. бару ‘to go’ – бара, келу ‘to come’ – келе,
- ғалы goal-oriented participial affix, –қалы/ғалы, –келі/гелі,
- ғанша temporal participial affix, –қанша/ғанша, –кенше/генше. these carry the meaning of ‘by the time’ or ‘until’,
- майынша conditional participial affix, –майынша, –мейінше,
- ты past tense affix, allomorphs ты/ті, ды/ді,
- йын first person singular imperative affix, (а)йын/(е)йін, e.g. барайын ‘let me go’,
- ма deverbial nominal affix, ма/ме/ба/бе/па/пе, e.g. жасама, сырма, қызба, кезбе, түспе, керме, тұнба, төңбелі, аспа, серіппе,
- мды deverbial adjectival affixes, (ы)мды/(і)мді, e.g. тартымды, келісімді, ұстамды,
- нды deverbial adjectival affixes, (ы)нды/(і)нді, e.g. жасанды, шәйінді, жыртынды, үзінді,
- ңқы denominal adjectival affixes, (ы)ңқы/(і)ңкі, e.g. басыңқы, түсіңкі,
- йық first person imperative affix, (а)йық/(е)йік, e.g. ойнайық ‘let’s dance’,
- ңыз second person plural imperative or possessive pronominal affix, allomorphs (ы)ңыз/(і)ңіз,
- ңыздар honorific second person plural imperative or possessive pronominal affix, allomorphs (ы)ңыздар/(і)ңіздер, e.g. келіңздер ‘come (you pl.)’, үйіңіздер ‘your house’,

– ң first person singular imperative or possessive pronominal affix, allomorphs (ы)ңыз/(і)ң,

– ңдар honorific first person singular imperative or possessive pronominal affix, (ы)ңыздар/(і)ңдер, e.g. келіңдер ‘come (you pl.)’, үйіңдер ‘your house’,

– сын third person singular/plural imperative affix, allomorphs сын/сін, e.g. оқысын ‘let her read’,

– ғы ‘want to’ optative mood affixes expresses wish or desire, marked by the affix, ғы/гі, қы/кі, e.g. келгім ‘i want to come’, сөйлегің ‘you want to say’, айтқысы ‘she wants to say’, кеткіңіз ‘you (pl.) want to leave’,

– са if’ conditional mood affix, са/се, e.g. барсам ‘if i go’, келсең ‘if you (sg.) come’, сөйлесе ‘if she speaks’, айтсаңыздар ‘if you (pl. honorific) say,

– у deverbial nominal affix, у/ю, e.g. балау, кішілеу, босаңдау, үлкендеу, тастақтау, еңкіштеу,

– рақ comparative adjectival affix, (ы)рақ/(і)рек, e.g. ұзынырақ, биігірек, аласарақ, кішірек.

Affixation is a phenomenon giving two ways of word building: suffixation and prefixation. Comparing both linguists have come to the conclusion that suffixation is a more fruitful way of forming new derivatives than prefixation, though it is also widely used in forming new words, that is the new parts of speech.

Recent investigations prove that there are no productive and non-productive affixes because each affix plays a certain role in word-formation. There are only affixes with different degrees of productivity, besides that productivity of affixes should not be mixed up with their frequency of occurrence in speech. Frequency of affixes is characterised by the occurrence of an affix in a great number of words. Scientific achievement according to the theory of affixation gives an opportunity to investigate in a new approach of affixation of the English and Kazakh languages.

Nowadays, we can consider the theory of word formation of the English and Kazakh languages worked out enough and investigators have excellent ideas about affixation.

REFERENCES

- [1] Kozub L.S. Modern English Lexicology. Д., 2011, 132 p.
- [2] Deutsches Orient – Institut. Orient, 2000, Vol.41, P. 611.
- [3] Kaliyev G., Balgynbayev A. Almaty, Daur, 2003, [in Russ.].

АҒЫЛШЫН ЖӘНЕ ҚАЗАҚ ТІЛДЕРІНДЕГІ АФФИКСТЕР

Қарбозова Г.К., филол.ғыл. к., педагог. ғыл. к., М.Әуезов атындағы ШМҚУ
Құдайбергенова М.Р., пед. ғыл. к.,
Салыбекова Ф.М., аға оқыт.,
ШФА, Шымкент, Қазақстан, e-mail:sfm_82@mail.ru

Тірек сөздер: аффикс, суффикс, префикс, сөз жасам.

Андатпа. Бұл мақала ағылшын және қазақ тілдерінің сөз жасам құрылымдарының жасалу жолдарының салыстырмалы әдістері қарастырылады. Сөз жасам құрылымын жасау барысы түбір морфемаға бірнеше жұрнақтарды қосу әдісімен жасалатыны белгілі. Сөз жасам жасау үдерісінде жұрнақ пен жалғаулардың маңыздылығына байланысты олардың басты түрлерін толықтай қарастырған жөн.

АФФИКСЫ В АНГЛИЙСКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ

Қарбозова Г.К., к.ф.н., доцент,
Құдайбергенова М.Р., к.ф.н.,
Салыбекова Ф.М., ст.преп.
кафедра англ.яз., ШФА, ШГКУ имени М.Әуезова, Шымкент, Казакстан
sfm_82@mail.ru

Ключевые слова: аффикс, суффикс, префикс, словообразование.

Аннотация. Данная статья рассматривает словообразование в английском и казахском языке в сопоставительном плане. Процесс аффиксации заключается в разработке новых слов путем добавления нескольких аффиксов к корневым морфемам. Роль аффикса в этой процедуре очень важна, и поэтому необходимо рассмотреть определенные факты о главных типах присоединения.

УДК 81'42

GRAMMATICAL MEANS OF COHESION IN DISCOURSE OF HOT AND COOL MEDIA

Zhamalbekov L.,

Pedagogical Faculty of Foreign languages,
Kazakh Ablai khan University of International Relations and World Languages,
Almaty, Kazakhstan

Keywords: discourse, Applied Linguistics, cohesion and coherence, textuality, communicative occurrence, grammatical dependency, reference, anaphora and cataphora.

Abstract. The main issue of this article is the problem of using grammatical means of cohesion in discourse of hot and cool media. The relevance of the chosen topic due to the fact that nowadays more and more people around the world are interested in learning foreign languages, particularly English. This article deals with characteristic features of written and spoken discourse and the ways how to link the sentences in order to form discourse.

Originally the word “*discourse*” comes from Medieval Latin word – [“*discursus*”] which denoted “conversation, speech”. We can witness the upsurge of interest in the problem in the middle of the 20th century in the works of such linguists as Z. Harris and F. De Saussure. The term “discourse” hasn’t got a well-formed definition. Generally, in our everyday life a word “discourse” refers to conversation or discussion. In Oxford dictionary there are different definitions of discourse – “Written or spoken communication or debate”, “A formal discussion of a topic in speech or writing”, “A connected series of utterances; a text or conversation” (in linguistics).

In linguistics, it is “linguistic unit which is larger than one sentence”. AAarts gives the similar definition to discourse: “large stretches of language higher than a sentence” [1, p.79]. For example, the sentence “*Emma likes watching movies*” is not a discourse because it consists of 1 sentence. But “*Emma likes watching movies. She goes to the cinema every weekend*” is discourse because 2 sentences are connected with each other by a referential pronoun “she” which refers to “Emma”. This is the example of cohesion which will be considered later.

We can find a lot of debates in using the terms “text” and “discourse”. This question rose in dispute on Applied Linguistics between De Beaugrande and Widdowson who argued about differences between text and discourse. De Beaugrande argued that “a text cannot be contextualized only shifted into a different context. A real text cannot be decontextualised, that is, removed from any context; we can only shift it into a different context, which is an

ordinary transaction not just in language classrooms, but in most reports or discussions of what somebody has said” [2, p. 114].

These terms have a lot in common, but they are slightly different. For some scholars a term “discourse” belongs to spoken speech and “text” to written. But the other scholars think that “discourse” belongs either to written and spoken speech.

There are some differences between these two terms. There are differences in their meaning and understanding:

Text refers to indirect speech, where an author uses phrases such as “he said, she wanted him, they decided that”; while discourse refers to spontaneous speech in particular situation (2 friends met in cafe, a person’s job interview. There is one agent in the text (an author), but in discourse there are two agents who change their roles (sender - receiver) constantly. People perceive a text in different space and time; perceive discourse in a unity of space and time.

In their work, de Beaugrande and Dressler suggest the terms “Text” and “Textuality”. According to their definition, *textuality is a quality by which sentences form a coherent text in contrast to a random sequence*. For example, the sequence of sentences like “Ann likes apples. Peter doesn’t want to sleep. My father is interested in football.” - is not a text. But the sequence “Ann and Peter got married yesterday. They are going to have honeymoon in China today. They hope that a trip will be exciting.” is a text, because it’s logical and meaningful.

According to de Beaugrande, a text is “a *communicative occurrence* which meets the seven standards of textuality. If any of these standards is not considered to have been satisfied, the text will not be communicative. Hence, non-communicative texts are treated as non-texts” [3, p. 3]. Beaugrande and Dressler distinguished 7 standards of textuality:

- “[Cohesion] concerns the ways in which the actual words we hear or see (the so called surface text), are mutually connected within a sequence. The surface components depend upon each other according to grammatical forms and conventions, such that cohesion rests upon *grammatical dependencies*” [3, p. 3]

- Coherence and concerns the ways in which the components of the textual world, i.e. the configuration of concepts and relations which *underlie* the surface text are mutually *accessible* and *relevant*.

- Intentionality, concerning the text producer’s attitude that the set of occurrences should constitute a cohesive and coherent text instrumental in fulfilling the producer’s intentions. In other words, it has to distribute

knowledge or to attain a goal specified in a plan.

- Acceptability, concerning the text receiver's attitude that the set of occurrences should constitute a cohesive and coherent text having some use or relevance for the receiver, e.g. to acquire knowledge or provide co-operation in a plan.

- Informativity and concerns the extent to which the occurrences of the presented text are expected vs. unexpected or known vs. unknown/certain.

- Situationality and concerns the factors which make a text relevant to a situation of occurrence.

- Intertextuality and concerns the factors which make the utilization of one text dependent upon knowledge of one or more previously encountered texts.

The concept of **cohesion** cannot be separated from the concept of text. As was mentioned before, a text differs from non-text because of Textuality. Generally, Cohesion is considered as a text-centered notion. It depends only on the text, not on the reader. According to Halliday and Hasan "A text has texture and this is what distinguishes it from something that is not a text. The texture is provided by the cohesive relation" [4, p.2].

In order to make you understand the concept of cohesion, let's take an example: "*Harris was different. He was sweet-faced and well-spoken*".

We can easily understand that "he" in the second clause refers to "Harris" in the first. This is the example of referential pronoun in anaphoric function, and it gives cohesion between two sentences. These two sentences constitute a discourse, and as we mentioned before discourse is a linguistic unit which is larger than a sentence.

Halliday & Hasan distinguish cohesive ties which are divided into 2 types: grammatical and lexical. **Referential pronouns**, **Conjunctions** and **Substitution** refer to grammatical.

Referential pronouns (called simply *reference*) are the most widely spread means of cohesion in hot and cool media. Reference occurs when one item in text points to another element for its interpretation. In other words, one element in discourse presupposes (interprets) another and refers to it by its direct connections with presupposed word. In a text, the referential pronouns are presupposing; and nouns are presupposed. There are two types of reference: *Exophora and Endophora*. In exophora, the interpretation of reference lies beyond a text (here we see the main difference between text and discourse – exophora is possible in discourse). Exophora is situational cohesion.

For example, (conversation between 2 friends in dress shop):

- *Kate, do you like this **dress**. -No, I don't like **this one**, but I like **that**.*
At this example, “this one” refers to the dress, which lies within the text. “That” refers to another dress and lies beyond the text.

Where their interpretation lies within a text, they are called endophoric relations and do form cohesive ties within the text. In its turn, endophora consists of **anaphora and cataphora**. Anaphora refers to presupposition of something that has gone before (*I read **the book** in galley form somewhere in 2007. Read **it** in one sitting.*), while cataphora refers to the presupposed element which is following (*Ladies and gentlemen! Let's welcome **him!** The IBF, WBC, WBA champion of the world - **Gennadiy Gennadievich Golovkin!***).

Conjunctions are the second widely spread type of cohesive relations after the referential pronouns. Conjunction refers to a specification of the way in which what is to follow is systematically connected to what has gone before. Conjunction joints the sentences in discourse and put them into a logical order. Halliday & Hasan provide an extended, often illuminating, discussion of the relationships indicated by such markers, together with an extended taxonomy. Yule and Brown agree and give this classification of conjunctive relations: “a) additive: and, or, furthermore, similarly, in addition; b) adversative: but, however, on the other hand, nevertheless; c) causal: so, consequently, for this reason, it follows from this; d) temporal: then, after that, an hour later, finally, at last” [5, p. 191].

Additive: *Along with our partners around the world, the United States is working with your governments to help stop this disease. **And** the first step in this fight is knowing the facts.*

Adversative: *As Apple grew we hired someone who I thought was very talented to run the company with me, and for the first year or so things went well. **But** then our visions of the future began to diverge and eventually we had a falling out.*

Causal: *She was 5 minutes late submitting her final project. **As a result**, she lost 5% of her final score.*

Temporal: *Eric raised his gun and shot his best friend Dylan Klebold. **Then** he put the warm barrel into his mouth, momentarily tasted the smoke, pulled the trigger, and literally blew his brains out.*

The next type of cohesive relations is called **Substitution**. Substitution is the replacement of one item by another. Generally, the main function of substitution is to avoid the similar words repeated in two following sentences. It's useful to replace the long causes in the sentences. According to Halliday and Hasan, there are 3 types of substitutions: **Nominal** – one,

ones, same; **Verbal** – do, did; **Clausal** – so, not.

Nominal substitution is the replacement of nouns with such words like: one, ones and same. For example, let's consider the following: *The minute I dropped out I could stop taking the required **classes** that didn't interest me. Then I begin dropping in on **the ones** that looked interesting.* Here, **the ones** from the 2nd sentence refer to **classes** from the 1st sentence.

Verbal substitution is the process of replacement of the Verbs with “**do**”, “**did**” and their forms (does, didn't): *But then our visions of the future began to diverge and eventually we **had a falling out**. When we **did**, our Board of Directors sided with him.*

Clausal substitution is the replacement of clauses with *so* and *not*:

- *Do you think that the assignment will due this week? - I hope not! I haven't written anything!*

We could say like: “Do you think that the assignment will due this week? I hope that it won't due this week!” But, instead of using such a long clause we can replace it with very short **not**.

We use the Linguistic data:

I Steve Job's speech of the Commencement address in Stenford University, USA, 2005.

II Martin Luther King. I have a dream.

III The article “Teenage terrorists: The Columbine High School Massacre”.

IV President Obama on America's Response to Ebola: “When Disease or Disaster Strikes, Americans Help”.

Conclusion

In the article we give the review of the scientific achievements in the study of discourse and discourse analysis; we consider the features of cohesive relations in discourse; we also hope that the discussion presented at this article will be a topic of further research.

REFERENCES

[1] Aarts F., Aarts J. English Syntactic Structures. Functions and Categories in Sentence Analysis. Prentice Hall Europe, 1988, P. 79.

[2] Beaugrande R. de. Large corpora, small corpora, and the learning of language, L., 2001, P. 114.

[3] Beaugrande, R. de, Dressler W.U. Introduction to text linguistics. London; New York: Longman, 1981, P. 3.

[4] Haliday M.A. K., Hasan R. Cohesion in English. L., 1976, P. 2.

[5] Brown G., Yule G. Discourse Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1983, P. 191.

БАҚ ТІЛІНДЕГІ ГРАММАТИКАЛЫҚ ҚҰРАЛДАРЫНЫҢ БАЙЛАНЫСЫ

Жамалбеков Л.,

Педагогика және шет тілдер факультетінің студенті
Абылай хан атындағы ҚазХҚжӨТУ
Алматы, Қазақстан

Тірек сөздер: дискурс, қолданбалы лингвистика, бірлігі мен келісу, текстуалдық, коммуникативтік құбылыс, грамматикалық тәуелдік, сілтеме, анафора, катафора

Андатпа. Бұл мақалада ағылшын тіліндегі дискурстің құрамындағы сөйлем байланыстыру үшін грамматикалық агенттер пайдалануы сарапталған. Тақырыптың өзектілігі бүгінгі адамдардың шет тілдерді үйрену (әсіресе ағылшын тілін) мүдделілігінде тұрады. Осы мақала жазбаша және ауызша тілдің ерекше сипаттарды және дискурсты құрылу үшін сөйлем байланыстыру жолдарын көрсетеді.

СВЯЗЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ЯЗЫКЕ СМИ

Жамалбеков Л.,

студент факультета педагогики и иностранных языков
КазУМОиМЯ им. Абылай хана
Алматы, Казахстан

Ключевые слова: дискурс, прикладная лингвистика, связность и согласованность, текстуальность, коммуникативное явление, грамматическая зависимость, ссылка, анафора и катафора.

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема использования грамматических агентов для связи предложений в составе дискурса в языке средств массовой информации. Актуальность выбранной темы состоит в том, что на сегодняшний день все больше и больше людей по всему миру заинтересованы в изучении иностранных языков, в особенности английского языка. Данная статья изучает характерные черты письменной и устной речи и пути для связи предложений с целью формирования дискурса.

DISCOURSE OF ANALYSIS AND PRECEDENT PHENOMENAS

Kassenbayeva M.A.,

Master Student of Faculty of Foreign Philology
KazUIRandWL after Ablai khan, Almaty, Kazakhstan
m.kassenbayeva@bk.ru

Keywords: discourse, discourse analysis, media discourse, case phenomena(precedent phenomena)

Abstract. This article is devoted to the problems of precedent phenomena definition and classification of from the point of view of complex approaches. Based on the undertaken analysis, the authors give the definition of precedent phenomena, distinguish their main and complementary characteristic features as well as build the hierarchy of the precedent phenomena. At the same time there explaining connection between case phenomena and discourse.

УДК 327

ДИСКУРС АНАЛИЗ И ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ

Касенбаева М.А.,

магистрант 2-курса факультета иностранной филологии и перевода,
КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан
m.kassenbayeva@bk.ru

Ключевые слова: дискурс, дискурс анализ, медиадискурс, прецедентные феномены, теория прецедентности, признаки прецедентных феноменов.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос определения и классификации прецедентных феноменов с позиций комплексного подхода и их роль в дискурсе и дискурс анализе. На основе проведенного анализа дается определение и выделяются основные и дополнительные признаки прецедентных феноменов, а также строится иерархия прецедентных феноменов.

Не секрет, что научный термин «дискурс», является на сегодняшний день одним из много изучаемых и в то же время одним из самых загадочных. За последние десять лет данный термин широко исследовался в разных сферах человеческой деятельности. Была опубликована не одна статья, нацеленная на всеобъемлющее определение данного феномена.

Данная статья не станет исключением. В ней мы также попытаемся дать корректное определение термину «дискурс» с лингвистической точки зрения, особое внимание будем уделять политическому виду дискурса. В статье также попытаемся проанализировать проявление прецедентных феноменов в медиадискурсе.

История возникновения термина «дискурс» относится к середине XX века. Первым его использовал бельгийский ученый Э. Бюиссанс в своей работе под названием «Язык и дискурс», опубликованной в 1943 году. В работе Бюиссанса дискурс подразумевался как перевод языка со знаковой системы в живую речь, иными словами дискурс использовался как синоним текста и речи [1, с. 1].

На сегодняшний день существует множество других определений современных исследователей, опровергающие идентичность понятия дискурса, текста и речи. Для примера возьмем определение известного нидерландского лингвиста, Т. ван Дейка (Teun Adrianus Van Dijk). Т. ван Дейк предлагает различать два определения дискурса. В широком смысле дискурс есть комплексное коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем), в определенном временном, пространственном и прочем контексте. Коммуникативное действие может быть речевым, письменным, а также иметь вербальные и невербальные составляющие (например, разговор с другом, диалог между пассажирами транспорта, чтение газеты).

В узком смысле дискурс есть текст устный или письменный с учетом присутствия только одной вербальной составляющей. С этих позиции термин «дискурс» обозначает завершенный или продолжающийся «продукт» коммуникативного действия. Согласно концепции Т. ван Дейка, рассмотрение принципов функционирования языка в обществе ведется не только с точки зрения прагматических подходов к дискурсу, но также с учетом определенных социальных факторов (мнения и установки говорящих, их социальный и этнический статус, и т.д.), определенным образом акцентируются личностные характеристики носителей языка с их намерениями, чувствами, эмоциями и т.д. [2].

Дискурс-анализ – совокупность аналитических методов интерпретации различного рода текстов или высказываний как продуктов речевой деятельности людей, осуществляемой в конкретных общественно-политических обстоятельствах и культурно-исторических условиях. Иначе говоря, дискурсивный анализ изучает выражаемые структурами «подстрочные» значения, мнения и идеологию. Для того, чтобы показать, как эти подстрочные значения относятся к тексту, ван Дэйк предлагает подвергнуть анализу когнитивный, социальный, политический и культурный контекст медиа-сообщений. Когнитивный подход основывается на том факте, что тексты не имеют смысла, но смысл образуется в сознании

носителей языка. Другими словами, нам нужно «разобрать по частям» когнитивные представления журналистов в процессе производства ими новостей и читателей во время осознания, понимания и запоминания текста публикации. Ван Дэйк называет две ментальные структуры: 1) понимание текста, значение самого текста, присутствующее в памяти как текст-представление и 2) сами носители языка и журналисты, которые имеют уникальное, личное представление о событии, новости, представленной в тексте.

Это знание - представление в памяти читателя ван Дэйк называет ситуационной/событийной моделью. «Переваривая», осмысляя событие, описанное в тексте, мы строим ментальную модель этого события. Эта модель не только выражает информацию, представляемую через текст, она также содержит много другой информации об этом событии. Примечательно, что эта информация не выражена в тексте, предполагается опора на соответствующие знания читателей или потому что она представляется журналисту не подходящей. Часть этой информации возникает из так называемых культурно-очерченных сценариев, конвенциональных знаний, представлений о хорошо известных эпизодах социальной жизни [3].

Прежде чем приступить к практической части нашей статьи, позвольте дать определение следующему термину, непосредственно связанному с темой нашей статьи, «прецедентным феноменам».

Лингвистика как наука, изучающая общие процессы языка, вполне закономерно и традиционно обращается к вопросам культуры как вспомогательному материалу для более глубокого проникновения в суть языковых явлений. Все исследователи, изучающие взаимообусловленность языка и культуры, исходят из положения, что взаимоотношение языка и культуры представляется как фактор взаимного развития и существования.

В современных условиях параллельно с динамическими изменениями образа жизни людей меняется и языковой вкус. И публицистика, и живая речь насыщены новыми словами, названиями, новым контекстом; значительное количество лексики с национально-культурной оценочностью – пословицы, поговорки, фразеологизмы, крылатые выражения и прецедентные феномены.

Современные тексты насыщены национально-культурными стереотипами, которые являются важным фактором доступности и восприятия текстов для людей, изучающих иностранный язык. Иностранец, изучающий язык и культуру другой страны, всегда

проявляет интерес к людям этой страны, своеобразие их внешности, привычек и норм поведения, менталитета. Как правило, человек интересуется и тем, как люди другой национальности воспринимают окружающий мир, какими ценностями при этом оперируют. С другой стороны, иностранец стремится понять новую культурную среду, сравнивая ее феномены с феноменами родной или мировой культуры.

Прецедентный феномен – феномены, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и окружению данной личности, включая и предшественников, и современников, и наконец такие обращения, к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности.

Впервые термин «прецедентный текст» был употреблен Ю.Н. Карауловым в работе «Русский язык и языковая личность». Ученый рассматривал вопрос прецедентных текстов в рамках теории языковой личности, объясняя их употребление прежде всего коммуникативно-деятельностными потребностями личности [5].

Согласно Ю.Н. Караулову, прецедентные тексты обладают такими основными отличительными признаками, как хрестоматийность и реинтерпретируемость. Объясняя понятие хрестоматийности прецедентных текстов, ученый высказывает обоснованное, на наш взгляд, предположение, что знакомство языковой личности с прецедентными текстами происходит в процессе обучения в школе и в процессе социализации, так как «если даже они [прецедентные тексты] не входят в программу общеобразовательной школы, если даже их там не изучали, то все равно все говорящие так или иначе знают о них, – прочитав их сами или хотя бы понаслышке» [5, с. 216]. В связи с этим необходимо подчеркнуть важность осведомленности носителей языка о прецедентных текстах, поскольку «знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры» [5, с. 216]. Однако Ю. Н. Караулов отмечает и временную непостоянность прецедентных текстов. Он полагает, что со временем их база меняется: какие-то прецедентные тексты устаревают, их сменяют новые. Ю. Н. Караулов также описывает еще один аспект. Рассуждая о способах существования прецедентных текстов, ученый подчеркивает, что прецедентным текстам присущ семиотический способ существования, при котором «обращение к оригинальному тексту дается намеком, отсылкой, признаком, и тем самым в процесс коммуникации

включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения или более крупным жизненным событием отдельные фрагменты; в таком случае весь текст или значительный его фрагмент выступают как целостная единица обозначения» [5, с. 217].

Изучению данного феномена посвятили свои работы такие ученые как, Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко и Д.В. Багаева. Они же и выделяют следующие признаки прецедентных феноменов [4]:

Таблица 1 - Признаки прецедентных феноменов

Признаки прецедентных феноменов		
хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества (имеющие сверхличностный характер)	актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане	обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества

Для Ю.Н. Караулова же основными признаками прецедентных текстов являются:

- 1) значимость в эмоциональном и познавательном аспекте;
- 2) хрестоматийность (широкая сфера бытования, общеизвестность);
- 3) неоднократная возобновляемость (повторяемость);
- 4) реинтерпретируемость (способность воплощаться в других формах искусства, помимо словесного);
- 5) хронологическая маркированность (прецедентные тексты принадлежат определенной эпохе и культуре);
- 6) семиотический способ существования.

Перечисленные признаки позволяют довольно четко отличить прецедентные тексты от текстов другого рода, также они описывают некоторые особенности функционирования прецедентных текстов в дискурсе языковой личности. Однако не только тексты могут обладать прецедентным характером. Согласно теории прецедентности, большой вклад в развитие которой внесли Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко и Д.В. Багаева, существует целый ряд языковых феноменов, обладающих прецедентным характером. Вот какие феномены ученые определяют как прецедентные: 1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества (имеющие сверхличностный характер); 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция)

к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества [4]. К прецедентным феноменам Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко и Д.В. Багаева относят:

Таблица 2 - Виды прецедентных феноменов

Прецедентные феномены			
прецедентный текст	прецедентная ситуация	прецедентное высказывание	прецедентное имя

Ученые полагают, что прецедентный текст и прецедентная ситуация являются более широкими понятиями и зачастую в речи не могут быть использованы в своем полном объеме. В связи с этим они вводят в оборот такое понятие, как символ прецедентного текста или прецедентной ситуации, в качестве которых могут выступать прецедентное имя и прецедентное высказывание [6].

По мнению ученых, прецедентные тексты и прецедентные ситуации могут актуализироваться прецедентными именами или прецедентными высказываниями. Таким образом, происходит расширение выдвинутого Ю. Н. Карауловым понятия. Данная тенденция на расширение трактовки характеризуется не только введением нового родового понятия, но и пониманием термина «текст» в широком смысле. Так, например, В. В. Красных ставит вопрос о протяженности прецедентного текста и высказывает идею о том, что само понятие «текст» может восприниматься очень широко. Указывая на работы Ю. М. Лотмана, она подчеркивает, что вся культура может восприниматься как один большой текст, что, например, позволяет определять разные памятники культуры (например собор Василия Блаженного) как невербальные прецедентные тексты. Данная трактовка обуславливает классификацию всех прецедентных феноменов на две большие категории: вербальные и невербальные [7].

Такая широкая трактовка прецедентного текста и появление термина «прецедентный феномен» переносит рассматриваемый вопрос в другую плоскость. Положения теории языковой личности не могут объяснить всех аспектов употребления и функционирования прецедентных феноменов, что заставляет искать новые методы изучения явления прецедентности, используя дискурсивные и лингвокультурологические подходы. Так, например, Е. Ю. Прохоров подчеркивает, что употребление прецедентных текстов связано с «системой знаний о мире и образах мира, которые реализуются в

данной этнокультуре» [8]. Соответственно, изучение прецедентных текстов может находиться в области лингвокультурологии и подвергаться лингвокультурологическому анализу. Данный вектор исследования получил свое распространение в последнее десятилетие. Основными особенностями данного подхода являются: а) восприятие прецедентного феномена как репрезентатора артефакта человеческой культуры и б) наиболее широкое понимание текста (соотносимое с теорией семиотики культуры Ю. Н. Лотмана). Данные особенности обуславливают наиболее широкое понимание понятия «прецедентный текст». Например, Г.Г. Слышкин отмечает, что прецедентный текст «может быть любой протяженности: от пословицы или афоризма до эпоса» [9].

Снимая (неоправданно, на наш взгляд) некоторые ограничения в первоначальном определении прецедентного текста, введенного Ю. Н. Карауловым, в отношении таких критериев, как широта и время его существования и употребления (Г.Г. Слышкин считает, что существуют тексты прецедентные для узкого круга людей и тексты, становящиеся прецедентными на относительно короткий срок, например рекламный слоган), ученый максимально расширяет понятие, что несколько размывает его границы. Под предложенное определение теперь подпадают такие явления, как внутритекстовые аллюзии, фразеологизмы, пословицы и поговорки. Оппозицию данному лингвокультурологическому подходу составляет когнитивный подход. Например, правомерной представляется точка зрения В.В. Красных, которая подвергала критике некоторые идеи Ю.Е. Прохорова. Она высказала несогласие с тем, что сами прецедентные тексты в полном виде могут быть использованы в речи, ибо «они есть нечто большее» [5, с. 8]. Исследователь утверждает, что за каждым прецедентным текстом скрывается инвариант восприятия, который будет иметь различные характеристики в индивидуальном и общекультурном планах. Поэтому прецедентные тексты не могут быть полностью употреблены в речи. Таким образом, В. В. Красных возвращается к термину «символ прецедентного текста», который служит средством актуализации прецедентных текстов в речи, что, на наш взгляд, вполне объективно объясняет механизм употребления прецедентных феноменов в речи. Последующая разработка теории прецедентности проводилась в свете когнитивного подхода (Д.Б. Гудков и В.В. Красных). Понятие «концепт» и теория прототипов использовались для описания структуры и механизмов функционирования прецедентных

феноменов. Д.Б. Гудков и В.В. Красных рассматривали особенности употребления прецедентов в речи и способы хранения концептов прецедентов в языковом сознании. Масштабность исследований и авторитет ученых сделали тему прецедентных феноменов необычайно популярной, что породило появление огромного количества работ на эту тему, отличительной особенностью которых является то, что авторы рассматривают прецедентные феномены в их функционировании в разных типах дискурса. В частности, были подвергнуты исследованию политический (О.А. Ворожцова, А.Б. Зайцева), молодежный (Л.Ю. Федорова), художественный (Е.Ю. Попова, С.В. Банникова), публицистический (Л.Э. Рогозина, Е.И. Карташевой), мультипликационный (М.И. Косарев), фольклорный (К.А. Богданов), юмористический (Ю.В. Щурина, А.А. Проскурина), кинематографический (Е.В. Скворцова) и другие виды дискурса. В результате многочисленных исследований, проводимых в рамках дискурсивно-когнитивного подхода, первоначальное определение, данное Ю.Н. Карауловым, много раз дополнялось. Приведем определение Н.В. Смыкуновой, которое, на наш взгляд, наиболее полно отражает основные тенденции данного подхода: «Прецедентные феномены – это единицы дискурса, регулярно возобновляемые в речи, известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества, имеющие общий минимизированный коннотативно окрашенный инвариант восприятия, обращение к которому понятно без дополнительной расшифровки» [10]. Данное определение старается снять сразу несколько вызывающих полемику вопросов.

Во-первых, подчеркивается широкая известность прецедентных феноменов среди представителей определенного лингвокультурного сообщества (прецеденты, известные узкому кругу людей, в расчет не принимаются). Во-вторых, обязательным критерием является наличие определенного инварианта восприятия, закрепленного в коллективном языковом сознании определенного сообщества людей. В-третьих, процесс декодирования прецедентных феноменов не должен вызывать затруднений у носителей языка, соответственно, это позволяет предположить, что для создателей данного определения не только широкая известность прецедентных феноменов является обязательным условием, но также и клишированность их употребления. И наконец, употребление прецедентных феноменов должно обладать константным характером. Таким образом,

большинство из вышеперечисленных авторов выделяют следующие основные признаки прецедентных феноменов: 1) инвариантность; 2) воспроизводимость; 3) клишированность. К перечисленным признакам представляется возможным добавить еще два: эталонность и аксиологическая маркированность. Об эталонности прецедентных феноменов впервые упоминает И.В. Захаренко. Ученый отмечает, что успех функционирования прецедентов в речи зависит от их способности выступать неким эталоном, «меркой» для определенного явления действительности; носители языка могут прибегать к коллективной памяти, находя там определенные тексты, имена, ситуации, схожие с явлениями настоящей действительности и, следовательно, способные их описывать [6, с. 107]. Таким образом, в самом широком смысле прецедент есть шаблон, который используют носители языка для описания ситуаций действительности. Данная идея тесным образом связана с понятием стереотипности языкового поведения, тенденции людей не придумывать что-либо новое, но использовать уже готовые обороты и клише.

О наличии у прецедентов ценностной составляющей написано большое количество работ (Г.Г. Слышкин, Л.Ю. Федорова, Е.А. Нахимова, Л.И. Гришаева, Е.Н. Горбунова и др.), основной тезис многих заключается в том, что ценностная составляющая обуславливает акрепленность (пусть даже на короткий срок) прецедентов в дискурсе носителей языка и стимулирует их употребление в речи. Однако ценностный аспект «оказывается величиной относительной», так как со временем состав прецедентов меняется. С нашей точки зрения, ценностная составляющая прецедентов имеет двойственную природу. С одной стороны, прецеденты могут играть роль неких «культурных скреп», сцепляющих отдельные культурные пласты и исторические эпохи в единую систему (см. работы Л.И. Гришаевой и Е.В. Скворцовой). С другой стороны, прецеденты есть лишь отражение ценностных представлений об окружающей действительности, общественных и личностных взаимоотношениях, нравственных приоритетах, характерных для определенного социально-исторического этапа и специфичных для определенного лингвокультурного сообщества [11]. Данная особенность прецедентных феноменов отражать различные ценности, присущие определенному лингвокультурному сообществу на определенном этапе его развития, позволяет сделать вывод о том, что прецедентные феномены являются, в первую очередь, единицами дискурса языковой личности, а не единицами языковой системы в

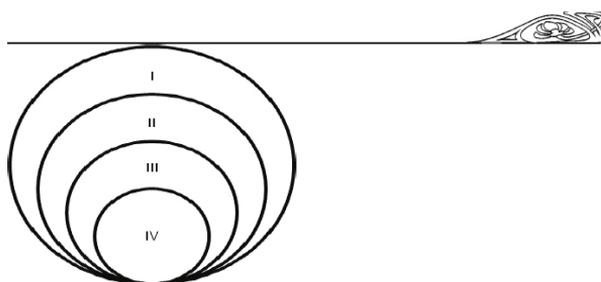
целом. При этом прецеденты обладают достаточно неустойчивой семантикой: прецедент «не имеет устойчивого, закрепленного за ним переносного значения, что позволяет варьироваться его актуальному смыслу в довольно широком диапазоне» [12]. Поэтому довольно трудно говорить о каком-то одном основном значении прецедентного феномена. Как показывает практика, один и тот же прецедентный феномен может обозначать различные понятия в зависимости от контекста употребления. Например, прецедентное имя в разных контекстах может актуализировать как внутренние качества «прецедентной личности», так и ее внешние атрибуты/признаки. Оно также может отражать некоторые факты, связанные с прецедентным текстом или с прецедентной ситуацией, в которых фигурировала «прецедентная личность». Поэтому можно заключить, что «прецедентные феномены проявляются в употреблении; вне контекста коммуникации говорить о проявлении их прецедентных свойств (метафоричности, регулярной воспроизводимости) не приходится» [12, с. 75]. В связи с этим представляется весьма правомерным предположение, высказанное С.Н. Долевцом, который считает, что концепты прецедентных феноменов имеют инвариативную и вариативную части. Под инвариативной составляющей подразумевается наличие неких дифференциальных признаков прецедентного феномена, которые известны достаточно широкой аудитории и обязательно присутствуют в структуре индивидуального концепта прецедентного феномена каждой языковой личности. Вариативная составляющая носит индивидуальный характер и зависит от особенностей апперцепции языковой личности (под апперцепцией понимают влияние предыдущего опыта на восприятие новой информации [13]). Таким образом, структура концепта прецедентного феномена подразумевает наличие определенного ядра (инвариант) и периферии (вариативная, индивидуальная составляющая). Рассмотрим два примера, в которых один и тот же прецедентный феномен будет использован в разных значениях.

(1) Страстный мачо, любимец женщин, этакий д'Артаньян.

(2) Позиция «Я – д'Артаньян, а все кругом... нехорошие люди» уж точно выдает в руководителе этакого эйфорического мизантропа и может служить только отрицательной характеристикой.

Прецедентное имя «д'Артаньян» в примере 1 и в примере 2 используется в атрибутивной функции. В примере 1 прецедентное имя характеризует мужчину как искателя любовных побед, в то время

как пример 2 актуализирует причастность человека к избранному кругу. Использование прецедентного имени «д'Артаньян» в примере 2 является более традиционным и отражает некоторые инвариативные признаки данного прецедентного феномена. В примере 1 употребление прецедентного имени построено на основе индивидуального восприятия литературного героя произведений А. Дюма. Итак, прецедентные феномены занимают определенное место в структуре языковой личности, реализуются в ее дискурсе и отражают особенности не только индивидуальной, но и коллективной картин мира. В связи с этим правомерным представляется тезис о том, что источником прецедентных феноменов могут выступать события и факты, отражающие жизнь определенной языковой личности, а также определенного лингвокультурного сообщества. Следовательно, такое свойство прецедентных феноменов, как известность, может быть использовано для построения иерархии прецедентных феноменов в сознании языковой личности. Идея построения подобной иерархии принадлежит С. Н. Долеву. Несколько модифицируя его теорию, представим данную иерархию в виде следующей схемы (Рисунок 1).

Иерархия прецедентных феноменов:
I – ПФ, хорошо известные в данном ЛКС,
II – ПФ, известные большой социальной группе, III – ПФ, известные малой социальной группе, IV – Индивидуальные ПФ.
Сокращения: ПФ – прецедентные феномены,
ЛКС – лингвокультурное сообщество

Рисунок 1 – Схема иерархии прецедентных феноменов

Согласно нашей иерархии, внешний, первый, круг составляют прецедентные феномены, хорошо известные в определенном лингвокультурном сообществе. Такие прецедентные феномены известны практически любому представителю, именно их Ю. Н. Караулов характеризовал как «хрестоматийные». Стоит отметить, что данные прецедентные феномены должны быть известны не только современникам языковой личности, но и ее предшественникам. На периферии этого круга находятся прецедентные феномены, характерные для определенной исторической эпохи. Вытеснение же данных прецедентных феноменов с периферии первого круга во второй происходит со сменой поколений. Например, такое прецедентное имя, как Пушкин, не скоро перейдет из первого круга во второй в связи со значимостью вклада А. С. Пушкина в развитие русского культурного сообщества, и вот такое прецедентное имя, как Чубайс, обращение к которому в 90-е гг. XX столетия было довольно частым (включая не только дискурс СМИ, но и бытовой дискурс, что находило свое отражение в многочисленных анекдотах и поговорках), сейчас практически не употребляется, а если и будет употреблено в качестве прецедентного имени, то останется понятным только социальной группе определенного возраста. Второй круг составляют прецедентные феномены, известные большой социальной группе. Критериями для выделения данных больших социальных групп могут выступать гендер, возраст, социальный статус, профессия, религиозные предпочтения и др. Третий круг составляют прецедентные феномены малых социальных групп, таких как семья, рабочий коллектив, компания друзей и др. Четвертый круг составляют индивидуальные прецедентные феномены, отражающие языковое сознание отдельной языковой личности, ее кругозор и интересы.

Важно отметить, что, по нашему мнению, перемещение прецедентных феноменов может наблюдаться как из внутреннего круга во внешние, так и наоборот. Обратное движение характерно для прецедентных феноменов, теряющих свой «прецедентный» характер. Потеря прецедентным феноменом такого своего свойства, как известность, обуславливает утрату основного признака: отсылка на известный текст или ситуацию. Если никто не помнит источника прецедентного феномена или даже не знаком с ним понаслышке, то такой прецедентный феномен просто перестает быть прецедентным, так как отсылка на первоисточник перестает быть возможной. Представляется верным предположить, что возникновение

прецедентных феноменов происходит на индивидуальном уровне (например, в случае создания текстов, которые в последующем могут приобрести статус прецедентных) или же на уровне малых групп (в случае разнообразных исторических событий и ситуаций). Получая широкую известность, данные прецедентные феномены имеют возможность закрепиться в сознании большой группы людей и приобрести статус национальных, культурных или цивилизационных (в зависимости от широты распространения). На устойчивость закрепления прецедентных феноменов будут влиять многие факторы. Однако, вероятно, самую главную роль в процессе закрепления прецедентных феноменов будет играть их ценностная составляющая. Если прецедентный феномен отражает какое-либо явление или факт действительности, являющийся актуальным и особенно ценным для данного лингвокультурного сообщества, то он сможет надолго закрепиться в коллективной памяти носителей языка. Отметим, что в различные исторические эпохи условия формирования прецедентных феноменов были разными. Интенсивность процесса накопления и закрепления прецедентных феноменов, на наш взгляд, напрямую связана с процессом обмена информацией между людьми. Можно предположить, что объем прецедентных феноменов значительно возрос после изобретения книгопечатания и распространения книг разных авторов. Появление газет, а затем и телевидения ускорило процесс обновления когнитивных баз прецедентных феноменов и расширило сферы их источников. На данный момент процесс возникновения и отмирания прецедентных феноменов (а также их объем и варьирование) значительно ускорился за счет появления Интернета и общения людей в социальных сетях. Молодая часть сообщества, которая наиболее активно использует возможности социальных сетей, черпает источники прецедентных феноменов из виртуальной реальности. На Западе большую популярность в последнее время приобрели такие платформы, как Facebook и Youtube, в первую очередь, из-за того, что они позволяют узнавать и распространять информацию со скоростью одного «клика». Появление таких понятий, как «viral video» или «viral song» (под которыми подразумевается молниеносное и широкое распространение разнообразных сюжетов: от видеоклипа до песни), отражает тенденции современного языкового общения. На современном этапе развития человеческого общества источником прецедентных феноменов может стать любой человек. Высказывания, ситуации, имена, ставшие прецедентными в сети Интернет, нередко

переносятся из виртуального в сферу реального общения. Основываясь на опыте Е.А. Нахимовой и В.Л. Латышевой, к основным признакам прецедентных феноменов относим: 1) отсылочность – способность прецедентных феноменов осуществлять отсылку на первоисточник (отметим, что степень осведомленности о первоисточнике в каждом конкретном контексте общения может варьироваться); 2) наличие ценностной составляющей прецедентный феномен должен выражать определенную (положительную или негативную) ценность, что может проявляться в коннотативной окрашенности языковой единицы, объективизирующей концепт прецедентного феномена; 3) эталонность – способность прецедентных феноменов выступать неким эталоном/шаблоном для факта или явления действительности; 4) семиотический способ существования – возможность прецедентных феноменов выступать в качестве целостной единицы обозначения. Соответственно, к дополнительным при-знакам/свойствам прецедентных феноменов (которые не всегда могут проявляться в контексте), на наш взгляд, относятся: 1) широкая распространенность и общеизвестность; 2) клишированность; 3) возобновляемость и повторяемость; 4) метафоричность; 5) имплицитность значения; 6) реинтерпретируемость; 7) хромотопическая маркированность; 8) способность выражать определенные отношения между двумя различными текстами; 9) включенность в систему ценностей определенной группы; 10) способность репрезентировать культурный артефакт. Данные свойства прецедентных феноменов, по нашему мнению, относятся к дополнительным, следовательно, они могут проявляться только в определенных контекстах и свойственны не всем прецедентным феноменам, в то время как перечисленные выше основные признаки – это именно то, что отличает прецедентные феномены от других языковых явлений и единиц.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Рогачева Е. О термине дискурс и его трактовках разными научными школами. – Тюмень: Тюменский государственный университет, 2009.
- [2] Темнова Е.В. Современные подходы к изучению дискурса: Сборник статей. – М., 2004. – С. 24-25.
- [3] Шевченко А.Ю. Дискурсивный анализ материалов массовой коммуникации // Вестник Российской коммуникативной ассоциации. – 2002. – Вып. 1. - С. 185-192.
- [4] Красных В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Сборник статей «Язык, сознание, коммуникация». – М., 1997. – С. 8–9.
- [5] Караулов Ю. Русский язык и языковая личность. – М., 2010. – С. 215–217.
- [6] Захаренко И., Красных В., Гудков Д., Багаева Д. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов. – М., 2012. - С. 82.

[7] Захаренко И. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Сборник статей «Язык, сознание, коммуникация». – М., 1997. – С. 107.

[8] Прохоров Ю. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М., 2008. – С. 155.

[9] Слышкин Г. Лингвокультурные концепты прецедентных феноменов в сознании и дискурсе. – М., 2000. – С. 29.

[10] Смыкунова Н. Прецедентные феномены в речевом общении русской языковой личности и процессе обучения русскому языку как иностранному. – М., 2003. – С. 52.

[11] Федорова Л. Прецедентные феномены культуры в сознании современной студенческой молодежи: опыт социокультурного анализа. – Ростов н/Д, 2008. – С. 25.

[12] Макаров В. Субстантивные фразеологизмы и прецедентные имена // Вестник Новгород. гос. ун-та. - 2009.- № 51. – С. 76.

[13] Мокшанцев Р. Психология рекламы : учеб. пособие. – Новосибирск, 2001. – С. 27–29.

REFERENCES

[1] Rogacheva E. O termine diskurs I ego traktovke raznimy nauchnymy sholamy. Tumenskii Gosudarstvenny Universitet, 2009 [in Russ.].

[2] Temnova E.V. sovremennye podhody k izucheniu diskursa. Sbornyk statey. M., 2004, 24-25 s. [in Russ.].

[3] Shevchenko A.Yu. Diskursivny analys materialov massovoi kommunikatsii. Vestnik Rossiiskoy kommunikativnoi assosiasii, 2002, Vyp.1, 185-192 s. [in Russ.].

[4] V. Systema presedentnyh fenomenov v kontekste sovremennyh issledovaniy. Sbornyk ststey “Iazyk, soznanye, kommunikasia“. M.,1997, 8-9 s. [in Russ.].

[5] Karaulov Yu. Russkyy yazyk y yazykovaia lichnost. M.,2010, 215-217 s. [in Russ.].

[6] Zacharenko Y., Krasnyh V., Gudkov D., Bagaeva D. Presedentnoe imia i presedentnoe viskazivania kak symbol presedentnyh fenomenov. M., 2012, 82 s. [in Russ.].

[7] Zaharenkko Y. K voprosu o kanone y etalone v sphere presedentnyh fenomenov. Sbornyk statey “Iazyk, soznanie, kommunikasia“. M., 1997, 107 s. [in Russ.].

[8] Prohorov Yu. Nasionalnye-sosiokulturnye stereotypy rechevogo obshenia i ich rol v obuchenii russkomu iazyku inostransev. M., 2008, 155 s. [in Russ.].

[9] Slyshkyn G. Lingvokulturnye konsepty presedentnyh fenomenov v soznanyy y diskurse. M., 2000, 29 s. [in Russ.].

[10] Smykunova N. Presedentnye phenomeny v rechevom obshenyy russkoi iazykovoi lichnosty y prosesse obuchenia russkomu iazyku kak inostrannomu. M., 2003, 52 s. [in Russ.].

[11] Phedorova L. Presedentnye phenomeny kultury v soznanyy sovremennoi studencheskoi molodezhy: opyt sosiokulturnogo analiza. Rostov, 2008, 25 s. [in Russ.].

[12] Makarov V. Substantivnie frazeologizmy y presedentnye imena. Vestyk Novgorod.gos.universiteta, 2009, 76 s. [in Russ.].

[13] Mokshansev R. Psihologya reklamy: ucheb.posobie. Novosibirsk, 2001, 27-29 s. [in Russ.].

ДИСКУРС ТАЛДАУ ЖӘНЕ ПРЕЦЕДЕНТТІ ФЕНОМЕНДЕР

Қасенбасва М.А.,

шетел филологиясы факультетінің 2-курс магистранты

Абылай хан атындағы ҚазХҚЖӨТУ,

Алматы, Қазақстан

m.kassenbayeva@bk.ru

Тірек сөздер: дискурс, дискурс талдау, медиадискурс, прецедентті феномендер, прецедентті феномендер теориясы, прецедентті феномендер белгісі.

Андатпа. Аталған мақалада прецедентті феномендердің тізбектелуі, олардың қазіргі таңда алатын орны және дискурс талдауы арасындағы байланысы қарастырылады. Сонымен қатар мақалада прецедентті феномендерге толық анықтама беріледі, әрі оның белгілері арқылы жіктелуі көрсетіледі.

**2 – Бөлім.
АУДАРМАНЫҢ ҚАҒИДА МЕН
ТӘЖІРИБЕДЕГІ ЗЕРТТЕУЛЕР**

**Раздел 2.
ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ТЕОРИИ И
ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА**

**QUOTATIONS FROM THE KORAN AND THE HADITH AS A BENCHMARK IN
INTELLIGENT NORMATIVE ACADEMIC DICTIONARY MODERN ARABIC
ON THE BASIS OF «BIG DICTIONARY»
OF CAIRO ACADEMY OF ARABIC LANGUAGE**

Almukhametov A.R.,

Candidate of Philosophy, associate professor, head of the education department of the
Egyptian University of Islamic Culture “Nur–Mubarak”, Almaty, Kazakhstan,
alirauf210@mail.ru

Shayahmetov O.M.,

PhD doctoral student of the Egyptian University of Islamic Culture “Nur–Mubarak”,
Amaty, Kazakhstan,
olzhasnm@mail.ru

Keywords: quote, lexicography, the koranicayat, hadith, an illustrative example.

Abstract. The article raises the question of normativity in modern dictionaries of the Arabic language, considered the concept of “modern literary language.” For the first time on the actual examples of the material “Big dictionary” of the Cairo Academy of Arabic language addresses the objectives and functions of koranic quotes and passages from the prophetic tradition, applicable in modern dictionaries of the Arabic language, addressed controversial issues of the methods and criteria for the selection of quotations of a religious nature and the empirical interest in the interpretation of lexical units.

УДК 81.25

ЦИТАТЫ ИЗ КОРАНА И ХАДИСОВ НА МАТЕРИАЛЕ «БОЛЬШОГО СЛОВАРЯ» КАИРСКОЙ АКАДЕМИИ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Альмухаметов А.Р.,

к. филос. н, доцент, зав.учебным отделом Египетского университета исламской культуры «Нур-Мубарак», Алматы Казахстан
alirauf210@mail.ru

Шаяхметов О.М.,

PhD докторант Египетского университета исламской культуры «Нур-Мубарак», Алматы, Казахстан
olzhasnm@mail.ru

Ключевые слова: цитата, лексикография, коранический аят, хадис, иллюстративный пример.

Аннотация. Статья поднимает вопросы нормативности в современных толковых словарях арабского языка, рассматривается сама концепция «современного литературного языка». Впервые на фактических примерах по материалу «Большого словаря» Каирской академии рассматриваются цели и функции коранических цитат и отрывков из пророческих преданий, применимых в современных словарях арабского языка, затрагиваются дискуссионные вопросы о методах и критериях отбора цитат религиозного характера и их эмпирическая доля в семантизации лексических единиц.

Арабским именем «جمع علمي», производным от глагола «جمع أ» (разъяснять) именуется книги, собравшие большой объем лексики, упорядоченной в определенном порядке в зависимости от их назначения. Искусство составления словарей берет начало от древнейших цивилизаций, когда впервые были положены основы сбора и толкования лексики. Найденные вавилонские, ассирийские, греческие, римские, китайские, индийские древние (архаические) лексикографические труды дают понять, что данное ремесло не являлось практикой одной конкретной нации, а имело место в цивилизациях, каждый раз, когда реализация данного рода языковедческой деятельности требовалось для дальнейшего культурного развития нации или же возникали трудности в межкультурных коммуникациях.

Арабская лексикография своего раннего периода относится к началу мусульманской эры, а именно к I в. хиджры (VII в. н.э.), когда впервые появились труды по разъяснению лексики священных текстов. В трудах, посвященных арабской лексикографии советского периода, зачастую бытует ничем не подтвержденное мнение о том, что идея сбора и разъяснения лексики была заимствована арабами и перенята у греков [1, с. 164]. Подобное предположение, как правило,

отвергается арабскими авторами, доводы которых не беспочвенны. Арабский восток, территория современного Ирака, Сирии, Палестины, Египта – родины древнейших цивилизаций по праву может называться «колыбелью лексикографии». Древнейшими памятниками (25 в. до н.э.), с содержанием надписей сложных слов и разъяснений к ним, распределенных в тематическом порядке, являются шумерские надписи, найденные на территории современного Ирака. Позже появились надписи, содержащие эквиваленты написанных слов на аккадском языке. Территория современной Сирии и Палестины являлись местом зарождения и развития первого алфавита, послужившего основой буквенных систем других языков таких, как греческий и латинский. Известно, что названия букв греческого алфавита «Альфа», «Бета», «Гамма» имеют арабское происхождение «فيلأا» (ручное животное), «تيلأا» (жилище), «لمجالأا» (верблюд).

Что касается арабской лексикографии как таковой, то с учетом кочевого образа жизни большинства арабов на момент появления первых лексикографических трудов, когда устная речь доминировала над письменной, вероятность заимствования идеи сбора и толкования лексики у других народов, не говоря уже о перенимании опыта составления словарей представляется маловероятным. Причем малоизвестен тот факт, что первым лексикографическим трудом на арабском языке являлся трактат Нафи'а ибн аль-Азрака под названием «نأرقلا يف قرزالأا نب عفان لئاسم» (вопросы Нафи'а ибн аль-Азрака в Коране), интерес к которому прежде всего вызывает его давность. Автор данного труда ушел из жизни в 65 г.х. или в 684 году грегорианского летоисчисления еще за век до появления знаменитого лексикографического труда Халила ибн Ахмада «نئاعلا». Существует предположение, что трактат на самом деле принадлежит знаменитому сподвижнику пророка Абдуллаху ибн Аббасу, а что касается Нафи'а ибн аль-Азрака, то он являлся лишь передатчиком, что делает этот труд еще более уникальным. Трактат был издан в Дамаске в 1993 году с комментариями доктора Мухаммада Ахмада ад-Дали, но уже под названием «سابع نب لئالأا دبع نع قرزالأا نب عفان لئاسم» (вопросы Нафи'а ибн аль-Азрака в Коране, переданные от Абдуллаха ибн Аббаса). Затем, как известно, последовали труды, направленные на разъяснение и упрощение смысла малоупотребимой в повседневной жизни коранической лексики «نأرقلا بئرغ», более ранними из которых являются «نأرقلا بئرغ» Абу Са'ида Абана ибн Таглиба, известного под прозвищем аль-Джарири (ум.в 141 г.х. / 758 г.), а также «رئسفت»

«نأرقلا بديرغ» Абу Абдуллаха Малика ибн Анаса ибн Малика (ум. в 179 г.х. / 795 г.) и другие.

Во второй половине второго столетия хиджры с появлением уникального труда Халила ибн Ахмада аль-Фарахида (ум.в 170 г.х. / 786 г.) под названием «نبي علم باتك» берет начало эпоха классических словарей арабского языка. С того момента и до наших дней арабская библиотека насчитывает огромный список лексикографических трудов различного назначения, для знакомства с которыми можно прибегнуть к современным исследованиям, посвященным хронологическому анализу эволюции арабских лексикографических школ.

Словари занимают особое место в истории человеческой культуры, описывая, нормализуя и накапливая словарный состав языка, отражая тем самым уровень культурного развития какого-либо народа на момент их составления. По мере развития национальных литературных языков составлением большинства толковых словарей на сегодняшний день занимаются научные общества и государственные академии в отличие от раннего периода лексикографии, когда словари составлялись отдельными авторами. Как правило, цель создания языковых академий во многих странах сводилась к сохранности и нормализации национального языка. Каирская Академия арабского языка, являясь государственным учреждением и представляющим интересы и языковую политику не только Арабской Республики Египет, но всего арабского мира, с момента своего основания в 1932 году заинтересована в подготовке и издании словарей, направленных на различные круги носителей языка. К числу изданных академией словарей относятся:

– общие толковые словари: «زي جولاً م جمع م» (краткий словарь) отличается краткостью подачи лексического материала и лаконичностью словарных статей, «طي سولاً م جمع م» (средний словарь) рассчитанный на широкий круг пользователей данный труд по причине широкой популярности в арабском мире был неоднократно переиздан совершенствовался и пополнялся новой лексикой;

– словари специальной лексики: «ميركلأ نأرقلا ظافلأ م جمع م» (словарь коранической лексики), «اي چولوي چلأ م جمع م» (словарь геологии), «تاي نورتكلكلإل او ةي وونلأ اقي زي فلأ م جمع م» (словарь атомной физики и электроники), «ةثي دلحلا اقي زي فلأ» (словарь новой физики) 2 тома, «تابساحلأ م جمع م» (словарь терминов по информатике), «م جمع م ةي بطلأ تاحل طصملا» (словарь медицинских терминов) 3 тома, «ةل ديصلأ او ةاي ميركلأ» (словарь терминов по химии и фармацевтике) 2

тома, «ةعارزل او ءايحال مولع يف ايچولوي بل مجع» (словарь терминов по биологии и агрономии) 2 тома, «طفنل مجع» (словарь нефтяных терминов), «تايضاي رل مجع», (словарь терминов по математике) 3 тома, «يفس ل فل مجع ل» (географический словарь), «اي فارغ ل مجع ل» (философский словарь), «نون فل او قراض ل ظافل مجع» (словарь искусства и цивилизации), «سفنل ملع مجع» (терминологический словарь по психологии), «ةيكين الكيم ل اقس دن ل مجع» (терминологический словарь по инженерии и механике), «ايچول و ردي ل مجع» (словарь гидрологии), «نون اقل مجع» (словарь юридических терминов), «مجع» «ةيضا ي رل ءي برتل مجع» (словарь музыкальных терминов), «اق ي سوم ل» (словарь физической культуры), «يوبنل ل ثي دحل حل طصم مجع» (терминологический словарь хадисоведения), «هقفل لوصأ مجع» (словарь терминов по основам фикха).

Тем не менее, крупнейшим проектом, осуществляемым Каирской академией арабского языка с момента приостановки работ по составлению «Исторического словаря» А. Фишера является реализуемый с 1946 года многолетний проект «Большого толкового словаря арабского языка» «ري ب ك ل مجع ل». Одной из целей академии было создание словаря, в котором максимально был бы освещен лексический материал разных эпох развития арабского языка, разъяснялся смысл устаревшей, но не утерявшей актуальности лексики литературного и религиозного наследия, а также отвечал бы требованиям к современным толковым словарям. Данный словарь удостоился наибольшего внимания, нежели любой другой словарь арабского языка и претендует на звание современного толкового словаря академического типа, структура которого отражает новейший подход в отборе, аранжировке и подачи лексики, применимый сегодня в арабской лексикографии. По утверждению составителей, словарь содержит не только основной современный лексический состав, но также отражает все периоды развития литературного языка. Авторы выставляют словарь в качестве представителя совершенно нового этапа в истории формирования арабской лексикографии. В предисловии к первому тому словаря имеется важное указание на позицию составителей, заявляющих, что «арабский язык имеет бессмертное прошлое, активное настоящее и перспективное будущее, посему не справедливо отдавать предпочтение одним временным отрезкам оставив без внимания другие. В современном словаре должны отражаться все эпохи развития языка, в равной степени цитироваться тексты как раннего периода, так и нынешнего времени» [2].

Понятие «современный арабский язык» довольно часто используется авторами нынешних лексикографических и лексикологических трудов, таких как «*قائمة لغات عربية*» «Помощник по современному арабскому языку», «*قائمة لغات عربية*» «Словарь современного арабского языка», «*قائمة لغات عربية*» «Словарь идиоматических выражений в современном арабском», «*قائمة لغات عربية*» «Ошибки в современном арабском языке, допускаемые писателями и журналистами» и многие другие. Согласно ряду арабских лингвистов, под «современным арабским» сегодня принято понимать общий для всех регионов арабского мира и за его пределами язык, являющийся средством официальной коммуникации, языком образования, писателей и прессы. Вместе с тем понятие «современный арабский» не редко используется в сочетании со словом «*لغة*», как «*لغة عربية*», «*لغة عربية*», «*لغة عربية*», который, как известно, ранними языковедами применялся исключительно по отношению к нормативной лексике периода красноречия. Сторонники единого корпуса, отстаивают позицию неделимости, где классическая и современная лексика формируют так называемый единый общий язык «*لغة عربية*», актуального для всех регионов арабского мира. Более того корпусный подход, как метод лингвистического исследования, все больше применяется на базе корпусов текстов западных источников. Текстовые массивы на английском, немецком и французском языках, отражающие реальное функционирование в интеллигентных кругах, сегодня в арабской среде все чаще рассматривается как неотъемлемое требование, учитываемое при разработке словаря академических и учебных словарей. Согласно «Словарю современного арабского языка», составленного под руководством Субхи Хамауи, корпус современного арабского языка включает: 1) всю лексику и выражения прямого и метафорического значения, которая могла бы послужить эквивалентом для лексики, использованных во французских и английских словарях, т.к. их корпус содержит всю необходимую для изъяснения своих чувств и мыслей лексику, применяемой представителями современной западной интеллигенции; 2) все слова и выражения, находящиеся сегодня в реальном применении и не имеющие эквивалентов в английском и французском языках [3]. Подобная новаторская тенденция в современных арабских лексикографических справочниках появилась сравнительно недавно и является ничем иным как дополнением к

устоявшейся консервативной классической тенденции нормативности, которая в свою очередь базируется на проверенных авторитетных письменных памятниках, в авангарде которых выступает лексический корпус Священного Корана.

«Жемчужина речи арабов» – так охарактеризовал кораническую лексику один из выдающихся ученых арабского языкознания ар-Рагиб аль-Асфхани. Согласно консенсусу среди арабских ученых, Коран – это не только величайший литературный памятник, не имеющий аналогов по стилю и содержанию, но и один из первостепенных языковых ресурсов, на базе которых, осуществлялось объяснение всех языковых закономерностей, а также оценка литературности и степени красноречивости того или иного текста. Коранический текст был удостоен внимания, какого не удостоивался ни один письменный источник. Каждое кораническое слово, буква, вплоть до огласовок тщательно сверялась знатоками Корана, поименно известны лица, передававшие Коран, составляющие неразрывную цепь передатчиков, доходящую до наших дней. Строгие требования точной передачи Корана и его заучивание наизусть обусловило формирование литературного арабского языка в первую очередь как языка Корана. Поэтому цитирование коранических текстов являлось обязательным условием общих арабских словарей всех периодов. Более того, не было ученого грамматиста, чьи труды не содержали бы коранические цитаты, применявшихся для подтверждения того или иного грамматического явления. А. Омар в словаре коранической лексики «*تاء ارقلا مجع م*» отмечает, что не существовало ни одного лингвиста, выступившего с критикой по отношению к степени красноречивости коранических текстов или выявившем в них стилистические недостатки [4, с. 13]. Неподражаемость коранического стиля, устоявшиеся правила системы размеров и долготы слогов, схемы рифмовки и другие стилевые особенности, продиктованные строгим классическим стилем арабской риторики, отражающиеся в мудрых и глубоких поэтических и прозаических изречениях, глубоко ценятся лексикографами, включающими красноречивые фрагменты в иллюстративную зону своих словарей. Лексика и стиль Корана присутствует во всех ключевых этапах жизни мусульманина, на обязательных пятничных проповедях, ежедневных молитвах, в ритуалах брака и развода, при рождении и на похоронах, кораническим духом пропитан весь фольклор исламского периода, эпические произведения, мудрые высказывания.

Другим источником корпуса современного арабского языка, а также неотъемлемым компонентом иллюстративной зоны большинства арабских словарей выступают пророческие предания. Хадисы являются важнейшим каноническим источником, на котором строится большая часть религиозно-правового института ислама. В отличие от коранических текстов отнюдь не все пророческие предания могут выступать в качестве аргументирующей цитаты. Согласно ас-Суэти, среди ученых лингвистов раннего периода, не допускавших цитирования хадисов в качестве языкового довода, выступали виднейшие представители арабского языка, как аль-Халил Ибн Ахмад, Сибавейхи, аль-Кисай, а также все ученые грамматики Багдада и Андалусии [5, с. 40]. Аль-Багдади в трактате под названием «فن ازخ» «بداال» приводит высказывание Абу Хайана, который абсолютизирует, утверждая, что все первые и последующие знатоки арабского придерживались мнения о недопустимости использования хадисов в качестве языкового довода [6, с. 33].

В отличие от коранических текстов, передававшихся дословно и побуквенно, в передачи хадисов, допускается отклонение от дословной формы предания, с акцентированием внимания на смысл передаваемого. Согласно утверждению А.Фишера, причиной воздержания ранних лингвистов от цитирования хадисов было то, что большинство передававших их не были арабами, а если и были, то относились к поздним поколениям «نودل وول ا», которые допускали ошибки и были менее красноречивы, нежели их предшественники. Между тем, другие средневековые арабские лингвисты придерживались мнения о дозволенности использования хадисов в качестве языкового аргумента. В частности, такие ученые, как Ибн Манзур, Ибн Харуф, Ибн Малик считали, что не мало хадисов, передававшихся от пророка, имели статус «يس دقل ا», т.е. хадисы, смысл которых исходил от самого Бога, в силу чего подобного рода предания передавались с особой бдительностью [7]. Степень достоверности передававшихся хадисов была тщательно изучена и отражена в классифицирующих трудах ученых-хадисоведов. На основании сборников достоверных хадисов «ас-сахих» лексикографы без труда могли отличить дословное предание от неточных сообщений. Поэтому даже самые ранние словари, как «ني ع» аль-Халиля Ибн Ахмада и более поздние, как «قرم جل ا» Ибн Дурейда, «بي ذهتل ا» аль-Азхари, «حاح صل ا» аль-Джаухари, «مك حم ل ا» Ибн Сиды, «في اهل ل ا» Ибн аль-Асира, «برعل ا ناس ل» Ибн Манзура содержат объемный цитатный материал, заимствованный

из хадисов. Анализируя типологию цитат, выступающих в роли языковых аргументов, М. Хусейн отмечал, что хадисы, содержание которых указывает на неподражаемую красноречивость пророка или содержат лексику, употребляемую в религиозных обрядах, особенно отличаются точностью передачи и соответственно могут цитироваться в лингвистических трудах в качестве аргумента [8, с. 177].

Как правило, религиозные тексты в словарях выполняли ряд функций, которые определяли уникальность арабской лексикографической традиции. Помимо лингвистической и контекстуальной функций, цитаты из Корана и хадисов выполняли стилистическую, идеологическую и познавательную роль. На примере «БС» множество словарных статей содержат иллюстративные примеры, чьи задачи выходят далеко за пределы сематизации вводного слова и снабжены также культурными, историческими и другими атрибутами. Всем кораническим отрывкам предшествуют вступительные фразы «قال لاق» «сказал Всевышний», «نأرقلا يفو» «в Священном Коране», «لليزن تالا يفو» «в ниспосланном слове». Подобного рода вступительные фразы указывают на особый статус цитаты, которые в словаре помещаются в традиционные узорные скобки () (тем самым обращая внимание пользователя на ее божественное содержание и напоминая, что литературный язык – это, прежде всего, язык первостепенных идеологических источников, а его искажение от литературных норм чревато отдалением от понимания, ниспосланного самим Аллахом. При анализе цитат 1–го тома БС выявлено, что составители словаря не придерживались единой формы для предцитатных выражений, предлагая несколько вариантов вступлений, а именно:

1. «ميركلا نأرقلا يفو» наиболее распространенная в БСАЯ вступительная фраза для коранических цитат, в 1–ом томе встречается 274 раза. Вступление дает понять, что следующий далее текст есть отрывок священного писания. Примечательно то, что наиболее распространенной вступительной фразой для подобного рода цитат в другом словаре Каирской академии является «زي زعلا لليزن تالا يفو», указывающее на величие цитируемого отрывка, текст в котором ниспослан Богом.

2. Следующая предцитатная фраза «لوق» «Его слова», встречается реже вышеупомянутой и выражается в нескольких формах, близких по значению. Смысл фразы означает «слова Аллаха», изреченные им в Коране и указывает на то, что данный семантический оттенок или

مُهْ اَمْوٍ (:ىل اع ت هل وق مهض عب رسف هبو ،ين ذاب اذه ل ع ف ،ل ا ق ي ،م ل ع ل :ن ذال)
(هلل ا ن ذاب ال ا د ح ا ثم يب ن ي ر ا ض ب)

ن ذال او : слово «ن ذال», общепринятое значение которого согласно словарю: «разрешение», «позволение», в контексте приведенного коранического аята, по мнению некоторых комментаторов, использовано в значении «знание», «осведомленность».

Помимо вышеупомянутых дополнений к фразе «هلوق», также можно встретить в сочетании с частицей «وحن» «подобно» (4 раза): «ىل اع ت هل وق وحن», т.е. подобно тому, как это значение пришло в «словах Всевышнего».

3. «هيفو» в первом томе словаря используется всего дважды в одной словарной статье в описании отличий между формами множественного числа «ناوخا» и «فوخا» для вводной единицы «خا», где «ناوخا» «братья» имеет образный смысл и в большей степени применяется к друзьям, а «فوخا» к лицам связанных родственными узами. В данной статье после коранической цитаты со вступлением «ميركلا ن ا ر ق ل ا ي ف و» подряд следуют две другие цитаты в сочетании с фразой «فوخا»:

ن ا ر ق ل ا ي ف و ،ن ا و خ ا و ف و خ ا ء ا ق د ص ا ل ا ر ي غ و ء ا ق د ص ا ل ا ل ا ق ي :ي ره ز ا ل ا ل ا ق و
ت و ي ب و ا (:ه ي ف و ،ب س ن ل ا ن ع ي م ل و (10 :ت ا ر ج ح ل ا) ء ف و خ ا ن و ن م و م ل ا ا م ن ا) :م ي ر ك ل ا
(م ك ي ل و م و ن ي د ل ا ي ف م ك ن و خ ا ف) :ه ي ف و ،ب س ن ل ا ي ف ا ذ ه و (61 :ر و ن ل ا) م ك ن و خ ا
(5 :ب ا ز ح ا ل ا)

Помимо цитат из Корана, в БСАЯ данная вступительная фраза также применяется по отношению к цитируемым отрывкам из пророческих преданий, прозы и стихов. Считаем, что подобные фразы необходимо принимать за «избыточные», умножающие чрезмерную пространственность в иллюстративной зоне словарной статьи. С другой стороны, их наличие умаляет необходимость использования вступительных фраз с целью выделения категории цитаты, поэтому «избыточные» фразы следует воспринимать в качестве альтернативы многословных вступлений. К таким фразам относятся «هنمو», «امنم», в словаре применяется всего один раз и союз «و», выступающий вступлением для коранического текста 31 раз.

4. «تميركلا اى ال» – «священный аят» применяется в нескольких формах:

– «تميركلا اى ال هنمو» , т.е. данное значение подтверждается следующим аятом Корана;

– «تميركلا اى ال ت ر س ف» встречается попеременно с союзом «و» и частицей «امك» в 4-х местах и указывает на то, что цитируемый далее аят, согласно единогласному мнению комментаторов, соответствует приведенному в словарной статье значению;

– «قَمِيرِكُلَا ءَيَّآلَا تَتِيْرُقُ» дважды встречается в первом томе и указывает на наличие различных вариантов чтений цитируемого аята, где каждый из вариантов имеет отличное от другого значение:

* وَأَمْ لَسَنَ رَتْنَاكَ: أَنَالَفُ هُلَلَا رَمَآ لَاقِيُو... مُهْلَامَ رَتْنَاكَ: أَرَامِيَا نَالَفُ وَنَبَ رَمَآ
(أَهِيْفَرْتُمْ أَنَرَمَآ ءَيْرُقُ كَلْهَنَ نَأْ أَنَدْرَأْ أَدَاوُ) قَمِيرِكُلَا ءَيَّآلَا تَتِيْرُقُ يَنْعَمَلَا أَدُوْبُو. هُلَامَ
(16: ءَارَسِإِلَا)

* ءَيْرُقُ كَلْهَنَ نَأْ أَنَدْرَأْ أَدَاوُ (قَمِيرِكُلَا ءَيَّآلَا تَتِيْرُقُ هَبُو، أَرِيْمَآ هَلَّعَجُ: أَنَالَفُ رَمَآ
(16: ءَارَسِإِلَا) أَهِيْفَرْتُمْ أَنَرَمَآ

Из приведенных примеров видно, как один и тот же аят, имея различные стили произношения, передает совершенно отличные друг от друга контекстуальные характеристики двух описываемых словарных единиц, где первая означает «умножать», «приумножать» (богатство), а вторая выступает в значении «предоставлять власть».

Как правило, стиль чтения «аль-Асима» не упоминается при цитировании ввиду распространенности данного стиля, в тоже время менее известные широкому кругу читателей стили выделяются словами «تَتِيْرُقُ يَنْعَمَلَا اَذُهَبُ», указывающие на то, что данное значение присутствует в одном из девяти других помимо стиля «аль-Асима» формах чтений Корана, и в некоторых случаях указывается название самого стиля. К каким именно стилям чтений Корана относятся цитируемые выше аяты, из соображений лаконичности, составителями не обозначается. Тем не менее, мы находим 17 других коранических цитат с указанием названий стилей, согласно которым цитировались данные аяты. Приведем некоторые из них:

* هِيْلَعُو، هَبْ هَا زَا ج: اذْكَبْ أَنَالَفُ سُو... هَقْفَاوُو هَعَوَاطُ: ءَاتَاوُمَ رَمَآلَا يَلَعْ هَاتَا
أَنْيْتَا لِدْرَحْ تَمَّ هَبْ كَلْ أَقْتُمْ نَأْكَ نَأُو (يَلَعْتْ هَلْوَقْ دَمَلَابْ ءَعَامُ جُو سَابَعْ نَبَا ءَءَارِقُ
(47: ءَايِبْنَأَلَا) أَوْب

В распространенном стиле чтения «аль-Асима» слово «أَنْيْتَا» «воздавать» из цитируемого выше аята произносится иначе «أَنْيْتَا» и имеет значение «приносить».

* سَابَعْ نَبَا ءَءَارِقُ هِيْلَعُو، نَوْبَأُ: هَعَمَجُ يَفْ عَمَسُو... وَبَأُ هَلْصَأُو، دَلْأَوَلَا: بُأَلَا
مَّهْرَبِإِ كَلْيِبَأُ هَلْأُو كَهَلْإِ دُبْعَنَ أَوْلَاقُ (ءَا جَرُ يِبَأُو يِرْدَحْ جَلْأُو رَمْعِي نَبَاوُ نَسْحَلْأُو
(133: ءَرَقِبَلَا) قُحْشْ أُو لِيْ عَمَّشْ أُو

Вышеприведенный пример дает понять, что форма множественного числа слова «بَأُ» «отец» в стилях чтений Ибн Аббаса, аль-Хасана, Ибн Ямура и аль-Джахдари читается как «كَلْيِبَأُ» «твоих отцов». В стиле «аль-Асима» данная лексическая единица произносится как «كَلْيِأَبَاءُ» и употребляется в том же значении.

* نَبْ وَرَمَعْ وَبَأُو، دَءَا جَمُو، سَابَعْ نَبَا أَرِقُ (لَهْتَفَا هَلْصَأُ) دَخَأُ: أَدَخَتْ دَخَتْ

Причиной такого многообразия вступительных фраз и отсутствия единого шаблона для атрибуции коранических цитат и их лаконичности могут быть как недочеты в работе составителей, так и сам стиль арабского толкового словаря, с характерной для него спецификой. Все цитаты из Корана без исключения снабжены ссылками на название суры и номер цитируемого аята. Лексикографической практике не свойственна многословность и в случае с цитатами данной категории было бы вполне достаточно ограничиться узорными скобками и ссылкой на источник. С другой стороны, ярко выраженный религиозный стиль не является только лишь идеологическим приемом, навязывающим другим культовые стереотипы мусульманской культуры.

В статье для слова «سَسَاءٌ» без урезания приводится полностью весь аят из суры «ат-Тауба»:

هُنَّ أَيُّ نَبُ سَسَاءٌ نَمَّ مَا رِيحٍ نَاضِرٍ وَهَلَّا نَمَّ يَوْقَتَ يَلَعُ هُنَّ أَيُّ نَبُ سَسَاءٌ نَمَّ فَا
(نِي مِلْإِطْلَا مَوْقَلَا يِدْهِي آلَ هَلَّلَاوْ مَنَّهُجَ رَانَ يَفِ مِبِ رَاهِنَافَ رَاهَ فِرْجُ أَفَشَنَ يَلَعُ
где для семантизации данной единицы, безусловно, было бы достаточно привести лишь первую часть отрывка. Тем не менее, ввиду значимости содержания цитаты, несущей в себе глубокие моральные ценности, воспитывающие в человеке богобоязненность и чистые намерения, принцип лаконичности, свойственный лексикографическим справочникам, в данном случае полностью игнорируется.

Как видно из следующих примеров, для вводной единицы «رثك»:

نَوْبُرْقُ أَلْ أَوْ نَادِلْ أَوْلَا كَرْتِ أَمَّ بِي صِنَ عَاسِنَلَلِيَوِ نَوْبُرْقُ أَلْ أَوْ نَادِلْ أَوْلَا كَرْتِ أَمَّ)
(رَثُكَ وَأَ هُنْمَ لَقَ أَمَّ
{11} دَالِ بِلَا يَفِ أَوْ غَطَ نِي ذَلَا)
(رَبِاقَمَلَا مُتْرَزُ يَتَّحَ {1} رُثَاكَتَلَا مُكْأَهْلَا)
(سِنِإِلَا نَمَّ مَثْرُثَاكَتَسَا دِقَ نَجَلَا رَشَعَمَ أَيِ)
(نَوْمَلْ غِيَّ آلَ سَانَلَا رَثُكَأَ نَكِلَوِ)

в лексическом толковании словарной единицы, у приведенных цитат доля не велика. Более того, примеры не несут особой семантически значимой для дефиниции информации.

Каждая из цитат содержит дериваты с единым корнем «رثك» и, безусловно, являются родственными с точки зрения словообразования, но, тем не менее, передающими отнюдь не один и тот же смысл. Очевидно, что прямым назначением данных цитат является ничто иное, как демонстрация толковательной способности коранических текстов, а также повод для обоснования значимой идеологической роли коранических текстов в словаре.

Хадисы в словаре имеют аналогичное воспитательно-

информационное предназначение и подобно кораническим цитатам приводятся после вступительных фраз, причем их идеологическая предназначенность начинается именно с подобного рода вступлений. Так, большинство отрывков из пророческих преданий начинаются со вступительных фраз, содержащих молитву за пророка или одного из его сподвижников: «مَلَسُو هَيْلًا عَمَلًا لِيَصْلَحَ لَنَا لَوْ سَرَّ لَنَا» «сказал пророк, да благословит его Аллах и приветствует» или «يَبَأُ نَبِيٍّ عَمَلًا نَعْتِي دِحَّ يَفُو» «в хадисе от Али ибн Абу Талиба, да возвеличит его Аллах», которые, с одной стороны, прививают симпатию и уважение к упоминаемым лицам за их заслуги перед мусульманами, а с другой, могли бы указывать на их особый статус для пользователей, незнакомых с ними. Важно отметить, что лексикографической традиции не свойственна многословность. Как лингвистический справочник словарь, в первую очередь, призван максимально лаконично отразить лексическое значение толкуемой единицы. Тем более, что в ряде примеров составители «БС» при цитировании хадисов обходятся лишь фразой «ثِيْدِحْلَا يَفُو» «в хадисе», что говорит об отсутствии категоричности в применении вышеуказанных вступлений.

Таким образом, коранические цитаты и отрывки из пророческих преданий являются первостепенными источниками современного корпусалитературного арабского языка и неотъемлемыми компонентами иллюстративной зоны арабского словаря. Цитатный материал данной категории наряду с толковательной функцией семантизации лексических единиц содержит познавательные, исторические, воспитательные, идеологические и моральные аспекты приводимых значений. Уходя корнями далеко в прошлое, данная тенденция нашла свое продолжение в современных лексикографических справочниках арабского языка, в том числе в «БС» Каирской академии, переплетаясь с новшествами современного подхода, тем самым добавляя уникальности арабской лексикографической традиции.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Белкин В. М. Арабская лексикология: научное издание. – М.: Изд-во МГУ, 1975. – 200 с.
- [2] Большой словарь. Каирская академия арабского языка. Т.1. – Каир, 2006. – 700 с.
- [3] Хамауи С. Словарь современного арабского словаря. Дар аль-Машрик. – Дамаск, 2000. – 588 с.
- [4] Омар М. Арабское лингвистическое исследование. Алям аль-кутуб. – Каир, 1982. – 384 с.
- [5] Ас-Суяти А. Аль-Иктирах фи илмусулб ан-наху. Гросс пресс. Изд. 1. – Каир, 1988. – 422 с.

- [6] Багдади. Хизанат аль-адаб. Дар аль-кутуб аль-ильмия. – Бейрут, 1998. – 510 с.
[7] Фишер А. Исторический лингвистический словарь. Каирская академия арабского языка. – Каир, 1968. – 368 с.
[8] Аль-Хусейн М. Исследования по истории арабистики. Аль-Мақтаб аль-ислами. Изд. 2. – Дамаск, 1960. – 346 с.

REFERENCES

- [1] Belkin B.M. Arabskaya leksilogiya: nauchnoe izdanie. M.: Izd-vo MGU, 1975, 200 s. [in Russ.].
[2] Bolshoi slovar. Kairskaya akademiya arabского yazika. T.1. Kair, 2006, 700 s. [in Russ.].
[3] Khamaui S. Slovar sovremennogo arabского slovarya. Dar al-Mashrik. Damask, 2000, 588 s. [in Russ.].
[4] Omar M. Arabskoe lingvisticheskoe issledovanie. Alyam al-kutub. Kair, 1982, 384 s. [in Arab].
[5] As-Suyuti A. Al-Iktirah fi ilmusulb an-nakhu. Gross press. Izd. 1. Kair, 1988, 422 s. [in Arab].
[6] Bagdadi . Khizanat al-adab. Dar al-kutub al-ilmiya. Beirut, 1998, 510 s. [in Arab].
[7] Fisher A. Istoricheskiy lingvisticheskiy slovar. Kairskaya akademiya arabского yazika. Kair, 1968, 368 s. [in Russ.].
[8] Al-Khusein M. Issledovaniya po istorii arabistiki. Al-Maktab al-islami. Izd. 2. Damask, 1960, 346 s. [in Russ.].

АРАБ ТІЛІ КАИР АКАДЕМИЯСЫНЫҢ «ҮЛКЕН СӨЗДІК» МАТЕРИАЛЫНДАҒЫ ҚҰРАН МЕН ХАДИС ДӘЙЕКСӨЗДЕРІ

Альмухаметов А.Р.,

«Нұр-Мұбарак» Египет ислам мәдениеті университеті оқу бөлімінің меңгерушісі,
доцент, филос. ғылым. канд., Алматы, Қазақстан,
alirauf210@mail.ru

Шаяхметов О.М.,

«Нұр-Мұбарак» Египет ислам мәдениеті университетінің PhD докторанты
Алматы қаласы, Қазақстан
olzhasnm@mail.ru

Тірек сөздер: дерексөз, лексикография, құран аяттары, хадис, иллюстрациялық мысалдар

Андапта. Мақала қазіргі араб тілінің түсіндірмелі сөздігінің нормативтік мәселелерін көтереді, «қазіргі заманғы әдеби тіл» тұжырымдамасының өзін қарастырады. Қазіргі араб тілінің сөздігінде қолданылып жүрген Каир академиясының «Үлкен сөздік» материалдары бойынша нақты мысалдармен құран дерексөздері мен сәуегейлік аңыз үзінділерінің мақсаты мен қызметі бірінші рет қарастырылды және діни сипаттағы дерексөздерді іріктеу белгілері мен әдістері және оның лексикалық бірлік семантизациясындағы эмпириялық үлесі туралы пікірталастық мәселелер де бірінші рет қозғалып отыр.

**3 – Бөлім.
ӘДЕБИЕТТАНУ:
ДӘСТҮР МЕН ЖАҢАШЫЛДЫҚ**

**Раздел 3.
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ:
ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

THE IMAGE OF THE PRESIDENT IN KAZAKH NOVELS

Akysh N.,

Doctor of Philological sciences, writer, Principal scientific specialist in M. Auezov Institute of Literature and Art, Almaty, Kazakhstan,
alirauf210@mail.ru

Keywords: human values, political figure, literature specialist, political independence, civil position, artistic space of the novel, independence, national freedom.

Abstract. The article deals with the artistic figure of the President Nursultan Nazarbayev's image shown in contemporary Kazakh novels. The object of the study is mainly to discuss – the novels “Ak orda” by D. Doszhan and “Oh, danyshpan dunie” by Mirshayir (Myrzagalay Inirbayev) and characteristics of formation of the President's image. The author shows the great achievements of the mentioned works along with the drawbacks in describing the main hero. With exact examples and facts given article is considered to be intensified.

УДК 82.09

ҚАЗАҚ РОМАНДАРЫНДАҒЫ ЕЛБАСЫ БЕЙНЕСІ

Ақыш Н.,

филол.ғ.д., жазушы, М.Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институтының
Бас ғылыми қызметкері, Алматы, Қазақстан

Тірек сөздер: жалпыадамдық құндылықтар, саяси тұлға, әдебиеттанушы ғалым, саяси дербестік, азаматтық тұғырнамасы, романның көркем кеңістігі, тәуелсіздік, ұлттық еркіндік.

Аңдатпа. Мақалада республика Президенті Н.Ә.Назарбаевтың бейнесінің көркем тұлғасы қазіргі қазақ романдарында да жасала бастағаны айтылады. Негізінен сөз

болып, тақыланатын зерттеу нысаны – Д.Досжанның «Ақ Орда» және Миршайырдың (Мырзағали Іңірбаевтың) «О, данышпан дүние...» романдары және олардағы Елбасы образының жасалу сипаттары. Мақала авторы аталғаны шығармалардың жақсы жетістіктерімен бірге бас қаһарманды сомдаудағы олқылықтарды да атап көрсетеді. Ол үшін нақты мысалдар мен деректер келтірілгендіктен де, мақаланың ғылыми сипаты күшейе түскен деуге болады.

Қалың бұқара қауымның өзінің көсемдері мен елді алға сүйрейтін тұлғаларына ылғи да көңіл бөліп, ерекше назар аударып отыруы – адам табиғатынан туындайтын дағдылы құбылыс. Белгілі әдебиеттанушы ғалым, профессор Ш.Елеукеновтің: «Жалпы роман жанрының қалыптасуында тұлғалық кейіпкер тәмсілі ерекше болған» [1, 212-б.]. Елеукенов Ш. Тәуелсіздік дәуірі романы // Қазіргі әдебиеттегі жалпыадамдық құндылықтар: – Алматы: Evo Press, 2014. – 708 б. деген пікірі әдебиет саласын зерттеп жүргендердің көпшілігі тиянақтайтын ұтымды тұжырым.

Қазақ елінің өз бетінше саяси дербестік алуына орай күшейе түскен азаттық рухы бұл мәселеде өзінің қуатты сипатын көрсете білді. Соның нақты көрінісі – Азия картасында жаңадан пайда болған жас мемлекет Қазақстан Республикасының алғашқы Президенті Нұрсұлтан Назарбаевтың көркем әдебиетіміздің, соның ішінде прозалық шығармаларымыздың кейіпкеріне айналуы. Мұның өзі бостандыққа ұмтылған жұртшылықтың қоғамдық жалпы көңіл күйімен астасып, жаңаша ойлаудың әсерінен туындап жатыр деп білгеніміз абзал.

Іс жүзінде 1989 жылдан бастап Қазақстан Республикасының бірінші басшысы міндетін атқарып келе жатқан Нұрсұлтан Әбішұлы осы ширек ғасырдан астам уақыт ішінде өзінің қандай деңгейдегі саяси тұлға екендігін тек өз еліне ғана емес, сыртқы жұрттарға, халықаралық қауымдастыққа жан-жақты таныта білгені мәлім. Тәуелсіздігін енді ғана алған жас мемлекеттің Президенті міндетін атқару қай жағынан да үлкен сын болып табылатындығын ешкім жоққа шығара алмаса керек.

Өз уақытында баспасөз беттерінде Елбасы туралы жарық көрген түрлі поэзиялық, прозалық туындылардың, эсселер мен көркем очерктердің ортақ көркемдік үрдісі белгілі бір нақты пайымдауларға әкеліп саятын. Оларда Елбасының бейнесі негізінен саяси-қоғамдық ірі тұлға ретінде әр қырынан, әртүрлі адами индекстер тұрғысынан көз алдымызға елестейді.

Н.Назарбаевтың саяси тұлға ретіндегі феноменін айқындауды мақсат еткен жекелеген деректі шығармалардың да мазмұны осыған

келіп саяды. Елбасының азаматтық және саяси тұлғасы әр автор өз таным–түсінігіне лайық әр түрлі деңгейде сомдалып келеді. Олардың ішінде Қ.Олжайдың «Президент пырағы», У.Қалижанның «Президент», «Ел мен Ер», Б.Сапаралының «Елбасының балалық шағы» және басқа да құжатты негіздегі еңбектердің жарық көруі Президент ғұмырбаянын әр тараптан түрлі фактілермен толықтырған шығармалар болды. Бұларда Елбасының саяси портретімен бірге жеке адами қасиеттері, өмірбаянына тән жекелеген қызықты фактілер сөз болады, саяси тұлға ретіндегі ерекшеліктеріне талдаулар жасалады. Бейбіт Сапаралы Нұрсұлтан Назарбаевтың балалық шағы туралы жазса, Уәлихан Қалижан оның Елбасы болып жүрген жылдардағы іссапарлары жайында ақпараттық очерктер шоғырын өмірге келтірді.

Әр мемлекеттің азаматы өзінің көсемі жайында толық мағлұмат алуға құқылы екендігін және сонымен бірге тіпті сонымен бірге қоғам мүшелері үшін мұның тіпті рухани қажеттелік екендігін сезіне білу қай дәуірдің де талабы. Уақыт өткен сайын Н.Назарбаев бейнесі жаңа фактілермен, есте қаларлық штрихтармен толыға түсуде. Осынау көрдемдік үрдіс әдебиеттің ұшқыр жанры поэзиямен бірге көркем прозамызда да кеңінен көрініс таба бастады. Сөйтіп бүкіл халық қарап отырған Елбасының көркем туындылардың кейіпкеріне айналу үдерісі табиғи түрде дами келе, белгілі бір шығармашылық арнаға түсу үстінде деуге болады.

Бұл тақырыптағы шығармалардың ең көлемдісі – танымал жазушы Дүкенбай Досжанның төрт бөлімнен тұратын «Ақ Орда» атты романы [2]. Оны Н.Назарбаевтың бейнесі мүмкіндігінше айқынырақ көрінген шығармалардың бірі ретінде де атағанымыз жөн. Туындының жанрын автор «роман» деп айқындағанымен, ол бәрібір бірыңғай таза көркем дүние емес. Белгілі бір себептермен қызмет үстіндегі көзі тірі мәртебелі лауазым иесі жайында таза көркем туынды жазудың өзіндік қиындықтары болатыны мәлім. Бүкіл дүниежүзіне танымал бедерлі тұлға жөнінде көркем ойдың көрігін беталды қыздырып, жазушылық қиялға рабайсыз жел беру мүмкіндігі шектеулі. Осы талапты жақсы түсінген Д.Досжан да көркемдік кеңістігінде көсіле жөнелуге бейім қаламының ұшын қақпақылдап, нақты фактілер мен деректердің шеңберінде ғана өлшеп–тамап қана қолдануға тырысқан.

Романның прологында қазақтардың Алтын орда бірлесітігінен бөлініп, дербес хандық ретінде өзінің Ақ ордасын жеке тіккен сонау 1465 жылдан тартып, тәуелсіздік тұғырына жету жолдарына шолу жасалған. Болашақ Президенттің балалық шағына жайлы әңгімелеп,

ата-анасының қабатында алған тәлім-тәрбиенің нәріне көркемдік көзін жүгірте бастауы сонан кейін. Осы арада бір атап айтатын жағдай – романның таза көркем шығарма канондарымен жазылған бөлігі де осы балалық шаққа қатысты жылдардың суреттері. Бала Нұрсұлтанның әкесі Әбіш, анасы Әлжан, ұстазы Тәкура және айналасынан табылатын басқа да нақты адамдардың бейнелерінің сомдалуында таза көркемдік ұстанымның белең алып кететін сәттері де аз емес. Әсіресе Әбіш бейнесін сомдауда автор деректілікке көп бағына бермеген сияқты. Ол кісінің еңбекқорлығы, жайбасарылыққа төзімсіздігі, адалдығы әр тұстан андағайлап көрініп отырады.

Президенттің балалық шағын бейнелеу барысында нағыз көркем шығармаға тән болып келетін үрдістер романның ажарын аша түсуге қызмет етері сөзсіз. Ал бас қаһарманның кәметтік жасқа толып, еңбекке араласа бастаған жылдарының баян етілетін тұстары басқаша көркемдік ракурста. Ата-ананың аялы алақанынан, өзінің туып-өскен ыстық ұясынан алыстап, өндіріс ошақтары қайнап жатқан орталық Қазақстанға келуі, ол арадан жолдама алып, одан ары батыс қиырдағы Днепродзержинск қаласына қарай асып кетуі сияқты тосын бетбұрыстар – жас жігітті өмір талқысына салған түрлі сынақтар.

Үйреншікті емес жат ортаны көре жүріп, алуан түрлі ауыртпашылықтар мен сынақтардан бастан өткізуі болашақ Президенттің азаматтық тұғырнамасының қалыптасуына ықпал еткен өмірлік алғышарттар еді. Негізінен ер адамдардан тұратын жұмысшылар қауымының қарадүрсін ортасы – адамдар арасындағы өзара бауырмалдықпен бірге қаталдықтың, безбүйректік мінездердің де қақтығысып қалып жататын жері. Бір біріне күш көрсету, балағат сөздерге иек арту олар үшін әбден қалыпқа түсіп кеткен күнделікті көрініс. Сонымен бірге өмір сүрудің Кеңес адамына тән өзіндік үлгісі, партиялық қатаң талап жас адамның өз тұғырын тауып, жетілуіне тікелей ықпал жасап отырғаны да романда штрихтармен айқындала түсіп отырады.

Романда осы жағдайлар жас Нұрсұлтанның қабылдап, түйсінуіне, сезінуіне тікелей ықпал етіп, кезең шындықтары да әр қырынан қабаттаса ашылып жатады. Днепродзержинскідегі оқумен Теміртаудағы қорытпашылық жұмыс болашақ Президенттің өмірлік ұстанымын орнықтырып, қиял қанатын қатайтып, ең алдымен адамгершіліктің, адалдық пен еңбекқорлықтың сара жолын салған өмірлік факторлар екендігіне ерекше көңіл бөлінген. Осы жолда кездескен түрлі адамдардың барлығы да жас кейіпкерді өмірдің оңды жақтарына

баулып, бірыңғай тек жақсы әсерге ғана бөлей берсе, реализмнің қатаң ұстанымдарына салқыны тиер еді. Әр түрлі көлеңкелі істерге азғырып, теріс пиғылмен жанасып жүретін Атабектің шырмауына жас Нұрсұлтан түсе қоймайды. Оның мақсаты басқа – әу бастан шырақ етіп бағыттаған бағдарынан қалайда ауытқып кетпеу. Қандай жағдайда азғыруға ермейтіні, имандылық пен ар-ождан жолынан ауытқып кетуді ойға да алмайтыны кейіпкердің әу бастағы адамгершілік тінінің мықтылығын көрсетсе керек.

Тәуелсіз жас мемлекеттің Президенті болып сайланғаннан кейінгі кезең, жекелеген психологиялық сәттерді айтпағанда, негізінен деректілікті ғана тиянақ етіп отырады. Баяндалып отыратын оқиғалар мен саяси-экономикалық іс-шаралардың басым бөлігі оқырманға бұқаралық ақпарат құралдары арқылы немесе шежірелік шығармалар арқылы жақсы таныс. Оларға көркем әдебиет нысаны етіп, бояу жағып, әрлеп шығу үлкен жауапкершілікті талап етпек. Д.Досжанның тақырып-тақырып бойынша сол деректердің ізін қуалай отырып, әңгіме жүргізу себебі сондықтан болар.

Қазақстан тарихындағы тәуелсіздіктің алғашқы он бес жылындай кезеңінде айтылатын әңгімелердің басым көпшілігі оқырманға таныс та. Таныс болғандықтан да, оларды құр қайталаумен шектеліп қалмау үшін жазушы түрлі формалық ізденістерге де барып отырады. Атап айтқанда, мемлекет өмірінде орын алған әрбір ерекше мәселеге немесе салаға бас қаһарманның қалай араласқандығын әңгімелеу үшін ол сол сөз ететін мәселесіне орай бөлек–бөлек тақырып қойып отырған. Деректіліктің тынысы айқын болғандықтан да, кітаптың көп бөлігін алып жатқан осы бөлімдерге көркем әдебиет өнімі ретінде терең талдау жасаудың қажеті шамалы.

Романның көркем кеңістігін қамтитын тәуелсіздіктің он бес жылы ішінде Н.Назарбаевтың арқа сүйегені – өзінің айналасына топтасып, жоғары эшелонда қызмет еткен жүздеген қайраткер тұлғалар. Олардың қайсысы қандай қызметте, қандай үлес қосқанын шежірені парақтай отырып, тауып алуға болады. Бір қызығы, романда олардың арасынан аталатын адам аттары санаулы ғана. Ерекше еңбегі сіңген адам ретінде көбірек аталатын есімнің бірі – Камалтин. Бұл арада автор кейіпкерді іріктеп алу жолында қандай қағидатты негізге алды екен деген сұрақтың төбе қылтитуы әбден заңды. Бірақ жауап табу қиын.

Роман мәтінін парақтап оқу барысында Д.Досжанның жазушы ретіндегі қалам ұстасы бірден байқалып отырады. Әлбетте, қолы қалыптасып, қатып кеткен жазушыға «машығынды өзгерт» деп

ешкім айтпауға тиіс. Дегенімен, Сыр бойы қазақтарының сөйлеу ләмін, жекелеген диалектілер мен говорларды Жетісу, Сарыарқа өлкелеріндегі кейіпкерлерінің аузында жүруі еріксіз тосылдырады. Географиялық жағынан алшақ тұрғындардың сөздерінің араласып кетуіндегі қисынсыздықты байқататын жекелеген мысалдар:

«...иін қолтықтағы картоп пен қауын ойылып бітіпті» [2, 29-б.], «үпілмәлік жұмыртқасын ерте жарды» [2, 29-б.], «Омай деген» [2, 30-б.], «Атасының нәлеті-ай», «...әгәрки» [2, 47-б.], «әйелі мәтіби шығады деген рас екен-ау» [2, 50-б.], «нақа», «пәлі» [2, 58-б.], «сол сүлейлердің қасында» [2, 66-б.], «шіби қоразға ұқсаған шенеунік» [2, 87-б.], «үймек омақа» [2, 92-б.], «Әттес-ай» және т.б.

Бас қаһарман Нұрсұлтанның сөз саптасы былай болып келеді: «Ой, көке, ит байласа, тұрғысыз Үшқоңырдың иен жайлауында колхоздың сиыры мен қойын күйсете жайып жүргеніміз жетпей ме» [2, 26-б.], «құда қаласа, ертең жолға шығып кетеміз» [2, 65-б.], «құдай қаласа» [2, 75-б.], «неғыласың, көке» [2, 84-б.], «Иә, құдая, көрсеткеніңе шүкір» [2, 158-б.], «қалып кетіп жүрмесін» [2, 205-б.] және т.б.

Бір қызығы нәсілі мұсылман автор «Құран Кәрімнен» гөрі басқа діннің кітаптарына алдымен жүгінетін жерлері бар. Мысал үшін алатын болсақ, олар: «Қасиетті Інжілде дүниені дүние еткен» [2, 24-б.], «жаратқан иеден қуғын көріп, жабырқаған мұңлы шайтан» [2, 24-б.], «інжілде мұны сәл ғана басқаша баяндайды» [2, 118-б.], «қасиетті кітапта жазылған сегіз есікті жұмақ іші осынау жұмыр жердің үстінен, үлгісінен алынған, – деді Нұрсұлтан Әбішұлы» [2, 160-б.], «қасиетті кітапта жазылған сөз» [2, 476-б.] және т.б.

Осы арада басқа дінге уағыздап жүрген миссионерлердің қазақтарға тықпалап қоймайтын кітапшаларының аттарында көбінесе «Қасиетті кітап» деген жазулар басым. Жазушының да алдымен жүгінетіні сол кітапшалар сияқты әсер қалдырады.

Діни терминдерде де ауытқушылық жоқ емес. Мәселен, «... мұсылман елі туралы не айтасыз?» Бұны сұрап тұрған Сауд Арабиясының королі Фахд Ибн Абдель Азиз. Дұрысы – «Ислам елі» ғой. «Жаналғыш мұңкір–нәңкір періштесі». Дұрысы – жаналғыш періште Әзірейіл де, Мұңкір–нәңкір болса қабірдегі алғашқы тергеуші емес пе.

Діни терминдерде де ауытқушылық байқалады. Мәселен, «... мұсылман елі туралы не айтасыз?» [2, 162-б.]. Бұны сұрап тұрған Сауд Арабиясының королі Фахд Ибн Абдель Азиз. Дұрысы – «Ислам елі» ғой. «жаналғыш мұңкір–нәңкір періштесі» [2, 298-б.] және т.б.

Оқырманның көңілін шайдай ашатын бір қызықты жайт – бас қаһарманның маңында бәденді, сымбатты қыз-келіншектердің айналсоқтап жүретіндігі. Адамның ет пен сүйектен жаратылған адамның пендешілігіне қарай тартатын бұндай ұстаным негізінен тарихи-саяси бағыттағы шығармаға жеңіл рең беріп, оқырманның шұқшия түсуіне себепкер.

«Қыз Үшқоңыр жайлауының жап-жасыл шалғынды жотасы іспетті, жалаңаяқ жүгіріп, ішіне түссең болды, ертегі әлеміне алып кететін керемет секілді. Мұндай да керемет мол тұңғиық жанар болады екен-ау дүниеде, о, тоба... Күмілжіп, үні шықпай тұрғанда, қыз сынқ етіп күлді...» [2, 35-36 б.].

«Қасы-көзі қиылған талдырмаш қыз, танымай қала жаздады. Оныншы сыныпта бірге оқыған, біразырақ аңсары ауған, тәкәппар сұлудың нақ өзі... Нұрсұлтанның жүрегін мына қыз жылы алақынымен сипағандай сезілді, елжіреді, еңкейіп, бойжеткеннің шиі ернінен өпті» [2, 71-б.].

«Бас изеген бозбаланың дәл жанына көбелекке ұқсап, қона-қона кетісті. Дөңгелек жүзді ажарлы қазақ қызы сылдыр етіп күлді: «Дәл осылай үндемес ойнап қашанғы отырамыз» – деді» [2, 76-б.].

«Бойжеткеннің толып туған ай нұрындай келбетіне ынтықты» [2, 76-б.].

«Сарыағаш ауданының әкімі» деп таныстырған мықынды, талшыбықтай бұратылған, қасы-көзі қиылған, қыр мұрынды, үшкіл иекті аққұба келіншек табалдырықтан, ішке иіліп сәлем берді... жазық маңдайлы, астыңғы ерні көпсіңкі, бұрымы тізесін қаққан мүсінді келіншекке мәртебелі қонақтың жанары арбалып қалды. Күн қайда ығысса, соған бұрылатын күнбағыс секілденді...» (2, 226-б.).

«Сөз жоқ, мына Айсұлу жер бетінде ұшырасқан көп сұлудың бірі емес, сөзінде ме, көзінде ме, әйтеуір бір сұрапыл тұнып тұрған сиқыр бар» [2, 227-б.].

Сұлуларды осылай нәшіне келтіре суреттеген жазушы қаламының бейнелілігі тәнті етері қапысыз. Бірақ бас қаһарманның жоғары лауазымды ресми тұлға екендігін де қаперден шығарып алмаған абзал болар еді.

Бұл – бір жағы жазушының көркем кеңістікті, деректілікті елемей, қиялына мейлінше ерік беруінің нышаны екендігі сөзсіз. Белгілі бір мәселелерге келгенде, қаламын абайлап сілтегісі, жазушылық фантазиясын шектеп қалғысы келмеген. Сондықтан да Елбасы өмірінің кейбір детальдарын бейнелеуде қиял еркіндігіне жүгінуді

жөн санағандай. Осы романның бойынан аңғарылатын жайт – тарихи шындықты суретке айналдыру барысындағы осындай екі түрлі үрдісті тоғыстыру әрекеті. Автор, алдымен, бас кейіпкерінің тарихи тұлға, ел Президенті екендігін ескеріп, Қазақстан тәуелсіздік алғаннан кейінгі он бес жыл ішіндегі саяси, экономикалық жағдайларды бояу қоспастан, көркем әдебиеттің болмысына тереңдеместен, нақты деректілік арқылы біршама сараптап береді. Мұндай жағдайда романның деректі дүниенің табиғатын танытуы заңды да.

Ал екіншіден, кейіпкердің тек жеке басына келетін жағдайда оның бойынан көркемдік нышандар іздейді, соған лайықты детальдар мен штрихтарға, қалың-қалың бояуларға көбірек иек артады. Осындай екі түрлі сипаттағы синтездік тәсілдің арқасында бітімі деректілік пен жазушылық фантазияның ұштаса келе, болмыс-бітімі өзгешелеу келген роман туғызған.

Соңғы жылдары баспасөз бетінде жиі сөз болып жүрген шығармалардың бірі – Мир Шайырдың (ақын Мырзағали Іңірбаевтың) «О, Данышпан дүние» атты трилогиясы [3].

Қазақстанның тәуелсіздік алуын жан-жақты суреттеуді мақсат еткен көлемді туындылардың қатарында. Осы эпикалық еңбекте де Н.Назарбаев бейнесін жасауға талпыныс нышаны бар.

Қазақстан тарихында орын алған желтоқсан оқиғасынан бастау алатын ірі қоғамдық саяси мәселелер көтерілген романның өн бойында туған елге, ұлтқа деген шексіз сүйіспеншілік, сабырға ырық бермейтін патриоттық пәрменділік менмұндалап, атойлап тұр. Бүкіл адамзат тарихын да елеулі орынға ие осынау айтулы оқиғаны әңгімелеу барысында автор сабырлы түрде сырттай бақылаушы деңгейінде қалып қоймаған. Кейіпкерлердің іс-әрекеті, пікір қақтығыстары арқылы ұлт жандылық рухын көркемдікпен әрлеп, көсемсөзге тән арынмен әспеттей біледі.

Өткен ғасырдың сексенінші жылдарының аяқ шені. Алматыдағы желтоқсан дүмпуінен басталған ұлттық сипаттағы наразылық толқыны бүкіл Кеңес Одағының түпкір-түпкіріне тарап, халықтың көңіл-күйін ойнақшытып, шайқап тұрған шағы. Міне, осындай аумалы-төкпелі уақытта Қазақстандағы толқыныстың екінші кезеңі басталады. Ол – 1989 жылы Жаңаөзендегі болған қозғалыс.

Желтоқсаннан соң бір-екі жылдан кейін орын алған Жаңаөзен оқиғасын суреттеу барысында автордың өз предметін жақсы білетіндігін аңғартады. Бұл тұстағы көріністер де саяси және ұлтаралық қарым-қатынастардың шындығын өз деңгейінде ашып көрсете алған.

Қазақ халқының бостандыққа ұмтылу бастан кешкендері сонау ежелгі тарихтың тамырынан бастау алатындығы да романның идеялық-көркемдік ойларының ауқымын кеңейте түседі. Ұлт–азаттық мәселесіне қатысты шиеленісті жағдайларды бүкіл адамзаттық проблемаларымен ұштастыру, одан қала берді галактикалық кеңістіктегі орасан ауқымды құбылыстармен байланыстырып отыру — бұл туындының тынысын кеңейте түсетін көркемдік ұстанымдардың бір парасы.

Өтпелі кезеңдегі қарапайым халықтың тәуелсіздік, ұлттық еркіндікке деген көзқарасы романда осы қаладағы толқуды суреттеу арқылы көрініс тапқан. Жаңаөзендегі теріс оқиғаның шығуына себеп болған факторлардың үлкені ол – СОКП Орталық Комитетінің 1987 жылы қазақ ұлтшылдығы туралы шығарған қаулысы. Осы қаулы ұлтаралық келісім мәселелерін нығайтудың орнына, керісінше, оны ушықтыра түскені көшедеге қарапайым халықтың көзқарасы арқылы бейнеленген.

Қаулыдағы «Қазақ ұлтшылдығы» деген жалғыз ауыз сөздің бүкіл халыққа күйе болып жағылғаны, енді басқа ұлт өкілдері қымс етсе болды, қазақтарды шетінен ұлтшыл санап, қара есікке теріс мінгізудің аз-ақ алдында жүргені қарапайым халық өкілдерінің өзара диалогтары арқылы берілген. Ұлттық проблема қашанда шетін мәселе болып келгенін жасыруға болмайды, ал сол нәзік буынға аталған қаулы тікелей соғылған пышақ сияқты әсер етеді. Тек орыстар ғана емес, қазақ жерінде жүрген басқа ұлт диаспораларының өздері де байырғы ұлтты көзге шұқып, өңменінен итеріп, тіпті жұмысқа да тұрғызбай қояды. Жаңаөзен мұнайын игеруге қатысып жатқан кавказдық ұлт өкілдері енді жай қатардағы қосалқы жұмысшылардың өздерін жергілікті халықтан алмай, Кавказдан тасып әкелетін болған. Өтпелі кезеңдегі экономикалық дағдарыс қарқын алған сайын, байырғы тұрғындар да тығырық тіреле береді, ұлтаралық шиеленіс күшейе түседі. Соның салдары осы жердегі Әбден астамсып алған кавказдықтарға қарсы қазақтардың бас көтеруі – осындай теріс саяси-әлеуметтік құбылыстың салдары.

Романда осынау шоқтықты да өзекті мәселелер жан–жақты қамтылмаған, қаланың орталық алаңында қарапайым жұртшылық өкілдерінің кавказдықтарды тықсырып қоршап алуының бейнеленуі репортаждық деңгейде. Құқық қорғау өкілдерінің өздері де осы кавказдықтар жағында. Қазақ жерінде жүріп, қазақтың өзін басынған оқиғаларды ұлы қазақ даласы әруақытта көріп келеді. Соның бәріне момын қазақ солай болуы тиіс деген ұғыммен көніп, намысын

қолдан беріп келгені де, ресми түрде көп айтыла бермегенімен, тарих алдындағы шындық. Кейбір өлең жолдарында қазақ халқын «Намысын қолдан бермеген» деп суреттейтіні бар ғой. Мұны ақындық поэтиканың шалқыған көңіл-күй әуеніне берілуі ғана деп ұққан жөн болар. Ал шынтуайтына келгенде, қазақтың ұлттық намысы талай келімсектердің табанында тапталғанын, халықтың біртуар алғыр перзенттерінің өздері де сол намыстың кегін қайтара алмай, бұл дүниеден арманда өтіп жатқанын жасырып-жабудың керегі не?

Демократиялық үрдістерді пайдалана отырып қана, қазақ халқының жекелеген өкілдері жер-суын тартып алып, өздерін қорлаған басқыншы келімсектерге қарсы шыға білді. Жаңаөзендегі ұлттық кемсітушілікке наразылық білдіру сондай қарсылықтың санаулы көріністерінің бір болса керек. Романда жергілікті милиция құрамалары қорғап тұрған кавказдықтардың қазақтарға қарсы мылтық алып шыққаны да байқалып қалады. Оны қоршап, қорғап жүрген милиция басшылары сол отты қаруды тартып алудың орнына «көрмес түйені де көрмес» қағидатын ұстанып, тартыншақтық танытады. Осыдан кейін келімсектердің көпекөрнеу басынуына жергілікті құқық қорғау орындарының да жол беріп отырғандай көрінуі қисынды.

Толқыныс салдарынан тек Жаңаөзеннің ғана емес, мұнайлы өлкенің маңайдағы ауыл–селоларында да осындай қарсылықты ахуал орын алған. Үстемдік көрсеткен ұлт өкілдерін елдеріне қуып тастағаннан кейін, қарапайым халықтың жеделдетіп ойластыра бастағандары – болашақтағы өз тағдырлары. Республикаға империя орталығынан келіп, елді бір дүрліктірген бірінші хатшы Колбиннің қайтадан Ресейге қайтуы жөнінде әңгіме белең алып тұрғандықтан да, енді жаңа басшы кім болады деген ой халықты күн сайын мазалайтын басты мәселелердің біріне айналған. Сөзі өте ме, өтпей ме, онда шаруалары жоқ, қарапайым халық өз ойларын ортаға салып, тықпалай бастаған.

«Бұл күндері бірінші хатшы Колбинді Москваға қызметке ауыстырады екен деген қауесет күшейіп тұрғандықтан, оның талабы жиналған халықтың ойымен орайласа кетті:

– Қазақстан Республикасын өзінің азаматы басқарсын!

Орта жастардағы азамат ентелей дауыстады:

– Бірінші хатшылыққа кандидатураны да жазып жіберейік!

– Ал, айтшы кімің бар? – деп сұраған жаңағы жасыл телпекті ақсақал оның жауабын күтпестен, дауыстады:

– Жаз Назарбаев деп. Тәуір азамат. Жарайды осы. Енді көбейтпе» [3, 314-б.]. Бұның өзі қарапайым жұртшылық өкілдерінің ел басқару

жұмысында көптен жүрген көшелік қалпы бар алғыр азаматқа деген ықыласөсенімінің айқын көрінісі. Назарбаевтың бейнесі романда алдымен халық аузынан айтылып, қарапайым кейіпкерлердің баға беруімен жалғасын табады.

Ш.Елеукеновтің: «Бүгінгі ұлттық герой – елдегі бар тап, типтердің, халықтың төменнен жоғарыға дейінгі қат-қабатының жоқтаушысы. Жеке адамынң мүддесі ұлттың арман-мүддесіммен, тәуелсіздік идеясымен астасып жатады» деген тұжырым нақ осы араға орнымен келеді [1, 214-б.].

«О, данышпан дүние» романының екінші кітабында Назарбаевтың Президент болып сайланғаннан кейінгі бейнесін сомдауға талпыныс жасалады. Жазушының бұл ниеті осы тұста тек эпизодтық көрініс арқылы ғана орындалған. Бірақ соның өзінде Н.Назарбаевтың республика халқына жақсы таныс ресми бейнесі көлденеңдеп өтеді. Бұл арада ресми деген сөз жаңсақ қолданылып тұрмағанын, роман мәтініндегі Назарбаевқа қатысты әңгімелердің артық-ауыс қоспасыз, шынында да, ресми түрде берілгенін ескерген жөн. Енді осы арада бұл тұжырым дәлелді, нақты болу үшін романы мәтініне көз жүгіртуге тура келеді.

Тәуелсіздіктің алғашқы жылдарында Н.Назарбаевтың Маңғыстау облысына келіп, Ақтау қаласында өткізген мәжілісі суреттелетін эпизод мынандай:

«Сіздер мен біздерге тағдыр өте күрделі, шешуші, сонымен бірге өте бақытты кезеңде өмір сүріп, қызмет етуді жазыпты, – деді Президент. Бұл осы жиынға қатысып отырған әркімнің бүгінгі таңдағы өз маңызын қадірлей түсетіндей дәрежеде асқақ естілді. Әрі бұл сөздерге жас егемен мемлекеттің тағдыры, елдің қазіргі қиындау күйі бейнеленген ауыр мағына сыйып тұр». Көркем шығармадан гөрі Елбасының сапарынан берілген ресми репортажға көбірек ұқсайтын осы жолдардан Президенттің жеке адами қалпы, кейіпкерлік қыры емес, ресми болмысы көлденеңдейді. Автор осынау нақты түсініктеме берумен шектеліп қалмай, Президент сөзінен үзінді келтіруді одан әрман жалғастыра түседі:

«– Экономика саласындағы қазіргі халіміз біздердің ешқайсысымызды қанағаттандыра алмайды, – деп жалғасты Президент сөзі. – Қайта құру жылдарында тәуелсіздік алғанға дейін, өндірістік салалардың қарқыны тым бәсеңдеп кетті. Енді қайтадан екпін ала алмай әлек. Осындай шақта біз басқарудың жаңа үлгілерін де қалыптастыруға құлшыну үстіндеміз. Ол ол ма, республика ішінде,

сондай-ақ алыс және жақын шетелдермен жаңа экономикалық, өндірістік қатынастарды, нарықтық қатынастарды жеделдете орнатуға ұмтылып бағудамыз. Бұған қоса өндіріс салаларын модернизациялау, жаңа технологияларды енгізу де жүріп жатыр. Ол үшін жаңа кадрлерді оқыту, даярлау, іске кірістіру өз алдына бір жұмыс. Өмірге келген ұлттық валютаның позициясын нығайту, құнсыздануына жол бермеу тегеуірінді ақыл мен тәсілді қажет етіп отыр. Сөйтіп, біз жүргізіп жатқан экономикалық реформалар өміріміздің барлық салаларын қамти, ауыр жылжып келеді».

Бұндай тәсіл роман жанрының табиғатына келе ме, келмей ме деген сауалдың төбесі қылтиып қалуы әбден ықтимал. Бұған жауап беру үшін мына бір мәселеге назар аудара кеткен жөн.

Кең тынысты көлемді шығарманың ара арасында осы келтірілген үзінді сарындас ресми тілмен жазылған, сіреспе мәтіндерді берудің айта қаларлықтай оғаштығы бола қоймас та. Бірақ автор кейіпкерінің жан дүниесіне еніп, оның адам ретіндегі кескін-келбетін, ішкі әлемінің иірімдерін беру үшін ішінара таза көркемдік үлгілеріне де жүгініп отыру шығарманың болмысын ширата түсер еді. Сонда жоғарыдағыдай ресми стиль мен көркем

проза стилі өзара кезектесіп, кейіпкерге айналып отырған ел Президентінің жеке адам ретіндегі тұлғасын аша түсуге қызмет етері сөзсіз.

Президент тұлғасын жасауға аса сақ қараймын деп, ресми стильмен ғана шектеліп қалған сияқты. Тізгінді тең ұстай алмаудың салдарынан автор көркемдік жүгін бір жағына қарай ептеп аунатыңқырап алған. Шынында да, аса жоғары лауазым иесін көркем әдебиеттің кейіпкеріне айналдырудың өзіндік қиындықтары болатынына көз жұма қарауға болмайды. Автор сол сақтықтан аса алмаған деген пайым жасай аламыз.

Рас, романның бір тұсында Президенттің ықшам портреті жасалады: «Президент жүзінің жұқарыңқырай түскені байқалады. Самайындағы аз ғана ағы тау баурайына қонақтаған жұқалтаң қырау тәрізді. Маңдай шашы сирей, аздап кейін ашыла түскен. Өтпелі кезеңнің салмағын сезініңкіреп жүргені білінеді». Елбасының портреті толық болмаса да, оқырман көзіне елестей алатындай деңгейде екендігі сөзсіз. Кейіпкер тұлғасын сомдау барысында қолданылатын көркемдік құралдардың бірі осылайша жүзеге асқан. Тек Президенттің «сезіп» емес, «сезініңкіреп» жүруі ғана буалдыр ойға мұрындық болатындай.

Аталған романның бірінші кітабы Қазақстанның тәуелсіздік

қарсаңындағы күрделі кезеңін суреттесе, қалған екеуі тәуелсіздікті нығайту жолындағы қам-қарекеттердің елеулі полотносын жасауға арналған. Бір ауыз сөзбен айтқанда, көркем әдебиетіміздегі бірінші Президенттің тұлғасын одан арман жетілдіре сомдау, адами және тұлғалық қырларын тарихи релизм шеңберінде көрсету күн тәртібінде тұрған өзекті мәселелердің бірі деп білгеніміз абзал.

ӘДЕБИЕТТЕР

- [1] Елеукунов Ш. Тәуелсіздік дәуірі романы // Қазіргі әдебиеттегі жалпыадамдық құндылықтар: – Алматы: Evo Press, 2014. – 708 б.
[2] Досжан Д. Ақ Орда, төрт бөлімді роман. – Астана: Елорда. – 2005 б.
[3] Мир Шайыр. О, данышпан дүние. 1–кіт. – Астана: Астана–полиграфия, 2008. – 368 б.

REFERENCES

- [1] Eleukenov Sh. Tauelsizdik dauiri romany // Kazirgi adebiettegi zhalpyadamdyk kundylyktar: Almaty: Evo press, 2014, 708 b. [in Kaz.]
[2] Doszhan D. Ak Orda, tort bolimdi roman. Astana: Elorda, 2005 b. [in Kaz.].
[3] Mir Shayir. O, danyshpan dunie. 1-kit. Astana: Astana-poligraphiya, 2008, 368 b. [in Kaz.].

ОБРАЗ ПРЕЗИДЕНТА В КАЗАХСКИХ РОМАНАХ

Акыш Н.,

доктор филол. наук, писатель, главный научный сотрудник Института литературы и искусства им. М. Ауезова, Алматы, Казахстан

Ключевые слова: общечеловеческие ценности, политическая личность, ученый-литературовед, политическая самостоятельность, гражданская позиция, художественное пространство романа, независимость, национальная свобода.

Аннотация. В статье говорится о начале создания образа Президента Н.А. Назарбаева как художественной личности в современных казахских романах. Автор в основном обращает внимание на особенности создания образа Президента в романах Д.Досжана «Ақ Орда» и Миршайыр (Мырзағали Іңірбаев) «О, данышпан дүние...». Автор выделяет как положительные стороны создания образа Президента, так и некоторые недочеты с позиции литературоведческой традиции. Для этого он приводит конкретные примеры и факты, что усиливает научную сторону статьи.

INTERPRETATION AS THE HERMENEUTICAL METHOD IN THE AKYNS POETRY

Altmyshbayeva Dzh. A.,

Candidate of Philosophical Sciences, associate professor, Chair of philosophy of science,
Kirghizian–Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan
janyl_asylbek@mail.ru

Keywords: interpretation, understanding, semantic category, meaning, sense, poetry, philosophy, hermeneutical approach.

Abstract. The article analyzes the method of interpretation, which implicitly uses the performers of folklore as a manaschy. Since this aspect of folklore has not attracted the attention of researchers, the author tries to show the validity of the study and consideration of the admission to the activities akyns, along with the identification of the natural features of the Kyrgyz language to meet the level of philosophical reflection of reality.

УДК 801.73

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ АКЫНСКОЙ ПОЭЗИИ

Алтмышбаева Дж.А.,

Канд. филос. наук, доцент кафедры философии науки Кыргызско-Российского
Славянского Университета, Бишкек, Кыргызстан
janyl_asylbek@mail.ru

Ключевые слова: интерпретация, понимание, семантические категории, значение, смысл, поэтическое творчество, мировоззрение, герменевтический подход.

Аннотация. В статье анализируется метод интерпретации, который неявно используется исполнителями устного народного творчества как манасчи. Поскольку данный аспект устного народного творчества еще не привлекал внимание исследователей, то автор статьи пытается показать правомерность рассмотрения и исследования данного приема в деятельности акынов, наряду с выявлением возможностей естественного кыргызского языка соответствовать философскому уровню отражения действительности.

Философский анализ реальности начинается с выделения определенного аспекта предмета рассмотрения. Поскольку в качестве объекта мы выделили определенный этап развития кыргызской философской мысли, а затем свели ее поиск к жизни, связанной с повседневностью, которая нашла отражение в первую очередь в поэтическом творчестве, то перед нами встает задача истолкования, систематизации, рационализации и обобщения тех идей в содержании акынской поэзии, которые видятся в качестве философских. В таком случае, следуя определению понятия интерпретации в устах отца

современной герменевтики Ф. Шлейермахера как рассмотрения ее в качестве общей теории лингвистического понимания, мы можем провести анализ рассматриваемых текстов [1, с. 62-70].

Обращение к «институциональным» формам языка, запечатленным в устном народном творчестве кыргызов: пословицах и поговорках, сказках, народных песнях, эпических произведениях выявило ряд слов для выражения категорий существования, жизни, понимания, рациональности, времени, представления, противоположности, противоречия, аналогии, причины и т.д. Абстрактные категории выражались достаточно четко, не утрачивая своего метафизического смысла. Для того, чтобы убедиться в этом нам не надо подвергать анализу такие языковые понятия, как грамматические структуры, грамматические значения и смыслы. Конечно, можно концепции этой метафизики уловить, подвергнув анализу язык. Известная концепция Сепира–Уорфа говорит о том, что «реальный мир» в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм данной группы... Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или иные явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предлагают данную форму выражения [2]. По мнению Б. Уорфа,– грамматика языка представляет лишь совокупность общепринятых традиционных правил, которым не всегда подчиняется использование языка. Тогда как в обществе принято считать, что мы используем язык, опираясь на логическое мышление, которое является рациональным и правильным, поэтому мысль зависит от законов логики и мышления одинаково присущих всем людям, независимо от их языка.

Проблема кроется в том, что грамматические структуры сами могут быть значимыми, осмысленными структурами и соотносимыми с внеязыковыми (внеграмматическими) реалиями, благодаря использованию грамматических структур, воплощающихся в определенных значениях слов и предложений языка. Например, грамматическая категория «часть речи» или распределенность слов языка по частям речи, предполагает вполне определенную классификацию явлений отражаемого человеческого сознанием мира: предметы, свойства, действия, способы действия и т.п. для описания этого явления вводится понятие грамматического значения наряду с лексическим значением.

Одно из важных отличий грамматического значения от значения лексического заключается в том, что первое соотносится с логическими

понятиями, но не соотносится непосредственно с предметами реальной действительности, тогда как второе всегда имеет и ту и другую соотношенность...

В грамматическом значении... то же слово «стол» как имя существительное осмысляется нами, прежде всего, в своем категориальном значении «предметности» в отличие, например, от значения «качественности» (имена прилагательные, действия или состояния (глаголы) и т.д.) [3, с. 192].

Это различие позволяет разделить проблему понимания на два уровня. А.Р. Лурия, например, анализирует понимание на лексическом уровне. Концепции же существенной специфичности языков (и культур) имеют в виду имплицитно категориальное значение; они и возникнуть могли именно на этой основе (логические есть категории, воплощающие в себе самые общие, «родовые» представления о действительности). Таким образом, «выделить» части речи было бы невозможно, если бы наше мышление не различало таких категорий как предметность, движение, состояние, качество, отношение и т.д. В этом смысле можно утверждать, что грамматические категории всегда взаимодействуют с категориями логики, возникающими в процессе познания действительности [3, с. 253].

Осмысленность грамматического строя языка заключается в этой соотношенности грамматических структур к категориальной структуре мира, построенной сознанием исторически, и отличает грамматику естественных языков от искусственных знаковых построений прямой ссылкой для обозначения внеграмматических обобщенных представлений, соотносимых с грамматическими структурами.

Есперсен и Мещанинов используют термин «понятийные категории». К ним относят кроме вышеперечисленных (предметы, свойства, действия, способы действия) также категории воздействия, предметы воздействия, средства, принадлежности и др., через которые происходит осмысление грамматических категорий, и поэтому они употребляются при описании этих последних. Более того, определение грамматических понятий и категорий часто не может обходиться без прямой ссылки на них.

Семантические понятийные категории выражают всеобщие свойства, стороны, отношения познанной человеком действительности и одновременно отношение человека к ним (время, пространство, предмет, движение, причина, следствие и т.п.)

Таким образом, мы получаем систематическое знание о мире, а также вполне определенное расчленение (анализ) и упорядочение (классификацию) мира.

С иной точки зрения, система этих категорий представляет собой очень общую схему, сеть, налагаемую нашим мышлением на мир; с этой точки зрения она уже характеризует и структуру нашего мышления.

Не подлежит сомнению, что в различии языков находят выражение и особенности расчленения и упорядочения мира их носителями – народами разных исторических эпох и разного исторического жизненного опыта.

Эти особенности, будучи незначительными и даже незаметными в пределах одной культуры и одной эпохи, могут оказаться весьма значительными для разных культур и эпох. Одна и та же грамматическая форма может выразить различные представления (иметь различную семантику), а различные формы – одно и то же представление и т.д. и это соотношение совершенно уникально для каждого отдельного языка.

Интересно, что отождествление грамматического строя языка с системой семантических «понятийных категорий» присуще неявным образом существенной специфичности мышления и культуры народов различных эпох и различного исторического опыта. Там, где анализ языка наталкивается на проблему исторического разрыва культуры изучаемого народа, на помощь приходят другие методы исследования, так понимание считается наиболее подходящим способом постижения исторического бытия, т.к. оно является наиболее адекватным методом исследования других культур в историческом прошлом, в силу своеобразия не воспроизводимых в понятийных системах теоретического познания [4; 5, с. 122–131].

Непременное условие или предварительное условие для понимания языкового сообщения – это знание (усмотрение) смысла слов и словосочетаний. Смысл слов каждый раз следует брать в данном языковом контексте, в котором имеет место отдельное, иногда неповторимое, единичное осуществление значения. На этом уровне, называемом уровнем лексического значения, существуют интересные случаи смысловых вариаций слов, словосочетаний, а также целых текстов. Замена одного образа другим на уровне лексического значения не мешает точному выражению мысли. Такая замена способствует адекватному восприятию мысли членами различных языковых общностей...

Проблема универсального отражения мира в грамматических категориях и их соответствия логическому мышлению встала при попытке создать философский терминологический словарь на кыргызском языке. Интересно, что за время становления нового поколения образованных кыргызов произошло настолько тесное сращение духовной культуры народов союза, что созданный словарь Б. Аманалиевым при переводе оказался вполне адекватным универсальным понятиям и категориям, которые используются в философском языке [6], причем обошлось почти без «калек», взамен которых использовался тезаурусный подход (толкование термина на кыргызском языке). В этом смысле можно опровергнуть концепцию Сепира-Уорфа о том, что язык управляет мыслью. Правда, до этого неизменно изменилась социальная среда, была проведена гигантская работа по просвещению и образованию всего населения, работа по созданию вообще лексической основы кыргызского языка в виде словарей, осуществлена задача по приведению значения слов в соответствие с пониманием их смысла во всех областях жизни общества. Параллельно осуществлялась работа по поднятию уровня материальной и духовной культуры. В качестве соотносимой основы перевода служил русский язык, который занял в обществе довольно активную позицию, выступая посредником в овладении миром научно-технического прогресса.

В целом можно считать, что в данном случае удалось использовать тождество понятий в продуктивном направлении и грамматические конструкции совпали с семантическими, не вызвав в целом затруднений и в понимании даже таких трудных в восприятии философских текстов. Однако существуют не просто различные выражения одной и той же мысли в разных языках, но что эта самая «одна и та же мысль» оказывается не совсем тождественной для различных языков. Но достаточен ли для понимания языкового сообщения этот уровень лексического значения?

Понимание языкового сообщения следует различить от его признания истинным, убедительным. Выделение этой последней характеристики означает переход в область логического (как это было и исторически).

Логические структурные формы, в частности определение и деление понятий и умозаключение, представляют собой определенные правила рассуждения, обеспечивающие его обоснованность и соответственно убедительность. Но не только это. Логические структурные формы

выполняют и другую функцию: они одновременно представляют собой схемы, образцы, слепки готового знания, т.е. формы, в которых оно отлагается, «застывает», приобретая определенное строение.

Результаты мышления – готовые «фрагменты» знания – в каждом отдельном случае образуют целостные построения, полученные по этим схемам образцам. А именно, в каждом отдельном случае имеется целостный, структурно организованный «текст», составные части которого связаны друг с другом определениями и делениями понятий, умозаключениями.

Такие «фрагменты» знания могут быть различной величины – от отдельных доказательств до целой теории; с формальной точки зрения такой целостностью может обладать и целая область знания.

Насколько непрерывна такая целостность – вопрос иной. Здесь важно отметить сам факт наличия такой целостности знания, обусловленной и обеспеченной именно логическими формами.

Впоследствии в практике преподавания философии в вузе были созданы учебно-методические пособия по логике, которые охватывали словарь терминов на кыргызском языке. Эти примеры показывают, что имевшийся уровень абстрактного мышления кыргыза, получив небольшую поддержку оказался и достаточным, чтобы перевести или найти соответствия в кыргызском языке развернутым философским понятиям, представленным в то время в основном на русском. Это только подтверждает, что уровень абстрактного и логического мышления как и рациональность присущ в равной степени всем народам, если только они включены в систему тех связей и отношений, которые соответствуют употребляемому языку.

Логическую структуру готового знания можно было бы назвать логическим типом, или уровнем организации текста. Эта структура явно предстает в доказательном рассуждении. Особенно в научном знании и непосредственно выражена в формальных дисциплинах .

Несколько иначе обстоит дело в описательном тексте, который обычно представлен художественным. Такой текст, прежде всего, оригинален, т.е. уникален, неповторим. Организация такого текста зависит только от личности творца, его таланта, темперамента, мастерства и «контекста» его существования. Но художественное описание обладает целостностью и обеспечивается она не некоторыми общими правилами, схемами, т.е. не формально, а содержательно, отражая видение мира данной творческой личностью, ее мыслями, чувствами, «порядком » их следования и взаимосвязи.

Иной характер носит научное описание, когда используется определенная терминология, осуществляется «перевод» явлений на язык данной науки. Используется определенный стандарт описания – схема для каждой области знания, т.е. существует формальная схема, независимая от содержания. Схема остается внешней: это схема классифицирующая, располагающая.

В отличие от схемы описания как типа организации текста, логическая структура не есть всего лишь внешняя форма, хотя она не обуславливает то, что должно быть сказано, но предопределяет обусловленность одного утверждения другим, образуя их имманентную связь. Логические структурные формы, особенно определения и деления понятий, умозаключения сообщают внутреннюю целостность отложившемуся в них содержанию, организуют его в целостные фрагменты, целостные контексты.

Мысли автора текста благодаря использованию грамматических структур воплощаются в определенные значения слов и предложений языка. Целью интерпретации является выявление этих значений. Согласно представлению Шлейермахера, интерпретация у него выступает в органической связи с пониманием, как внутреннее единство слова и мысли, предложения и суждения.

Он рассматривает понимание как реконструкцию, посредством которой интерпретатор раскрывает структуру и значение слов предложений текста. При этом само понимание относится не только к текстам, но и к живому диалогу людей. Он настаивал на необходимости соотнесения текста с психологическими и культурно-историческими условиями его возникновения, связывая его понимание с «отношением к жизни». В. Дильтей стремился использовать герменевтику как методологическую основу всех тех наук, которые имеют дело с пониманием человеческой мысли, искусства, законов, культуры, т.е. со всем тем, в чем воплощается человеческий дух.

Понимание духовной деятельности других людей достигается через интерпретацию выражений их мыслей, которые находят свою объективацию в социально-историческом мире, мире искусства, религии, права, политики, языке и даже жестах.

С наибольшей силой внутренняя жизнь человеческого духа раскрывается в произведениях искусства и в особенности тех из них, которые выражены с помощью языка. Исходя из того, какую функцию выполняет язык как средство общения, как осуществляется референция языковых единиц, можно выявить три основных типа

ситуаций понимания: диалог, перевод и интерпретация текста. Нас будет интересовать в первую очередь процедура интерпретации текста и все то, что может в данном случае относиться к ней.

Герменевтическая интерпретация в отличие от филологической должна показать, как внутренняя, духовная жизнь человека раскрывается и выражается в его произведениях и других проявлениях его культурно-исторической деятельности. В. Дильтей подчеркивал роль социально-психологических факторов, а также исторического характера самой интерпретации. Именно он и предложил интуицию в качестве метода познания в гуманитарном исследовании.

В понимании произведений искусства интуитивно-психологический подход играет существенную роль, но полное понимание исторического текста возможно лишь при анализе объективных процессов общественно-исторического развития и тех внутренних законов, которые определяют общественный прогресс, т.е. не лишним будет в этом случае и критический подход к текстам.

Герменевтика часто рассматривает понимание как процесс сопереживания или воссоздания в сознании другого человека, в частности интерпретатора мыслей, чувств, стремлений и идеалов автора произведения.

Интуитивное познание, рассматриваемое как реконструкция смысла, воплощенного автором в текст – это простейший случай интерпретации. Дильтей же полагал, что понимание достигается благодаря объективации результатов духовной деятельности субъекта. Э. Гуссерль после своих поисков «научности и строгости» философского знания, также склонялся к тому, чтобы признать интуицию в качестве адекватного средства постижения «жизненного мира», который мы вслед за ним будем рассматривать в качестве мира повседневности. Но оба они важнейшими средствами, наряду с интуицией, считали перевоплощение и воображение, с помощью которых интерпретатор достигает понимание духовного мира автора.

Если мы не можем жить жизнью других людей с их оригинальным живым опытом, говорил Дильтей, то через интерпретацию, включающую воображение и перевоплощение, можно достичь вторичной непосредственности. Именно через психологическую интерпретацию, замечает он, мы можем прийти к пониманию наших предшественников и нас самих. Используя только психологический подход, носившем субъективный характер (интуицию), к пониманию, он отвергал объяснение как метод исследования, чем ограничивал

методологию социо-гуманитарного познания, Он считал, что телеологический метод позволил бы учитывать намерения, мотивации и цели людей, способствовал бы исследованию.

Понимание всегда связано с выявлением смысла. Такие ценности как цель, истина и сущность в совокупности представляют то, что называется смыслом или значением текста, произведения литературы и искусства, поэтому самое непосредственное отношение к исследованию имеет семантика. В процессе анализа значения играет важнейшую роль семантика, изучающая вопросы интерпретации знаковых систем. Сточки зрения семантики знаковую систему можно интерпретировать самыми различными способами и тем самым придать ей множество разных значений. Понимание не обязательно сводится к усвоению значения, которое имел в виду автор при создании текста произведения литературы, написании картины, сочинении пьесы и т.д. Семантический подход дает возможность шире трактовать и понимать значение, чем традиционный герменевтический метод. Кроме этого следует учитывать, что понимание представляет собой системный процесс, оно становится возможным лишь в том случае, если текст рассматривать как нечто организованное целое, как определенную знаковую систему, обладающую собственной структурой. Чтобы понять значение предложения, необходимо знать значения отдельных слов, из которых оно состоит, а значение отдельных слов зависит от целого предложения. Возникает формально-логическое противоречие на первый взгляд: знание целого предполагает знание частей, а знание частей требует знания целого. На самом деле это противоречие представляет диалектическое взаимодействие, которое постоянно разрешается в процессе все более полного понимания.

Для понимания слов предложений мы должны начать с предварительного, интуитивного понимания целого или, как говорят в герменевтике, с предпонимания. Опираясь на него, выясняют значение частей и на этой основе достигают более точного и полного понимания целого.

В дальнейшем эта процедура кругового характера повторяется, способствуя тем самым расширению горизонта нашего понимания. Именно единство, синтез частей способствуют пониманию любого текста, рассуждения, доказательства ...Необходимость обращения к теоретическому исследованию и ограниченность интуитивно-психологического понимания становится очевидной, когда мы обращаемся к рассмотрению поступков, действий, мотиваций и целей людей. Значительные различия в поведении не дают возможности использовать аналогии и внутренние наблюдения, поэтому уже

герменевтики отказались от этих методов, считая характерным для человека интенциональность всех его поступков и действий.

Тем не менее, подлинное понимание поступков, действий, стремлений и целей людей может быть достигнуто, прежде всего, в результате исследования результатов их общественно-производственной и культурно-исторической деятельности.

Полное понимание требует логического анализа и теоретического осмысления фактов. А это диктует необходимость введения абстракций и идеализаций, образования понятий и построения теорий. В такой ситуации подход Дильтея кажется ограниченным. В этом смысле ему можно противопоставить широко применявшийся в советский период деятельностный подход К.Маркса. «Конкретное, – писал он, – потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного». В таком случае Дильтей принижает роль рационального познания, связанного с выдвижением гипотез, установления законов и построения теорий. Но если вспомнить, что в нашем случае речь идет о народе, стоявшем на ступени общественного развития, приблизительно соответствующей средневековому западно-европейскому развитию, то понятно превалирование в общественном сознании и познании мистики, религии, суеверий, анимизма и всего того, что соответствует процветанию иррационализма, а поскольку именно иррационализм характеризует методологию Дильтея в познании мира, то в этом ракурсе рассмотрения методология Дильтея проясняет по крайней мере стиль мышления авторов эпической поэзии. Как говорил Ленин: «Чтобы понять, нужно эмпирически начать понимание, изучение, от эмпирии подниматься к общему» [7, с. 187].

При обычном интуитивном понимании мы имеем дело с нерасчлененным целым, при теоретическом понимании синтезу предшествует аналитическая деятельность мышления. Такое движение мысли дает нам конкретное. Теоретическое понимание достигается именно в таком конкретном знании. Шлейермахер, как и его предшественники, рассматривает объяснение как внешнюю сторону процесса понимания, т.к. главная задача интерпретации заключается в том, чтобы понять текст. Объяснение же, комментарии и критика текста всецело зависят от того, насколько глубоко и правильно он понят. По мере того, как достигается все более точное понимание текста, т.е. постижение его внутренней, духовной сути, объяснение все больше сводится к искусству представления, причем такое представление чаще всего связывается с разъяснением частей или отдельных мест

текста. Здесь становится понятным то, что объяснение возникает на основе понимания и представляет собой реализацию некоторого понимания о целостном явлении (произведении) относительно его частей (отдельных мест текста). Именно в этом смысле говорят об объяснении как о завершающей стадии интерпретации. Но следует напомнить, что Дильтей не стремился к объяснению, он считал, что гуманитарное познание сводится только к пониманию. С проблемой понимания столкнулся М. Ауэзов при попытке анализа содержательной стороны исполнения эпоса «Манас», для него осталась невыясненной причина отсутствия указания на автора текста, по крайней мере предшественника, т.к. несмотря на то, что особенностью исполнения эпических произведений выступает интерпретационный вклад акына, у всех других народов существует традиция упоминания по крайней мере предшественника, если не автора произведения, в данном случае этого не наблюдалось. М. Ауэзов предложил несколько вариантов ответа, но, как он сам отмечает, ни один из них не показался ему удовлетворительным. Повлияло ли это на понимание текста? И да, и нет. Относится ли все вышеизложенное к проблеме понимания или представляет собой чисто техническую сторону исполнения? Думается, что нет, так как таким образом нарушаются канонические традиции как исполнения, так и создания текста. Повлияло ли это на содержание текста – безусловно. Был ли достигнут уровень понимания эпического произведения в таких обстоятельствах или понимание должно расширяться до включения всех обстоятельств создания и исполнения текста произведения. Дильтей в свое время вынужден был прибегать к психологическим объяснениям сопровождающих текст моментов.

М. Ауэзов вынужден был признать, что в данном случае при исполнении эпических произведений кыргызскими манасчи существовали необъяснимые моменты исполнения и создания текста [8].

В.П. Филатов в статье «К типологии ситуаций понимания» [9, с. 71-78] отмечает, что проблема понимания возникает там и тогда, когда возникают нарушения, разрывы в опыте людей. Эти нарушения являются причиной возникновения и существования ситуаций понимания, т.е. таких культурных, познавательных, информационных и т.п. ситуаций, в которых человек уже не может исходить из неявно принимаемого постулата о тождественности (непрерывности и интересубъективности) собственного опыта и опыта других людей – постулата, вполне приемлемого в нашей повседневной жизни в привычном и в целом понятном окружающем нас мире.

Типы разрывов в познавательном, языковом и т.п. опыте людей, по его мнению, задают и определенную структуру ситуации понимания.

Язык презентует субъекту предметное расчленение реальности, идентификацию и классификацию явлений природы и общества, причем все это осуществляется в значительной степени вне зависимости от субъективных интенций и особой точки зрения субъекта и определяется его общим с другими людьми обстоятельством – быть носителем определенного языка, но поскольку язык так или иначе явно или неявно представляет мировидение носителя, то для того, чтобы возникло понимание необходимо проникновение в это мировидение, которое может быть обеспечено только общей исторической «площадкой» мировидения, разделяемой как воспринимающим, так и сообщающим информацию субъектом. В силу разных уровней мировоззрения понимание может быть и не достигнуто.

Уже отмечалось, что понимание как преодоление разрывов между опытами субъектов выступает во всех типах ситуаций как диалектическое по своей природе движение, устанавливающее взаимоотношение эксплицитно представляемого данного объекта понимания – высказывания, символа, текста – и обрамляющего его лингвистического и предметно-смыслового контекста в той явно не представленной, но конституирующей саму ситуацию системы предпосылок, которая организует опыт субъектов

Дальтей рассматривал герменевтическую проблематику в широком контексте «критики исторического разума», переносил на историю романтическую модель понимания, ориентирующуюся на методы истолкования текстов.

С другой стороны, понимание он подводил под законы понимания другой личности, т.к. в тексте он искал, прежде всего, выражение внутреннего мира его автора. Всякий текст содержит нечто, выходящее за замыслы его автора, но кроме этого есть еще и то, что стилеобразующие структуры сознания определенной эпохи и культуры при подобной направленности прочтения остаются в тени.

Текст в своих основных смысловых связках, противоположениях и т.п. как раз и выявляет подобные структуры, как правило, достаточно интерсубъективные, в основных измерениях не зависящие от целей и желаний автора. Выявление таких структур составляло ядро структуралистской программы анализа мифических, сказочных и т.п. текстов.

Путем установления внутренних связей между смыслообразующими единицами текста структуралисты и пытались выявить стилистику мифического и т.п. сознания. Правда, в методологическом плане, это скорее процедура объяснения, а не понимания, выработанная в рамках самих гуманитарных наук. Однако без подобного объяснения невозможна и понимающая интерпретация текста, т.к. актуализация над ситуационной системы референтов, которая позволяет нам понять мир, порождающий изучаемый и ему подобные тексты, требует переориентации собственного мышления в соответствии со стилиобразующими структурами текста, с теми способами осмысления мира, на которые ориентирует текст.

Такая переориентация собственного мышления и является наиболее глубоким уровнем понимания текста, т.к. интерпретатор получает возможность «порождать» тексты, сходные с интерпретируемым, как бы переводя самодовлеющий передаваемый материал в форму живого, актуально протекающего рассуждения.

Особенностью интерпретативной деятельности акынов выступало их выдающееся искусство словотворчества, ни с чем несравнимое воспроизведение и вживание в текст, при котором они могли на ходу создавать литературные поэтические формы, открытые для дальнейшего развития и приспособления текста к новым условиям. Так, В. Радлов отмечал, что когда манасчи исполнял в его присутствии для записи эпос, то он специально посвятил строки отваге русских и значимости их «белого царя», высшую власть которого признавал якобы и Манас, как акт внимания певца-импровизатора к нему – своему русскому слушателю (гл. 3. стихи 44-48, См.: В.В. Радлов. Образцы... Ч. 5). Это уважение могло быть частью признательности певца исык-кульца русским, который помнил о заступничестве и проявленном сочувствии к его племени в родовом конфликте между бугинцами и сары-багышами П.П. Семенова Тянь-Шанского, когда бугинскому родоправителю Боромбаю пришлось покинуть территорию, которую искони в течение более тысячи лет (со времен господства карлуков) занимал его род [10, с. 242-245]. Но это уже интерпретация автора этих строк.

Иные способы бытия и ориентации в мире, заложенные в смысловых виртуальностях текста, могут быть актуализированы лишь на основе понимания наших собственных форм жизни и культуры. В этом смысле всякая интерпретация исторически обусловлена, «конечна» и подвержена изменению в ходе исторического движения.

Процесс интерпретации не сводится к односторонней ассимиляции иных смысловых систем к собственному предметно-смысловому контексту. Здесь происходит и встречное движение – развитие, расширение собственного предпосылочного контекста. Вне этого движения нельзя понять того мира и тех возможных способов ориентации в нем, о которых говорит текст. В этом пункте процесс понимания, интерпретации иного оказывается одновременно и процессом рефлексии, самоинтерпретации. В этом плане можно говорить, что все исследователи эпических произведений, как и поэтического творчества дают собственную интерпретацию текстов исполнителей, вкладывая свои смыслы и значения, но интерпретацией в первую очередь занимается сам исполнитель, предпочитая оставаться анонимным. С какой целью это делается – вопрос, на который дается ответ – подчеркнуть канонический характер произведения, снимающий ответственность с исполнителя за внесенные изменения. Ответ не очень удовлетворительный... В целом подчеркивается народный характер произведения, а значит масштабность мысли: так думает, представляет и переживает в целом народ... Но это опять интерпретации ученых, занятых фиксированием вариантов устного поэтического творчества. Так, М. Ауэзов считал, что анонимность автора – это закон жанра эпического произведения. «Здесь каждый певец как будто бы сознательно замалчивает имена предыдущих исполнителей, участвовавших в создании и передаче эпических песен». С другой стороны, противореча этому замечанию, он говорит, что в эпосах других народов стремятся сохранить имена предшественников-сказителей. Также он полагает, что вмешательство в текст сказителей нарушало каноническую традицию и оправданием служила их субъективная вера в свехъестественное наитие. Так, ко всем сказителям во сне являлся некто, кто наказывал ему исполнять эпос. По крайней мере, он считал это утверждение профессиональным приемом всех сказителей [8, с. 15-16]. Ответ может быть проще: кыргызские сказители по-своему интерпретировали уже каноны эпического исполнения.

Собственные способы осмысления и ориентации в мире в своих глубинных слоях представлены в опыте человека в виде предпосылочного знания – вплетенными в язык и способы предметной деятельности. Рефлексия над ними ограничена и перевод их в эксплицитную форму – это всегда перевод их в иной язык и в иные смысловые системы. Так, например, М. Ауэзов, говоря о разных

манерах исполнения эпоса «Манас», считает, что каждый исполнитель вносит изменения в текст в зависимости от школы, к которой он принадлежит, от того в какой среде осуществляется исполнение: в зависимости от различных слоев слушателей, от подверженности религиозной идеологии, настроения, конкретных обстоятельств условий жизни или событий. С другой стороны, мы можем говорить, что менее религиозный вариант Каралаева связан с тем, что он был записан по сравнению с Орозбаковым позже, и каждый из них жил в разные идеологические эпохи: один пережил период «классовой борьбы», другой получил религиозное образование и не дожил до этих времен. Соответственно их точки зрения различались по оценке как событий, которые ими описывались, так и их отношением к ним. Но то, что акыны необычайно тонко чувствовали и передавали настроения и мысли слушателей, а значит отражали и в свою очередь могли влиять на эти переживания, говорит о том, что их творчество носило достаточно рефлексивную природу – ни религиозная и не мифологическая, а именно та, которая носит название философской, т.к. в структурном плане в ней были все компоненты мировоззрения: мировосприятие, мироощущение, миропонимание, основанные во многом на здравом смысле, но не на мифологии и ни на религии, т.к. кыргызу никогда не был свойствен ни религиозный фанатизм, ни какие-либо особенно духовно-религиозные искания.

Данное рассмотрение проблемы в основном носит теоретический характер и нацелено на то, чтобы использовать этот арсенал в целях проникновения в эпические тексты, способы их аудиализации, тонкости понимания, сопровождавшегося сопереживанием и проживания передаваемых событий, вызывающих чувство соучастия, эмпатии, а значит и лучшего понимания как личности автора, так и интерпретатора и описываемого в тексте...

Также все эти моменты интерпретации важны для понимания тех событий, которые происходили с оценкой творчества и содержания акынской поэзии и позиции их интерпретаторов, которые разделились, как это требовало время, согласно классового подхода, среди которых одни искали эту классовую подоплеку и тех, кто просто занимался творческим наследием.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Рузавин. Г.И. Герменевтика и проблемы интерпретации, понимания и объяснения // Вопросы философии. – 1983. - №10.
- [2] Уорф Б.Л. «Отношение норм поведения и мышления к языку» – Наука и языкознание. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике.– М.,1960.

- [3] Будагов Р.А. Введение в науку о языке. – М., 1958.
[4] Брудный А.А. Понимание как философско-психологическая проблема // Вопросы философии.- 1975. - №10.
[5] Геворкян А.Г. О проблеме понимания // Вопросы философии.- 1980. - №11.
[6] Аманалиев Б.А. Философиялык терминдердин орусча-кыргызча создугу/ Русско-киргизский словарь философских терминов. – Фрунзе, 1967.
[7] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29. –М. 1965.
[8] Ауэзов М. Сказители эпоса // Киргизский героический эпос Манас. – М.: АН СССР, 1961.
[9] Филатов В.П. К типологии ситуаций понимания // Вопросы философии.- 1983. - № 10. - С.–71–78.
[10] Семенов Тян-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань –М.: Огиз, 1947.

REFERENCES

- [1] Ruzavin G.I. Germenevtika I problemy interpretatsii, ponimaniya I ob'yaneniya // *Voprosy filosofii*, 1983, №10 [in Russ.].
[2] Whorf B.L. Otnoshenie norm povedeniya I myshleniya k yaziku. Nauka I yazikoznanie. Lingvistika I logika. Novoe v lingvistike. M., 1960 [in Russ.].
[3] Budagov R.A. Vvedenie v nauku o yazike. M., 1958 [in Russ.].
[4] Brudnyiy A.A. Ponimanie kak filosofsko-psikhologicheskaya problema. *Voprosy filosofii*, 1975, № 10.
[5] Gevorkyan A.G. O probleme ponimaniya. *Voprosy filosofii*. №11. 1980. [in Russ.].
[6] Amanaliyev B.A. Filosofiyalyk terminderdin oruscha-kyrgyzcha sozdugu. Russko-kyrgyzskiy slovar filosofskih terminov. Frunze, 1967 [in Russ.].
[7] Lenin V.I. Poln.sobr.soch., t.29. – M.1965 [in Russ.].
[8] Auevov M. Skaziteli eposa. Kyrgyzskiy geroicheskiy epos Manas. M., 1961 [in Russ.].
[9] Filatov V.P. K tipologii situatsiy ponimaniya. *Voprosy filosofii*, 1983, №10, S.71-78 [in Russ.].
[10] Semenov Tyan-Shanskiy P.P. Puteshestvie v Tyan-Shan. M., 1947 [in Russ.].

АҚЫН ПОЭЗИЯСЫН ГЕРМЕНЕВТИКАЛЫҚ ТӘСІЛДЕР АРҚЫЛЫ ТҮСІНДІРУ

Алтмышбаева Дж.А.,

Қырғызстан, Бішкек, Қырғыз-Орыс Славян Университетінің философия
ғылымдарының доценті, филос. ғылым. к.
janyl_asylbek@mail.ru

Тірек сөздер: түсіндіру, түсіну, семантикалық категория, мағынасы, мәні, ақындық сөз туындысы, дүниетаным, герменевтикалық тәсіл.

Аннотация. Мақалада Манас сияқты халық ауыз әдебиетінің орындаушылары анық қолданбайтын түсіндіру әдістері талданады. Осы айтылған халық ауыз шығармашылығының аспектісі зерттеушілердің назарын аудара қойған жоқ, ал мақаланың авторы ақынның қайраткерлігіндегі айтылған тәсілдің зерттелуі мен қарастырылу сәйкестігін, сондай-ақ қырғыз тілінің табиғи мүмкіндіктерін білумен бірге қызметінің философиялық деңгейінің әсерін көрсетуге тырысады.

TRAGEDY OF FATE IN ACTIENT GREEC MYTHOLOGY: ANTIGONA

Lazaridi M.I.,

Doctor of Philological Sciences, Professor, Kirghizian-Russian Slavic University,
Bishkek, Kyrgyzstan, -mail: lazaridi_milana@mail.ru

Keywords: myth, Greek tragedy, Antigona, antique artistic consciousness.

Abstract. This article is dedicated to the tragical fate of Antigona, daughter of Aediph, and her heroical death for her family. On the base of analysis of antique works the author shows the succession of traditions, emphasizes the power of literary word, its function of impact on readers and viewers' consciousness.

УДК 821.14'02

ТРАГЕДИЯ РОКА В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ: АНТИГОНА

Лазариди М.И.,

доктор, филологических наук, профессор
Кыргызско–Российского Славянского Университета,
Бишкек Кыргызстан, lazaridi_milana@mail.ru

*Малым детям мы сперва рассказываем мифы.
Они, вообще говоря, ложь,
Но есть в них и истина.
Платон*

Ключевые слова: миф, Антигона, греческая трагедия, античное художественное сознание.

Аннотация. Статья посвящена трагической судьбе дочери царя Эдипа Антигоне и ее героической гибели во имя семьи и рода. Автор на основе анализа античных произведений показывает преемственность традиций, подчеркивает силу художественного слова, его воздействующую функцию на сознание читателя и зрителя.

Античная художественная культура получает название *классической*. По мнению Гегеля, такое общественное состояние, при котором цели и ценности коллектива находятся в равновесии с целями и ценностями личности, трактуется в истории культуры как *классическое*.

Античное оказалось столь притягательным в качестве нормы, образца для всех последующих эпох, потому что античное художественное сознание выступало как синкретическое, то есть целостное по своей природе.

Эстетически и этически совершенное явление в эпоху античности описывалось при помощи категории *калокагатии*, что означает

единство прекрасного и нравственного. Воспитанию античного человека присуща целостность: чувственный, телесный компонент прекрасных объектов органично совмещается с высоким духовным, символическим содержанием.

Поэтому в античности особое место приобретают идеи художественного воспитания. Как известно, в Древней Греции государство обеспечивало гражданам возможность посещать театральные представления, где шли драмы из жизни героев – на их подвиги было ориентировано юношество. Основой драматических произведений, как правило, служили древнегреческие мифы.

Миф – это поэтический способ познания мира, затрагивающий самые глубинные основы национального самосознания, воспитания духовности, определения фундаментальных структур всего последующего бытия [1]. Древнегреческий ученый – энциклопедист Платон впервые сформулировал незыблемость символической достоверности мифа и поднял вопрос о научном и мифо-поэтическом способе постижения бытия человека [2]. Платоновская формула синтеза научно-мифического понимания мира является необходимым дополнением аналитической теории Аристотеля, его гениального ученика. Земное и небесное, Аристотель и Платон, антагонизм и единство, мифы и наука составляют систему, которая неразрывно связывает индуктивные и дедуктивные способы познания мира, постижения истины, воспитания совершенной личности.

Что такое миф? Это сказка, рассказанная как забава, которая забывается с уходом детства и уже не затрагивает душу взрослого человека? Или это система нравственных ориентиров, которая помогает правильно решать сложные задачи взрослой жизни, которая помогает не утратить человечность, не превратиться в робота, но может быть, это основа, которая поддерживает в человеке героические устремления – тот золотой запас неистребимого чувства доброты, красоты, истины, который используется в роковые минуты жизни, являясь неожиданностью и для самого героя. Недаром древние говорили: «Познай себя». Действительно, познание микрокосма не менее увлекательно, чем изучение большого космоса. Так чему же учат мифы?

Напомню, что «Антигона» относится к циклу фиванских мифов. Антигона была дочерью несчастного царя Эдипа, разгадавшего загадки сфинкса и ставшего царем; Эдипа, которому суждено было убить отца и жениться на собственной матери.

Есть выражение – «греческая трагедия». Это не только название

жанра литературы, но и действие, когда смерть следует за смертью. Умирает Лай от руки своего сына Эдипа, повесилась Иокаста, вышедшая замуж за собственного сына, Эдип ослепил себя, без вины виноватый, но не простивший себя.

В «Антигоне» речь идет уже о детях Эдипа. И они должны испытать всю чашу горя и бесчестья. Проклятые отцом, в один день погибают сыновья Эдипа – Этеокл и Полиник, в борьбе за власть отдавших свои молодые жизни.

«Рухнул злосчастный род...» [3, с. 128].

Один из них – Этеокл – «защитник безупречный городских святынь» будет похоронен со славой, второй – Полиник – не предан земле:

А Полиника труп несчастный в поле поруганный лежит... [4, с. 125].

А тело брата, Полиника, выбросят

Без похорон, псам на съеденье, за стену (...).

Ни возлияний у его надгробия

Не будет, не рыданий. И в последний путь

Его со славой не проводят близкие [3, с. 132].

Эсхил подробно описывает обряд похорон, традицию, которая складывалась на протяжении тысячелетий. Вот на что посягает Креонт, запрещая оплакивать и хоронить тело Полиника. По греческим верованиям, душа человека, не преданного погребенью, вовек не найдет упокоения.

Полиника нельзя оплакать, нельзя похоронить – под угрозой смерти – таково решение Креонта, правителя Фив, брата Иокасты и родного дяди-деда всех детей Эдипа: Этеокла, Полиника, Антигоны, Исмены.

Трудный диалог сестер: что делать?

Исмена, потерявшая двух братьев в один день, не хочет лишиться и сестры и так рано умереть. Это понятно. Но сильнее всего страх, желание сохранить покой, уцелеть в кровавой схватке сил земных и божественных. Она решила смириться:

«Я буду подчиняться тем, кто властен;

Нет смысла совершать, что выше сил» [4, с. 143].

Антигона – натура цельная. Для нее нет необходимости раздваиваться в сомнениях о том, спасти ли собственную жизнь или честь дома. Дело даже не в этом: она сестра Полиника, кому же заняться погребением, как не ей. Похороны преступного брата для нее не подвиг, здесь даже и думать нечего, надо поступать как должно, а там – будь что будет. Она исполняет божественный канон.

«А ты, коль хочешь,

Не чти законов, чтимых и богами», – говорит она Исмене [4, с. 143].

Что такое брат для древних греков (и не только для древних)? Это самый дорогой родственник, ибо он – хранитель чести семьи.

Помнится, как моя мама – Мария Афанасьевна Софрониди – рассказала мне притчу: У одной женщины в плен попали все мужчины из ее семьи. Это были ее муж, брат, сын. Ей было разрешено освободить только одного из них. Она освободила брата. «Мужа я еще найду, сына я еще рожу, но я не в силах найти брата», – сказала она.

Через годы я встретила с такой системой ценностей у Софокла. Я была поражена: ведь моя мама Софокла не читала! Значит, у нее сохранилась родовая память, за тысячелетия принявшая форму национального менталитета.

Итак, Антигона решила идти на смерть, защищая честь семьи. Она не могла позволить себе, чтобы душа брата никогда не смогла найти успокоения. Но решится ли она идти на смерть?

Именно неписанным законам благородства посвящена жизнь Антигоны. Иначе она жить не может. Это внутренняя потребность ее души, а не подвиг. «Я рождена любить, не ненавидеть» [4, с. 160].

Иначе живет Исмена. Антигона последовала за отцом, Исмены рядом не было. Антигона гибнет в неравной схватке с Креонтом (но похоронить Полиника она смогла, хоть и под угрозой смерти!); Исмена отказалась от этого важнейшего акта в жизни любого человека, опасаясь за свою жизнь.

«Семеро против Фив» Эсхила завершается сценой, где Антигона идет за телом Полиника, Исмена – Этеокла. Суть в том, что Антигона пошла бы за гробом обоих братьев, если бы их хоронили вместе, Исмена – нет. За гробом Полиника она не пошла бы, он объявлен врагом родины. Ей легче пережить вечный позор вероотступницы, нарушение божественных законов, чем противостоять власти. То, что сделал Полиник – ужасно, он пошел против своей отчизны, но он отвечал злом на зло – Этеокл несправедно изгнал его из страны. Антигона знает все детали происходящих событий, но не отступит от вечных законов даже ценой свободы и жизни.

Ясно, что перед нами разворачивается трагедия, что все струны натянуты до предела. Противостояние Антигоны и Креонта приводит к гибели дочь Эдипа. Перед нами греческая трагедия, где умирает один герой за другим. Умирает в темнице Антигона. Гибнет ее жених Гемон, сын Креонта. Кончает собой жена Креонта. Сам властитель, как и предсказывал слепой прорицатель Тиресий, не знает, что ему делать.

Жизнь и власть потеряли для него всякий смысл.

А что Исмена? Исследователи разных стран и народов в течение столетий восхищаются чистотой и стойкостью Антигоны, отступница Исмена была мало им интересна. Но нельзя не задуматься о судьбе Исмены. Интересно, как она прожила жизнь, одна, без семьи, женщина из проклятого рода? Завела мужа и детей? Послужила отечеству? Хранила память о семье, страдая о родителях, братьях и сестре?

Она занимает такое скромное место в мифологии, что трагедия замечательного греческого поэта Я. Рицоса «Исмена» в постановке на сцене носит название «Исмена, сестра Антигоны» [5]. Исмена избежала трагической гибели. Какова судьба человека, для которого главное в жизни – самосохранение? Как человеку можно избежать всех ударов судьбы и выиграть? Или судьба Исмены – это проигрыш? Показателен диалог сестер:

Антигона ...Я пойду одна

Земли насыпать над любимым братом.

Исмена Как за тебя, несчастную, мне страшно!

Антигона Не бойся! За судьбу свою страшись [4, с. 143].

По утверждению Мимнермоса, древнегреческого поэта (630–600 до н.э.) Исмена гибнет от руки Тидея по внушению Афины за измену с Феоклименом. Убита у источника, получившего ее имя. Иначе говоря, причиной смерти стало бесчестие.

У поэта Я. Рицоса другая история Исмены. После трагических событий она прожила еще определенное количество лет. Уединилась, ушла от мира, оказалась в темнице не согласно чужой злой воле, а по собственному решению. Жизнь, полная событий, хоть и трагических, сменилась мертвым сезоном, царством пустоты. Казалось, было достаточно времени для того, чтобы разобраться в происшедшем и найти свое место в цепи событий [5].

Пьеса показывает, как мало изменилась Исмена. Сколько в ней зависти и желчи по отношению к Антигоне. Единственные родственники, о которых вспоминает Исмена, это Антигона, которой она бесконечно завидует – а там, где зависть, нет любви. Постоянно вспоминает она и Гемона, в которого, вероятнее всего, была влюблена.

Предела нет ее тщеславию. Хотя ее постоянно гнетет чувство, что что-то важное ускользает от нее, что у нее есть червоточина, которая не позволяет ей быть достойной дочерью Эдипа. Отсюда чувство неудовлетворенности, бесконечный монолог с самой собой, а молодой офицер, присутствовавший при этом, просто статист. Исмена сама

рассказывает о себе, не понимая, как мелко то, что она открывает своему собеседнику. Происходит ее саморазоблачение.

Действия и мысли Исмены подчеркивают подвиг Антигоны во имя семьи и рода, а значит и родины. Хотя Антигона подвигом свои действия не считала. Она бы не смогла бы жить иначе. Вероятно, именно за это любил ее Гемон, сын Креонта, а не Исмену, кокетничавшую с ним. Исмена кончает жизнь – пустую жизнь – самоубийством, надев предварительно платье Антигоны. И это много значит. Платье можно надеть, а судьбу не примерить. Для этого надо было отказаться от себялюбия, на которое Исмена не была способна.

Когда-то Сократ сказал своим судьям-убийцам: «Я ухожу умирать, вы остаетесь жить. Никто не знает, что лучше».

В греческой трагедии умирают почти все герои. Древнегреческие трагики так строили свои произведения, чтобы вызвать у зрителей *катарсис*, очищение души. Театр должен был потрясти зрителя, чтобы что-то изменилось в душе, чтобы человек захотел стать лучше. Этой цели служит и история семьи несчастного, но великого царя Эдипа [6].

Несколько лет тому назад мне посчастливилось присутствовать на спектакле, посвященном 2500-летию Софокла в Греции. Ставили «Антигону» в театре Эпидавра, центре Асклепия, бога врачевания.

Театр замер, мороз по коже побежал у зрителей, когда Исмена сказала Антигоне о невозможности предать земле тело брата и тем спасти его душу: «Ты не сможешь!». Антигона отвечает ей с каменным спокойствием: «Если следует (надо сделать), я смогу!».

Антигоне удалось пройти мимо стражи и посыпать песком тело брата – обряд похорон был совершен. Но ее схватили и привели в Креонту. Креонт приказал заключить дерзкую Антигону в темницу. Напрасно молил его единственный сын Гемон, жених Антигоны. Напрасно укорял его мудрец Тиресий, слепой старец, прорицатель, за то, что тот хочет убить Полиника дважды, ведь один раз сын Эдипа уже был убит: «Какая доблесть мертвого казнить» [4, с. 157]. Тиресий предрекает много горестей Креонту в недалеком будущем, потому что царь в своей гордыне дважды провинился (перед Антигоной и Полиником):

Живую душу, дочь дневного света,
В гробницу ты безбожно заключил,
А тьмы подземной должника под солнцем
Удерживаешь, не предав могиле
Нагой, несчастный, полный скверны труп [4, с. 158].

Креонт не успевает исправить трагическую ошибку. Повесилась в темнице Антигона. Заколот себя его сын Гемон, жених Антигоны. Мать Гемона, жена Креонта, Эвридика восприняла весть о смерти единственного сына с таким ледяным спокойствием, что предводитель хора ужаснулся. Он не ошибся – через минуту слуги обнаружили истекающий кровью труп Эвридики, которая покончила с собой, не в силах пережить смерть сына. Креонт молит судьбу: «Чтоб не видать мне завтрашней зари!» [4, с. 167].

Закончился спектакль. Прошло несколько часов с начала того чуда, что называется театром. Мы сидели на огромных, обогретых июльским солнцем камнях и смотрели на сцену. Нас было около 160 человек из 40 стран мира, приехавших на курсы летней школы в Университете им. Каподистрин в Афинах. В Эпидавру, в театр, которому 2400 лет, нас привезли на четырех пульманах – прекрасных комфортабельных автобусах, где кондиционеры, телевизор, видеоманитофон... Но главное – это были ученики (от 19 до 72 лет). Внимательные глаза, добрые души.

Декорацией в древнем театре служили небо, горы, деревья, заходящее солнце. Весь спектакль пела неизвестная птица, и у нас древний театр, пьеса Софокла странно переплелись с современностью, почти нереальной.

Долго не было никакого действия... Вдруг возникли какие-то тени: это к сцене пробирался хор, женщин тридцать, все в черном. На сцене все время находились три женщины в красном, а в белом – Антигона и Тересий. В каком-то фантастическом танце передвигались рабы Креонта...

Станный, потрясающий, сказочный спектакль. Театр под открытым небом, вмещающий около 17 000 человек (почти половина мест была занята). Многие не могли удержать слез. И я проплакала весь спектакль. Нас ведь тоже в семье четверо: два брата и две сестры. И нами многое прожито. А трагедия показывает тебе те обстоятельства, в которые можешь попасть ты или дорогие тебе люди. Это и есть *катарсис* – очищение, а слезы помогают ему осуществиться.

Здесь торжествует принцип *калокагатии* – доброта и красота. Вот что должен нести театр человеку, вот как он должен перевернуть душу человека, чтобы через страдания она очистилась. Я помню, как молодой грек говорил своей девушке: «Ты думаешь, это было тогда? Нет, нет, это сейчас, сейчас!».

«Антигона» – моя любимая древнегреческая трагедия, очень

любима и в Греции. Было много постановок и дни юбилея Софокла. И это не случайно.

Греческая трагедия... Чему же она учит? С одной стороны, Софокл утверждает:

«Нет смертному спасения от бед, что предначертаны судьбой» [4, с. 16]. Но и в этом случае, если человеку выпадает трудная судьба, беспощадное стечение обстоятельств, единственная опора – его честь, совесть, непреложное желание выполнить предназначение:

Человеку сознание долга всегда –

Благоденствия первый и высший залог [4, с. 168].

Прошли века и тысячелетия. Но есть нечто, что не стареет; то, без чего не может быть человека, народа, страны. Это честь, любовь, истина. Помнить об этом, не лишаться человечности в своей гордыне учат нас древние мифы и их гениальные интерпретаторы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Лосев А.Ф., Шестаков В.П. История эстетических категорий. – М., 1965.
- [2] Платон. – М.: Изд. дом Ш. Амонашвили, 2000.
- [3] Эсхил. Семеро против Фив.–М.: Искусство, 1978.
- [4] Софокл. Антигона: Драмы.– М.: Наука, 1990.
- [5] Рицос Я. Исмена. – М., 2012.
- [6] Софокл. Эдип в Колоне. –М.: Искусство, 1979.

REFERENCES

- [1] Losev A.F., Shestakov V.P. Istoriya yesteticheskikh kategoriy. M., 1965 [in Russ.].
- [2] Platon. M.: Izd. Dom Sh. Amonashvili, 2000 [in Russ.].
- [3] Eskhil. Semero protiv Fiv. M.: Iskusstvo, 1978 [in Russ.].
- [4] Sofokl. Antigona: Dramy. M.: Nauka, 1990 [in Russ.].
- [5] Ritsos Ya. Ismena. M., 2012 [in Russ.].
- [6] Sofokl. Edip v Kolone. M.: Iskusstvo, 1979 [in Russ.].

КӨНЕ ГРЕК МИФОЛОГИЯСЫНДАҒЫ ТАҒДЫР ТРАГЕДИЯСЫ: АНТИГОНА

Лазариди М.И.,

Қырғыз-Орыс Славян Университетінің профессоры,
филология ғылымдарының докторы, Бішкек, Қырғызстан
e-mail: lazaridi_milana@mail.ru

Тірек сөздер: миф, Антигона, грек трагедиясы, антикалық көркем сана.

Андатпа. Мақала өзінің отбасы мен тегі үшін жанын қиған Эдип патшаның қызы Антигонаның трагедиялық тағдырына арналған. Автор антикалық шығармаларды талдау барысында дәстүр сабақтастығын көрсетеді, көркем сөздің күшін танытады, оның оқырман мен көрерменнің ықпал ету функциясын атап өтеді.

MILESTONE IN THE HISTORY – MILESTONE IN THE LITERATURE

Lyoudinina O.Y.,

Doctor of Philology, Professor, Department of Romance and Germanic Philology Kazakh
Ablai Khan University of International Relations and World Languages,
Almaty, Kazakhstan
Olga.Lyoudinina@gmail.com

Keywords: romanticism, modernism, pinhole camera, subtext, sublimation, myth, initiation, regeneration.

Abstract. The article explores the specifics of the reflection of Waterloo Battle in French literature of the XIX century. The bicentennial of the battle was celebrated in 2015. The analysis of Stendhal's "The Charterhouse of Parma", A. Dumas' "The Count of Monte Cristo" and Victor Hugo's "Les Misérables" showed that romantic writers use the techniques of other arts: music, theatre, cinema and etc., to display with the help of a word one of the key moments in the history of Western Europe, and thus anticipate the poetics of modernism and postmodernism.

УДК 821.133

РУБЕЖ В ИСТОРИИ – РУБЕЖ В ЛИТЕРАТУРЕ

Людинина О.Е.,

д.ф.н., проф. кафедры романно-германской филологии
КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан
Olga.Lyoudinina@gmail.com

Ключевые слова: романтизм, модернизм, камера обскура, подтекст, сублимация, миф, инициация, перерождение.

Аннотация. В данной статье исследуется специфика отражения во французской литературе XIX века битвы при Ватерлоо, двухсотлетие со дня которой отмечалось в 2015 г. Анализ романов Стендаля «Пармский монастырь», А. Дюма-отца «Граф Монте-Кристо» и В.Гюго «Отверженные» показал, что писатели-романтики используют приемы других видов искусств: музыки, театра, кино и т.д., – для отображения в слове одного из ключевых моментов истории Западной Европы и тем самым предвосхищают поэтику модернизма и постмодернизма.

Битва при Ватерлоо, 200–летие которой отмечалось в 2015 г., отметила рубеж не только в истории Франции, но и всей Европы. Отражение этого события во французской литературе XIX в. отмечено открытием новых художественных приемов, которые, предвосхитив искания модернистов XX столетия, тоже стали своеобразным рубежом в творческой эволюции и самих авторов, и литературного процесса в целом. Данная статья посвящена анализу этого явления на основе романов Стендаля «Пармский монастырь» (1839), А. Дюма-отца «Граф Монте-Кристо» (1846) и В. Гюго «Отверженные» (1862).

Во избежание вульгарно-социологической трактовки данного положения необходимо отметить следующее. Отсутствие прямой каузальной связи между явлениями литературы и историческими событиями не отрицает, однако, того факта, что литературное творчество подвластно изменениям по мере движения истории и несет на себе отпечаток последней. Так, появление драмы как литературного и театрального жанра с ее исключительным интересом к частной жизни третьего сословия и семейным добродетелям не было ни предугадано, ни тем более вызвано победой Великой французской революции 1789-1794 гг. Тем не менее ее полемический пафос был созвучен общественно-историческими переменами, которые отметили XVIII век в истории Западной Европы. В основе этих перемен лежит порыв к освобождению от тысячелетних устоев, форм и принципов и к обновлению всех сфер человеческой жизнедеятельности. Он определил «стимулирующий контекст» художественной деятельности и привел к смене парадигмы художественного сознания: «поэтика автора», то есть «индивидуально-творческое художественное сознание» пришло на смену «традиционализму». Таким образом, раскрепощение творческой энергии оказалось созвучным порыву к политической, социальной, духовной свободам, которые провозгласила Великая французская революция 1789–1794 гг. В конце XVIII – начале XIX в. свободоборческие тенденции сконцентрировались в мироощущении молодого поколения художественной интеллигенции, назвавшего себя «романтиками» и ревнителями «современного искусства», которое оно решило создать на развалинах «искусства прошлого», традиционного, названного ими «классицизмом». Тот же порыв к свободе структурирует «стимулирующий контекст» конца XIX – начала XX вв., и вновь с беспрецедентной дерзостью и решительностью звучит призыв к разрушению старого, традиционного, теперь уже «нежизнеспособного» искусства, которое должно сменить искусство новое, современное. Типологическая близость стимулирующих контекстов позволяет выявить и некоторую общность художественных принципов романтизма и модернизма. Существующая между ними преемственность обусловлена, в первую очередь, принципиальным отказом как романтиков, так и модернистов от всех ограничений, регламентирующих творческую энергию писателя. Отрицание жанровых границ, идея универсального синтеза всех видов искусств, провозглашенная романтиками, стали парадигмой новаторских исканий и литературы XX в. Это обстоятельство обусловило появление у писателей XIX в. прежде всего нетрадиционных форм романного дискурса. Из трех выбранных нами произведений первым по времени является роман Стендаля «Пармский монастырь» (1839). При

всей изученности и самого романа, и эпизода Ватерлоо в критике дискурс романа не становился предметом специального исследования ни в русской, ни во французской науке о литературе [1].

В композиционном плане битва при Ватерлоо в «Пармском монастыре» – заключительный аккорд знаменитой «миланской прелюдии», как в науке принято называть первую и начало второй глав романа. С первых фраз «Пармского монастыря» романский дискурс представляет собой контрапункт антонимических дискурсивных практик. Здесь авторская ирония сталкивается с бесстрастностью некоего нарратора, угрожающе сладкоречивое слово пастыря – с императивом правительственного указа, мягкая доверительность наперсника – с пафосной эмоциональностью вояки-храбреца, и все они, сливаясь, заставляют звучать словесный текст первой главы романа полифонической музыкой речи [2, с.38-50]. В этом многоголосии дискурсивных практик звучит и «голос», который Стендаль настойчиво идентифицирует с собой как с создателем данного произведения и, таким образом, Фабрицио, во-первых, заявлен как порождение авторского вымысла, к тому же опирающегося на литературный прецедент [2 с. 41]. Имплицитно это означает абсолютную «власть автора» над своим «персонажем», которого он может «переписать», то есть сменить один вариант персонажа-текста на другой вариант персонажа-текста. В плане диахронии авторское всевластие Стендаля отсылает к «Истории Тома Джонса, Найденыша» Генри Филдинга, прямо заявлявшего на его страницах, что автор – абсолютный и единственный творец всего в мире своего произведения. В плане синхронии от Фабрицио дель Донго художественные искания романистов XIX в. ведут к персонажам «Ярмарки тщеславия» У. Теккерея и «Госпожи Бовари» Г. Флобера. В перспективе литературной эволюции продуктом исключительно авторского вымысла станут персонажи писателей модернистов и постмодернистов. Если литературное «отцовство» не вызывает сомнения: Фабрицио – творение Стендаля (отметим, что в сноске к главе II он называет его «пылким персонажем» («C'est un personnage passionné» [2, с. 62], то в создаваемом писателем дискурсе романной реальности отцом «персонажа» оказывается случай, вернее. «случайность рождения» («le hasard de la naissance») [2, с.62]. Тем самым Стендаль сразу предуведомляет о связи своего «персонажа» с иррациональным и трансцендентальным. «Случайность рождения» ввела Фабрицио в мир дискурса первой главы, и далее в тексте эта тайна так и не будет раскрыта. В данном случае Стендаль, во-первых, отдал дань романтической поэтике, противостоящей классицистическому рационализму и возведшей таинственное и чудесное в ранг эстетической

категории. Во-вторых, «тайна рождения» остается констатирующим фактом, а сам этот факт выступает не как сюжетная функция, а как один из референтов «инаковости» персонажа. Непохожесть Фабрицио на «других» проявляет себя, прежде всего, через особый интерес к трансцендентальному и дар бессознательной интерпретации знаков последнего, именуемых предзнаменованиями. Раскрывает природу и роль этого дара Фабрицио новый структурный элемент романного дискурса – эпиграф, который Стендаль в первый и последний раз предпослал отдельной – второй – главе [2, с. 51]. Сним в полифоническое звучание дискурса «миланской прелюдии» вливается музыка стихов фрагмента «Элегии» Пьера де Ронсара из «Второй книги «Сонетов к Елене» [3, с. 384-387]. В этих стихах Ронсар прямо заявляет, что «Бог (на небесах – О.Л.) нам *пишет* («Dieu nous écrit») в ясных посланиях («en notes non obscures...») о *грядущем* и *судьбах* каждого из творений («sur les sorts et les destinées de toutes créatures») (Выделено нами – О.Л.). Здесь же поэт со всей определенностью говорит об этих «посланиях» как о *языке*, создавая который Бог, «презрев и чернила, и бумагу, и перо», использует небесные *звезды* в качестве *букв*: «... par des *astres* du ciel qui sont ses *caractères*, les choses nous *prédit*...». Особенно выразительно звучит мысль о лингвистической природе трансцендентального как «матрицы» иррационального в их противопоставлении рациональному миру людей, которые «презирают такие *писания* и не *читают* их» («Mais les hommes ... méprisent tels *écrits* et ne les *lisent pas*» – выделено нами – О.Л.) [3, с. 386]. Поскольку в эпиграфах обычно выражается авторская позиция, авторский вывод из того, что рассказывается в произведении, постольку Фабрицио, верящий в приметы, отличается от других людей именно тем, что «читает» «писания» из «звездных букв». Иначе говоря, он таинственным образом приобщен к расшифровке суггестивного смысла особых знаков [2, с. 65]. Дать верную оценку данному обстоятельству помогает контекст, в который погружен отрывок из Ронсара: выбранные Стендалем строки помещены а автобиографический дискурс и сублимируют один из эпизодов реальной истории любви стареющего поэта к юной фрейлине Екатерины Медичи. Стендаль переводит эти строки из регистра субъективного жизненного факта в регистр экзистенциального принципа, и на первый план выдвигается концепт знаков как феномена «языка трансцендентального». Одновременно самоирония становится авторской иронией, которая ставит под сомнение способность Фабрицио верно трактовать и переводить на «язык слов» знаки

трансцендентального мира. Юный герой «Пармского монастыря» постоянно ошибается [3, с. 62]. Возвышенно-патетический дискурс Фабрицио, который, как отмечает Стендаль в сноске, «переводит на язык прозы несколько стихов знаменитого Монти» [3, с. 62], являет резкий контраст трезвой лаконичности дискурса других людей. Фабрицио, этот «пылкий персонаж», говорит на языке спонтанной и стихийной реакции на «послания» трансцендентального мира, не понятном живущим в этом мире людям, говорящим на языке каузальных умозаключений. Возникает своеобразный «языковой барьер» как феномен конфликта дискурсивных практик, который становится причиной несчастий и неудач Фабрицио, а конфликт дискурсивных практик усугубляется конфликтом «видимость/сущность», или «лицо/маска», и в полифонический дискурс военных глав «Пармского монастыря» вплетаются референты «языка» веселых маскарадов «миланской прелюдии». Действительно, переодетого в одежду торговца барометрами Фабрицио сначала в Париже обкрадывают ловкие мошенники. Затем солдаты на биваке выдают его офицеру как *«иностранца, который плохо говорит по-французски»*, но после допроса, во время которого Фабрицио *«говорил об Императоре и свободе в выражениях самого восторженного энтузиазма»* [2, с.65] (Выделено нами – О.Л.), он был принят за шпиона и заключен в тюрьму несмотря на попытки объяснить полковнику, что одежда торговца барометрами – это всего лишь «маска». Шпиона видит в Фабрицио и жена смотрителя тюрьмы, которая помогла ему бежать, снова переодев в обмундирование гусара уже переодетого героя [2, с. 66]. Дискурсивные практики карнавальных *qui pro quo* ставят под сомнение идентичность Фабрицио, которую подтверждает только авторский «голос» и «голос» самого «персонажа». В результате «лицо и маска» становятся амбивалентными и допускающими появление других «масок». Последние наслаиваются друг на друга, порождая все новые референты «видимости», стремящейся стать подлинной «сущностью» [2, с. 62]. Переодевание влечет за собой ложную «идентичность». Однако полной подмены не произошло, потому что Фабрицио сохранил свой дар прочтения трансцендентальных «посланий».

Следовательно, еще до своего появления на поле Ватерлоо «пылкий персонаж» преподносится читателю как некий субъект, участник карнавальных «масок», особый дискурс которого «выламывается» из дискурса «прозаических истин» человеческой реальности. Данное

обстоятельство ставит Фабрицио в положение «странного», «чужого». Более того, контакт дискурсивных практик «субъекта» и внеположенного ему мира структурирует модель «коммуникативного провала», поскольку «язык» субъекта и «язык» прозаических истин человеческой реальности находятся на разных полюсах понимания истины и лжи. Одновременно Стендаль поднимает проблему способности слова выражать истину. Билингвизм не смог оградить Фабрицио от неверной интерпретации его «текста-саморепрезентации», за которой последовал перевод его из разряда «свой» в разряд «чужой». Таким образом, «коммуникативный провал» с одновременной потерей идентичности обрекает на поражение все попытки «пылкого персонажа» преодолеть языковой барьер. В результате возникает вопрос, способно ли слово вообще быть инструментом понимания и взаимопонимания. Ответить на него позволяет специфика разделения романного дискурса на вторую и третью главы. На их стыке Стендаль создает структурную аналогию музыкальной синкопе и кинематографическому монтажу. Последней фразой второй главы: «Около пяти часов утра он услышал канонаду: это были прелиминарии Ватерлоо» [2, с. 68], – писатель прерывает «время Фабрицио» «временем Стендаля или читателя» (в 1815 г слово Ватерлоо не могло иметь современного значения), и через него, как через затакт, снова подхватывает «время Фабрицио», но в ином модальном регистре. Эти референты образуют симультанную временную цепь без каких-либо соединительных звеньев, которая порождает некий новый смысл, подобно приему монтажа. Этот прием имплицитно позволяет писателю решительно отказать слову и «языку слов» в способности быть инструментом понимания друг друга. Действительно, если в самом конце второй главы, Фабрицио, «объясняясь знаками», смог обеспечить себя всем необходимым для продолжения пути [2, с. 67], то в начале третьей главы он словами все рассказал маркизантке. Однако собеседница сначала ничего не поняла, а затем «вписала» историю «гусара» в парадигму мелодрамы [2, с. 69]. Иначе говоря, субъективный дискурс Фабрицио был «переведен» в регистр дискурса «прописных истин» языковых клише. Таким образом, в модусе межличностных отношений в первых главах «Пармского монастыря» возникает проблема некоммуникабельности, которая в XX в. станет одной из главных в литературе. Затем Стендаль выводит данную герменевтическую проблему за рамки межличностных отношений и в батальных сценах романа (III–V главы) отходит от концепта «язык» только как «язык слов» и, как бы вернувшись к эпиграфу второй главы,

окружает своего «пылкого персонажа» различными акустическими, визуальными и тактильными знаками, то есть «языком-не-слов». Фабрицио по-прежнему далек от верной интерпретации последнего, а все попытки преодолеть «коммуникативный провал» выстраиваются как структурный аналог литературной парадигмы фольклорного «простака» и вольтеровского «Простодушного». Во-вторых, с переводом «языка-не-слов» в регистр «посланий» жизненной реальности, Фабрицио получает возможность авторепрезентации посредством обоих «языков» и постоянно использует эту возможность. И все-таки он всегда оказывается не только непонимающим, но и непонятым, ибо Стендаль сталкивает дискурсивные «клише» героического энтузиазма Фабрицио с дискурсивными «клише» рутинной реальности войны. Так, в батальных сценах «Пармского монастыря» возникает «ситуация», во многом близкая экзистенциалистской трактовке этого концепта. Причем, когда Фабрицио «делает выбор» с целью ее «преодоления» [3, с. 78-79; с. 96-97], конфликт дискурсивных практик и амбивалентность «лица /маски» с каждым разом все более обостряются, а Фабрицио превращается из «Простодушного» в «Постороннего». Он искренне хочет сообщить окружающим свои истинные убеждения и глубокие чувства, но его порывы «глушатся» стереотипами общепринятых представлений, и он попадает во власть «абсурда», подобно Мерсо из романа А. Камю «Посторонний».

Иную перспективу литературной эволюции от XIX в. к XX и XXI вв. открывает отражение битвы при Ватерлоо в романе «Граф Монте-Кристо» (1841-1844) А. Дюма-отца. Свое отношение к битве при Ватерлоо Дюма высказал в «Моих Мемуарах» (1851-1854): «Я первым, кажется, сказал, что Ватерлоо – великая политическая катастрофа, но и великое общественное благо» [3]. Последнее заключается в том, что, как считает Дюма, победа монархизма 18 июня 1815 г. привела к будущему торжеству европейского республиканизма. Нарушив жанровые каноны, поскольку в мемуарах рассказывается о прошлом, вместо личных воспоминаний о событиях давних лет Дюма обращается с взволнованной речью от себя и от имени «славных французов» к покойному Императору, то есть воспроизводит одну из разновидностей надгробной проповеди. В результате происходит редистрибуция модульных регистров и реальное историческое событие становится онтологической универсалией с последующей его (события) мифологизацией. Действительно, Дюма предлагает видеть в поражении французов при Ватерлоо знак божественного Провидения, а Наполеон,

подвергшийся гонениям после Ста дней, сначала уподобляется Христу, а затем объявляется богом: «Если бы у Вас не было Ваших страстей, Вы не были бы Богом» [3]. Если разрушение жанровых форм и обращение к мифу – это принципиальные установки романтической эстетики, то в «Моих Мемуарах» возникают приметы концептов архетипа и мифа как особого языка архаического мировосприятия. Эти приметы станут более очевидными в романе «Граф Монте-Кристо». Отметим сразу, что специальных работ, посвященных проблеме мифа в «Графе Монте-Кристо», нет.

С одной стороны, «Граф Монте-Кристо» погружен в историю, Франции того периода, который предшествовал битве при Ватерлоо и последовал за ней. Так, действие романа начинается 24 февраля 1815 г., в день отплытия Наполеона с острова Эльба во Францию, то есть в преддверии Ста дней, закончившихся Ватерлоо. Последняя глава романа названа «5 октября». Это – дата начала военно-политической карьеры Наполеона Бонапарта, ибо 5 октября (13 вандомьера по республиканскому календарю) 1795 г. Баррес назначил опального генерала Наполеона Бонапарта главнокомандующим внутренними войсками. То есть эта дата символизирует рождение будущего Императора Наполеона I. Расположенные между указанными датами ключевые события романа «Граф Монте-Кристо» также соотносены с битвой при Ватерлоо. Это – приемы создания подтекста, которые будут использоваться писателями не только XIX, но и XX вв. Смысл подтекста «Графа Монте-Кристо» определяется идеализацией Наполеона I и его Империи, о чем Дюма говорил в «Моих Мемуарах» (См. выше) и свидетельствует о социально-политической ангажированности романа «Граф Монте-Кристо». Однако контраст между двумя социально-историческими реальностями в «Графе Монте-Кристо» (Июльская монархия – Первая империя) – лишь вершина «айсберга»; его большую часть следует искать в «скрытой семантике» произведения, возникающей непреднамеренно и постигаемой ассоциативно. Эту «скрытую семантику» структурирует дихотомия «жизнь/смерть», которая представляла собой универсальное единство для архаического мировосприятия. Существование жизни в смерти и наоборот проходит красной нитью через весь роман «Граф Монте-Кристо» и раскрывается именно в модусе мифотворческого мировосприятия, поскольку о «приключениях» своего заглавного персонажа Дюма рассказывает «языком» мифа. Причем очевидно типологическое и структурное подобие сюжета романа Дюма мифам космогоническим и героическим.

В «историческом времени» повторить создание универсальной первоюдеи Космоса из хаоса позволяет инициация. Она несет в себе идею смерти мирского человека ради обретения жизни человеком сакральным. Иначе говоря, в обряде инициации полностью реализуется недифференцированное восприятие жизни и смерти, концепт превращения смертного в героя или бога. Структура внутренней архитектоники романа «Граф Монте-Кристо» воспроизводит парадигму обряда инициации, совершавшегося в Элевсинских мистериях, которые были наиболее известны европейским романтикам, а ее заглавный персонаж проходит через все этапы сакрального посвящения и в конце романа предстает как божество в человеческом облике. Это длительное испытание представляет собой цикл и состоит из четырех стадий, каждую из которых можно рассматривать как законченный ритуал посвящения неопита и обозначить местом, где проводилась инициация последнего. I стадия – «Замок Иф» (I, 6-27). II стадия – «Пещера на Монте-Кристо I и Рим» (I, 28-57). III стадия – «Париж» (II, 5-59). IV стадия – «Пещера на Монте-Кристо II» (II, 60) Наиболее суровым и важным является первое испытание – «Замок Иф». Оно включает в себе все моменты обряда инициации, который начинается с отрыва насильственным способом посвящаемого от привычной для него среды, от близких людей. Арест Дантеса во время брачного пира в кругу людей, которых он считал друзьями, и водворение в городскую тюрьму – начало первого этапа его 14-летнего «посвящения». Затем следовал «смотр»: жрец определял, достоин ли претендент быть посвященным. Функцию жреца, проводящего смотр неопита, Дюма возложил на помощника королевского прокурора де Вильфора. Следующие моменты первого этапа обряда инициации – 1) полная изоляция неопитов от внешнего мира за высокими стенами святилища, сопровождавшаяся наложением на них ряда табу: на еду, питье, разговоры с другими и т.п.; 2) проход (бегот) на берег моря, символизирующий отделение посвящаемого от его прежней жизни; 3) купание в море как обряд отмывания от профанного – ассоциативно «прочитываются» как структурные элементы сюжетосложения «Графа Монте-Кристо» 1) в прохождении Дантеса под охраной четырех жандармов по извилистому коридору из дворца правосудия в камеру городской тюрьмы; 2) в перевозке арестованного Дантеса в карете через весь город к берегу моря; 3) в попытке утопиться в море после известия о своем приговоре к заточению в замке Иф. Завершается первый этап инициации входом «за ограду, высокие стены которой должны были скрывать от взоров

непосвященных все, что происходило в сакральном мире; запрет входить распространялся на все святилище, его нарушение каралось смертью» [5, с.87]. Данному эпизоду древнего обряда соответствует топография, архитектура, тюремный распорядок замка Иф, вход под своды которого – прелюдия к самой инициации Дантеса.

На втором этапе посвящения испытуемый получал тайные знания от жрецов или старейшин рода. Главное знание – знание того, что есть жизнь и смерть. В «Графе Монте-Кристо» «символизм» Элевсинских мистерий [5, с.87] уступает место «натурализму»: тюрьма замка Иф – это подземелье, подземный мир, ад не метафорический, а реальный; спустившись в него, Дантес «умирает» для оставшихся на земле людей, причем инициастическая смерть станет смертью и его самого как Эдмона Дантеса. Функция жреца возложена на аббата Фариа, который не только обучает Дантеса, но и сообщает ему тайные знания о несметных сокровищах. Побег Дантеса из тюрьмы через мнимую смерть и его спасение от реальной смерти в морских водах – возвращение к жизни неопита после его инициастической смерти, но уже «не таким, каким он был до этого». Дантес, действительно, изменился как внешне, так и внутренне, но самое главное – он обрел неумную волю к жизни и столь же неумную жажду мести

Вторая стадия инициации – «Пещера на Монте-Кристо I и Рим» – повторяет этапы приобщения неопита к тайным знаниям через спуск в пещеру (*une caverne*), вниз, в глубь земли. Эта стадия инициации – спуск в подземный мир – отмечена у Дюма первыми признаками демифологизации стереотипов. В древнегреческой мифологии пещера «символизирует мир призрачных видимостей, из которого душа должна выйти в мир реальных существей» [6, с. 180]. Скрытое сокровище – «символ неявленной божественной Сущности и эзотерических знаний» [6, с. 967]. В романе «Граф Монте-Кристо» сакральная семантика этих мифем секуляризируется, и результатом второй стадии инициации становится потеря аутентичности. Эдмон Дантес как носитель соей жизненной судьбы исчезает, а вместо него появляется карнавально многоликий некто, именующий себя то Синдбадом–Мореходом, то аббатом Бузони, то агентом банкирского дома «Томсон и Френч», то лордом Уилмором, то, наконец, графом Монте-Кристо. Этот некто производит впечатление живого мертвеца, зомби [7, с. 324]. Римский этап второй стадии инициации в «Графе Монте-Кристо» типологически и структурно подобен финальному этапу Элевсинских мистерий, который «состоял из всякого рода

песнопений, танцев, театральных действий» [5, с. 78], и этот факт усиливает «нежизненность», фиктивность владельца несметных сокровищ острова Монте Кристо. Он – костюмированный лицедей, фокусник, хвастливо демонстрирующий публике свое богатство и мнимую власть над жизнью и смертью. Важно отметить, что разговоры о смерти (Глава XXXV «Mazzolata») служат своеобразной прелюдией к красочной симфонии римского карнавала, который по звуку колокола замирает, и мрак, мертвая тишина – смерть – воцаряются на опустевших улицах. Демифологизации подвергается у Дюма и символика «скрытого сокровища» (См. выше), поскольку в «Графе Монте-Кристо» скрытое сокровище – это материальные богатства, которые становятся могущественным инструментом власти человека над другими. Однако, как уже отмечалось, власть эта призрачна, хотя ее обладатель поначалу уверен в обратном.

Третья стадия инициации в романе «Граф Монте-Кристо» – «Париж» – развенчивает миф о том, что богатство делает человека счастливым и всемогущим. Чтобы придать своей мысли достоинство универсальной формулы бытия, Дюма конструирует крах судеб врагов Дантеса с помощью причудливой комбинации мифем античных мифов о мщении. Здесь и миф об Атридах, и миф о Медее, и миф о Марсе и Венере. Кроме того, писатель создает свой миф о предательстве, требующем возмездия, переосмыслив реальные исторические факты, связанные с восточной политикой Наполеона Бонапарта. Ради этого он идеализирует и героизирует Али-пашу Янинского (1741-1822), личность одиозную, рассказ о преступлениях которого он поместил в свою серию «Знаменитые преступления» (в 8 тт., 1839-1853). Однако, облагородив владыку Янина и превратив его в жертву предательства, Дюма, описывая месть своего неопфита, использует все приемы злопамятной хитрости, садистского коварства, неутраченного злопамятства, изуверского обмана, которые отличали реального Али-пашу Янинского. В результате враги Эдмона Дантеса кончают жизнь в нищете, бесчестии и безумии. Однако на грани краха оказывается и «возрожденный» к новой жизни неопфит; он поддался искушению и, дав себя заморочить ложными мифами, стал причиной преступления более ужасного, чем все те, что совершили его враги – жена судьи де Вильфора убивает своего младшего сына, ребенка, неповинного перед Эдмоном Дантесом. Признание Мерседес в том, что, ее долг – молиться за мужа, хотя она оправдывает его убийство своим бывшим женихом. усиливает сомнение в душе и мыслях заглавного персонажа,

и неофит Дюма по доброй воле возвращается к исходной точке своего инициастического пути – в тюрьму замка Иф. Глава «Прошлое» (II, IV) представляет собой структурную аналогию заключительному звену древнегреческой мифологемы героя – бессмертие в преданиях потомков. Беседа с привратником тюрьмы, убеждает Монте-Кристо/Дантеса в том, что, выбрав путь мщения, он поступил правильно, а «испытанное им сомнение – начало забвения» [7, с. 688-689]. Это открытие – как итог повторной инициации – Дюма облачает в религиозно–мистическую форму молитвы посвященного, обращенной к аббату Фариа. Эпиграф на рукописи жреца-наставника: «Ты вырвешь у дракона зубы и растопчешь львов» [7, с. 563], – избавил его от сомнения, новая истина, как озарение, открылась ему и одержала победу над прежними заблуждениями: месть, даже оправданная справедливостью, не должна быть единственным смыслом жизни и ее оправданием. Только через преодоление эгоизма и мстительности, через способность любить, щадить раскаявшихся и жить ради других человек может реализовать свой проект как подобия бога. Пониманием этой истины и соответствующими ей поступками завершается инициация заглавного персонажа данного произведения Дюма. Выйдя из подземелья замка Иф, даровав жизнь раскаявшемуся Данглару и оставив все сокровища Максимилиану и Валентине, Монте-Кристо/Дантес вместе с любящей его Гайде покидает остров Монте Кристо. Только теперь он обрел новую, сакральную аутентичность, которую символизирует подпись: «Ваш друг Эдмон Дантес, граф Монте-Кристо», – завершающая роман [7, с. 604]. Так персонаж-неофит превратился в героя романа Дюма «Граф Монте-Кристо».

Рубеж в истории французской литературы в связи с обращением к битве при Ватерлоо отметил также роман В. Гюго «Отверженные». Как и исследованные нами выше произведения, эпопея Гюго свободна от жанровых клише и представляет собой своеобразный синтез новаторских поисков нового художественного единства, которые были установлены нами у Стендаля и Дюма. В главах «Ватерлоо» писатель так же обращается к языку не только романного дискурса, но и дискурса театрального, особенностью которого является синтез конструктов фигуративных и исполнительских искусств, создающих на сцене романтического театра «картины». Однако «картины» «Ватерлоо» принципиально иные, чем в пьесах самого Гюго, чем в других частях романа «Отверженные». «Картины» самой битвы даны в двенадцати главах из девятнадцати. Две первые главы – это «картины» местности, где произошло историческое сражение. В третьей главе на

«картине» изображена общая панорама битвы, детали которой обретут свои очертания в главах 11-15. Четвертая глава, наряду с графической конфигурацией ландшафта, уточняет дислокацию армий, сражавшихся при Ватерлоо, «картинный» облик Наполеона, авторское понимание сущности этих феноменов и их значения для Истории. Подобное расположение «картин» невозможно на театре, где в распоряжении постановщиков и исполнителей в эпоху романтической драмы – всего лишь планшет сцены, развернутый перед сидящим в зале зрителем. Тем не менее, сам писатель настаивает на том, что он является здесь лишь «далеким зрителем», а не историком событий [8, с.349]. Однако композиционная структура «картин» «Ватерлоо» не характерна и для романного дискурса. В первую очередь потому, что «картины» эти не дескриптивны и статичны, а нарративны и динамичны. Им присущи движение и изменение в пространстве и времени., подчеркнутая «документалистская» лаконичность характеристик и особая перспектива. Так, «картина» поля битвы при Ватерлоо, в начале датируемая 1861 г., предстает как панорама некой местности, увиденной с высоты и скупой отмеченной названиями: Нивель, Ла-Гюльп, Лилуа, Буа-Сеньер-Иссак, – которые, как вехи, отмечают этапы движения означенных объектов, словно в обратной перспективе, то есть прогрессирующего укрупнения меньшего до размеров большего, пока все пространство не займет совсем мелкая деталь: «...крытая шифером колокольня Гран-л'Алле...» и последующее уточнение: «...похожая на перевернутую вазу» [8, с. 339]. С этого момента местность начинает как бы приближаться, на ней в той же перспективе укрупнения меньшего по мере приближения к зрителю вырисовываются еще более мелкие подробности.. Параллельно этому движению в пространстве такое же сухое перечисление артефактов маркирует движение в перспективе временной – от неясного прошлого – через настоящее – к прошлому конкретно-историческому. В результате этого пространственно-временного движения неясная, загадочная, похожая на россыпь мозаичной смальты «картина» обретает четкость, сфокусировавшись в одной точке: «...пригорок, на этом пригорке нечто похожее издали на льва [8, с. 340], – и, получив топонимическое уточнение: «Гугомон», –предстает как «...поле битвы при Ватерлоо», Это – «наведение резкости», прием, широко используемый в искусстве кино, которого в годы написания романа еще не существовало. Однако задолго до 1895 г. всевозможные оптические «чудеса» были известны во всем мире, благодаря представлениям «волшебного

фонаря». Аналогия демонстрации «картин» Ватерлоо последним не произвольна. Она определяется структурным аналогом нарративного модуса исходной точки всего эпизода одному из технических устройств «волшебного фонаря», позволявших передавать движение и изменения. Это так называемый «кошачий глаз». Имплицитно в первой главе «Ватерлоо» писатель, уточняя угол зрения и способ получения нужной резкости, вводит структурные эквиваленты «кошачьего глаза»: «Прохожий нагнулся и стал рассматривать в камне слева... довольно широкое круглое отверстие, похожее на лунку от снаряда». Затем «прохожий выпрямился, сделал несколько шагов и ушел, глядя вверх живой изгороди, ... он заметил на горизонте через стволы деревьев пригорок...» [8, с. 334]. «Круглое отверстие, похожее на лунку от снаряда», и просвет в «стволах деревьев» вверх «живой изгороди» расположены на стыке вида снизу и сверху. С их помощью на «экран» хронотопа «Ватерлоо» проецируются реалии битвы: «французское ядро», «картечь, которая не пробила дерево, – и современный памятник: «нечто похожее на льва». Иными словами, писатель моделирует дискурс эпизода как очевидный аналог устройства «кошачьего глаза», используя разные формы прошедшего времени во французском языке в качестве лингвистического подобия оптическим приспособлениям. Они придают демонстрации «картин» «Ватерлоо» кинематографическую динамику: изображают события и в плане диахронии, и в плане синхронии, показывая как саму битву 1815 г., так и артефакты, оставленные ею на память потомкам 1861 г., а также тот историко-философский урок, который был преподнесен всем будущим поколениям.

В дальнейшем Гюго использует еще один прием передачи движения и изменения, известный лантернистам в начале XIX в., который в кинематографии обозначается термином «наплыв». Данный эффект достигался с помощью «волшебного фонаря» с двумя объективами и позволял показывать переход от дня к ночи, от лета к зиме, северное сияние, снегопад, пожар и т.п. Достигалось это с помощью смены различной степени интенсивности светового освещения каждого из двух объективов, вставляемых в «волшебный фонарь», при замене в них изображений. С помощью этого приема оптического обмана зрения демонстраторы картин «волшебного фонаря» создали особый жанр – фантасмагорию. В конце XVIII в., фантасмагория – это искусство проецировать на экран и «оживлять» миниатюрные картинки с призраками или привидениями, нарисованными на

стеклянных пластинах. Возможность оживлять, увеличивать или уменьшать изображение отметила важнейший этап в эволюции понятия «картина», поскольку теперь ее основная функция заключалась в том, чтобы воздействовать на чувства зрителей, вызвать их эмоциональную реакцию. Все это делает очевидным тот факт, что, создавая «картины» «Ватерлоо», Гюго обращается к жанру фантазмагории и создает на страницах своего романа грандиозную фантазмагорию, вдохнув жизнь в привидения, заставив их прожить на глазах читателя/зрителя один из самых трагических эпизодов Истории. Причем фантазмагорией «картины» «Ватерлоо» являются не только потому, что к 1861 г. ее участников уже не было в живых и в «картинах» Гюго сражение разгорается между армиями-призраками, но и потому, что писатель моделирует повествовательный дискурс своих «картин» как аналог демонстрации фантазмагорий на представлениях «волшебного фонаря». Так, описанию самой битвы предшествует детализация ландшафта, плана Наполеона и его военной стратегии, а также погодных условий, авторских идей о закономерности исторического процесса [7, 335-343], которые служат как бы многофигурным и многокрасочным фоном, «сворачиваются» на глазах у читателя/зрителя в четкую конфигурацию буквы А как графического эквивалента условных обозначений в военной картографии. Затем в каждом из секторов этой «полевой карты» призраки воинов 1815 г. «оживают», чтобы еще раз сразиться с врагом и умереть на наиболее трагическом и важном участке битвы. При этом, используя отмеченный выше прием «наплыва» в «волшебном фонаре», Гюго то укрупняет, то уменьшает фигуры сражающихся «привидений», а иногда резкость «объектива» его камеры-нарратива доходит до такой степени приближения к объекту, что тот дается как бы «крупным планом». Наиболее яркий пример – «оживление призрака Наполеона». Сначала – это неподвижное привидение, безжизненный портрет, оттиск на холсте человеческой памяти [7, с. 344]. Затем текст Гюго коннотирует манипуляции демонстратора фантазмагорий с помощью «волшебного фонаря» [7, с. 345]. Далее, словно претворяя в жизнь этот процесс наведения резкости, как при проекции на экран фантазмагорий с помощью «волшебного фонаря», Гюго использует его структуру и «оживляет» призрак Наполеона. Он приходит в движение: ложится спать, просыпается, садится на коня, объезжает линию укреплений, беседует с солдатами и офицерами, шутит, – постепенно приближаясь к читателю/зрителю, и тот, наконец, «видит» такие детали, как «грязь», куда спешивается император, «кухонный

стол с россольмской фермы», «крестьянский стул», «охапку соломы вместо ковра». И «крупным планом» – улыбку, которой Наполеон хочет подбодрить роту саперов [7, с. 351-355]. Следуя технике смены интенсивности освещения картин фантазмагорий в «волшебном фонаре», аналогом которому является концепт гротеска в поэтике романтизма, Гюго отказывается в «Ватерлоо» от характерной для него красочности эмоционально-пафосного языка и обращается к сухому, лапидарному, почти «безликому» стилю, создавая тем самым аналог «камеры» как нарративного модуса, «превращающего» видимость в истину. Он приведет к ужасающей «фантазмагории» последней главы «Ватерлоо», показывающей, как по полю брани, усеянной телами погибших воинов, бродит «живой труп», мародер Тенардье, и, заметив среди трупов живого человека, вытаскивает его, чтобы обворовать. Такова страшная истина, «свет» которой прогнал «тени» легенды о Наполеоне.

Из сказанного выше, можно закономерно заключить, что битва при Ватерлоо как рубеж истории стала «стимулирующим контекстом» в котором ее отражение французскими писателями XIX в. от Стендаля до Гюго также отметило рубеж. При этом сама идея синтеза искусств, провозглашенная романтизмом, оказалась как бы «продублированной» синтезом самих новаторских приемов ее реализации в произведениях, рассмотренных нами авторов. Так, в первых главах «Пармского монастыря» Стендаль намечает многие перспективы литературной эволюции не только XIX, но и XX – XXI вв., связанные в первую очередь с новым пониманием отношения искусства и действительности. По Стендалю, автору первых глав «Пармского монастыря», мир литературного произведения – это не копирование действительности, а плод авторского переосмысления последней по законам творческого вымысла и его воплощения в особом дискурсе-тексте. С помощью последнего писатель намечает в главах о Ватерлоо ту модель человеческого бытия, которая в XIX в. была открыта Сёренем Киркегором, а в XX столетии легла в основу экзистенциалистской концепции мира и человека. Так, благодаря особой организации романного дискурса реальный исторический факт обретает значение символа. Битва при Ватерлоо, изображение которой в «Пармском монастыре» отсутствует, становится демаркационной линией, отделяющей, с одной стороны, литературную традицию от перспектив художественных исканий и экспериментов писателей будущего, с другой, «книжные» идеалы от бытийной реалии человека

нового времени, одиночество и трагизм которых предугадал Стендаль, создавая первые главы романа «Пармский монастырь».

Роман Дюма «Граф Монте-Кристо» – это один из первых образцов «мифологического романа» новейшего времени, поскольку миф понимается не как определенный сюжет, а как язык, элементы которого служат «строительными лесами» для возведения «нового мифа». Создавая «новый миф», Дюма, как и Стендаль, использует разнообразные приемы новой организации текста, многие из которых станут характерными для романного дискурса XX и XXI вв.

Главы «Ватерлоо» из «Отверженных» явились своеобразным аккумулятором предшествующих тенденций и одновременно обогатили их новыми открытиями. В поисках новых возможностей современной, то есть не классицистической литературы, адаптируя научно-технические открытия, подготовившие появление искусства кино, применительно к словесному искусству, Гюго приблизился к открытию особого модуса повествования, который в теории постмодернизма обозначается термином «камера». Правда в полной мере принцип «камеры» в «Ватерлоо» Гюго не был воплощен, поскольку его специфика состоит в абсолютном исключении автора. «Целью здесь является передача пласта жизни без какого-либо ощутимого выбора или организации материала в том виде, как она разворачивается перед регистрирующим ее медиумом» [9, с. 195]. В других книгах «Отверженных» принцип «камеры» вольется в стилевую полифонию великого романтика Гюго. Однако только в XX и XXI вв. он будет применяться наиболее последовательно, став одним из эстетических концептов от Э. Хемингуэя до «реализма без берегов» и «нового» нового романа».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Людина О.Е. Ватерлоо Фабрицио дель Донго в современном литературоведении // Известия КАЗУМОиМЯ им. Аблай хана. Серия «Филологические науки». - 2015. - № 2. – С. 74-90.
- [2] Stendhal. La Chartreuse de Parme. – Garnier–Flammarion, 1964.
- [3] Ronsard P. de. Les Amours. – P.: Livre de poche, 2014. – 445 с.
- [4] Dumas.A. Mes Mémoires. –P., 2012.
- [5] Геннель Л. Ванн Инициация. – Режим доступа – URL: – <http://www.philology/initiatia/html> – (дата обращения 17.12.2015).
- [6] Chevalier J., Gherrbrandt H. Dictionnaire des symboles. – P.: Robert Laffont/Jupiter, 2000. – 1060 с.
- [7] Dumas A. Le Comte de Monte–Christo. En 2 vol. – М.: EXMO, 1996. – 1080 с.
- [8] Hugo V. Les Misérables. En 3 v. V. I, – P.: Garnier–Flammarion, 1967.
- [9] Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. – М.: ИРТРАДА, 2002. – 858 с.

REFERENCES

- [1] Ludinina O.E Waterloo Fabritsio del Dongo v sovremennom literaturovedenii. *Izvestiya KAZUMOiMYA im. Ablai khana. Seriya «Filologicheskiye nauki»*, 2015, № 2, s.74-90 [in Russ.].
- [2] Stendhal. La Chartreuse de Parme. P. : Garnier – Flammarion, 2004, 509 s.
- [3] Ronsard P. de. Les Amours. P., Livre de poche, 2014, 445 s
- [4] Dumas A. Mes Mémoires. P., 2012.
- [5] Gennel L. Van Initsiatsiya. Rezhim dostupa – URL: – <http://www.philology/initiatia/htl> – (data obratcheniya 17.12.2015) [in Russ.].
- [6] Chevalier J., Gherrbrandt H. Dictionnaire des symboles. – P.: Robert Laffont / Jupiter, 2000, 1060 s.
- [7] Dumas A. Le Comte de Monte-Christo. En 2 vol. M.: EXMO, 1996, 1080 s.
- [8] Hugo V. Les Misérables. En 3 v. V. I. P. : Garnier – Flammarion, 2007, 1260 s.
- [9] П'ин I. P. Postmodernism. Slovar terminov. M. IRTRADA, 2002, 858 s. [in Russ.].

ТАРИХ ЖЕЛІСІ – ӘДЕБИЕТ БЕЛЕСІ

Людинина О.Е.,

ф.ғ.д., проф., Абылай хан атындағы ҚазХҚЖӘУ

Роман – герман филологиясы кафедрасы, Алматы, Қазақстан

Olga.Lyoudinina@gmail.com

Тірек сөздер: романтизм, модернизм, камера обскурасы, сөздің астары, сублимация, аңыз, қозғау, жаңғыру.

Андапта. Бұл мақалада XIX ғасырдың француз әдебиетіндегі Ватерлоо шайқасы кезіндегі, екі жүз жылдық көріністі зерттей, 2015 жылы атап өтті. Стендаля «Пармалық ғибадатханалар», А. Дюма-эке «Граф Монте-Кристо» және В.Гюгоның «Қашқындар» романдарын талдау нәтижесі: музыка, театр, кино, т.б., секілді роман-жазушылар әдістері өзге өнер пайдалануға Батыс Еуропа тарихында негізгі сәттердің бірі сөзбен көрсету үшін, осылайша модернизм және постмодернизм поэтикасын көздейді.

ISSN 2411-8745

«ФИЛОЛОГИЯ ҒЫЛЫМДАРЫ»

сериясы

4 (39) 2015

серия

«ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

Подписано в печать 25.12.2015 г.

Формат 60x84 1/8

Объем 19 п.л. Заказ № 34.

Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «ИПЦ»

КазУМОиМЯ имени Абылай хана